

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

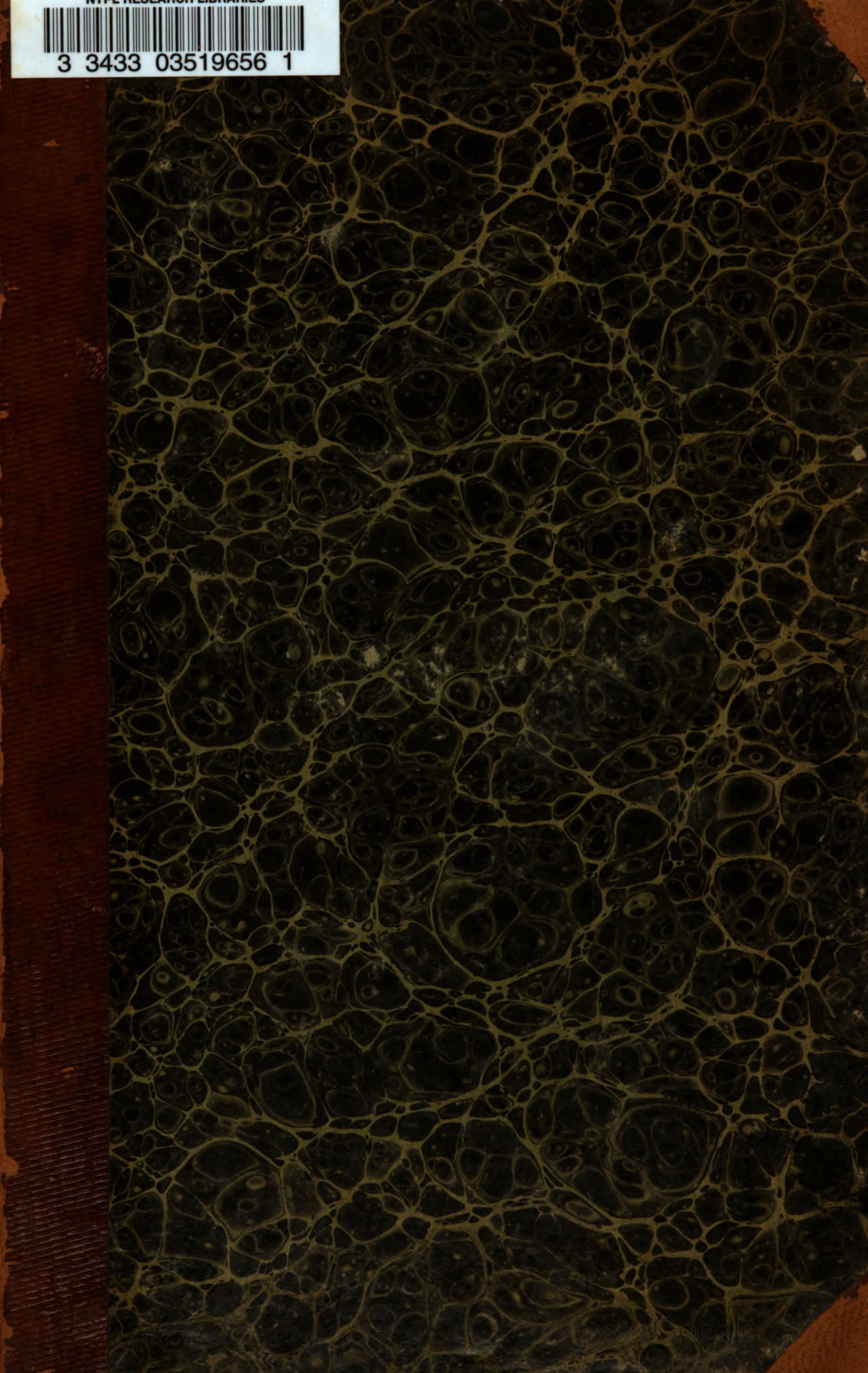
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 03519656 1

165

Шкафъ

37

шка

108

3674

21

37 5 19

Lytle

*QDZ
slav Res
Digitized by Google

2.5
9
2p

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

ВЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ.

А. БАШУЦКАГО.

Тол

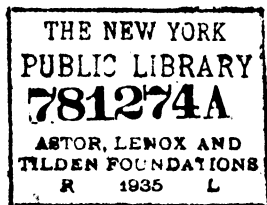
NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Гуттенберговой типографіи.

1839.

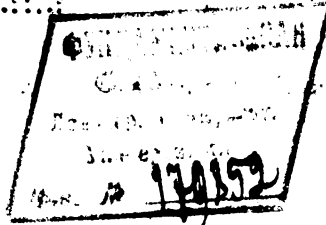
Printed in Soviet Union

Печатать по-зволется. С. Петербургъ, 14 апрѣля 1859.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

Ценсоръ *С. Куторга.*

Въ настоящую минуту,—самая важная новость въ современной жизни Россіи есть неслышанное по быстротѣ, великолѣпно и блеску возсозданіе царскаго жилища въ нашей сѣверной столицѣ, недавно-еще взиравшей съ грустію на печальный видъ обгорѣлыхъ его стѣнъ.—26-го марта, въ первый день Пасхи, Государь-Императоръ съ высочайшимъ семействомъ своимъ, уже слушалъ въ церкви возобновленнаго Зимняго-Дворца заутреню и обѣдню, окруженный болѣе нежели тремя тысячами своихъ подданныхъ-дѣтей, которые потомъ всѣ, разговлялись въ его чертогахъ, блестящихъ несравненно-большею противъ прежняго красотою и изящѣйшимъ убранствомъ. Возобновленіе Дворца—безпримѣрное въ лѣтописяхъ искусство и славы народной событіе—повсюду составляетъ теперь предметъ разговоровъ, и изумленія. Мы думаемъ оказать услугу соотечественникамъ сообщивъ на нѣсколькихъ листахъ, возможно подробное о семъ свидѣніи.

Рос. 21 Jan. 185

Время, въ которомъ мы живемъ, можетъ справедливо быть названо временемъ необыкновенныхъ событій и явленій чрезвычайныхъ. Чего не совершалось передъ очами нашими? Неожиданное — дѣлалось какъ-будто бы необходимымъ, невозможное—возможнымъ; еслибъ встали изъ гробовой пыли не прадеды, но хотя-бы дѣды наши, они не повѣрили бы повѣствованіямъ внуковъ, и факты, нарѣзываемые нами на скрижаляхъ современной исторіи, въ любопытство и поученіе поколѣній грядущихъ, почли бы повѣстями, порожденными хвастливостію нынѣшняго поколѣнія.

Разрушая созданное усиліями многихъ вѣковъ въ мірѣ вещественности и мышленія, вѣкъ текущій смѣло замѣняетъ старое новымъ, съ быстротою и силою, о которыхъ человѣчество не имѣло прежде понятія; возсоздавая даже, къ чтимымъ еще типамъ древности онъ прививаетъ яркія отличія жизни новой, кладетъ на все свою печать, и, раздвигая черту извѣстнаго, кажется, рѣшается дознать окончательно: гдѣ рубежи во времени и пространствѣ, которыми бы могла быть остановлена неудержная воля человѣка?

Не останавливаясь на событіяхъ неотносящихся къ предмету, которому мы намѣрены посвятить эту статью, обратимся къ явленію повторившемуся въ самое короткое время во многихъ столицахъ Европы, и набросившему невольную грусть на образованное общество. Измѣняя или уничтожая собственными руками святыя памятники старины, человѣкъ направляется на подобное дѣйствіе мыслію, которая, по-крайней-мѣрѣ по внутреннему его убѣжденію, заключаетъ въ себѣ что-нибудь поучительное, необходимое, великое; онъ дѣлаетъ это сознательно, хотя-бы и ошибочно

онъ тѣшитъ въ себѣ, въ одно и то же время, два чувства, двѣ страсти одинаково-горячія: возможность проявить свою мощь и желаніе создать полезное. Но когда случай, слѣпо и съ непобѣдимою силою, опрокидывается на что-либо одѣтое для насъ панцыремъ неодолимой неприкосновенности, красотою, величіемъ, древностію, святостію своего назначенія, завѣтами нашихъ вѣрованій, глубокими, почти-врожденными чувствами души, прикованными къ существованію того предмета; когда ничтожный случай бѣшено набрасывается на этотъ палладіумъ нашей любви, нашихъ вѣрованій, нашихъ привычекъ, сдѣлавшихся потребностію и какъ-бы частію нашего существованія . . . тогда неизъяснимая тоска сжимаетъ невольно сердце самое сильное; ни умъ, ни духъ не могутъ помириться съ необходимостію такого событія, съ возможностью такого зрѣлища. Какъ! безумное пламя, породясь отъ искры, развивается бѣшенымъ огненнымъ потокомъ, дерзко охватываетъ зданіе, сооруженное вѣками, и въ нѣсколько часовъ, насыщая свою дикую жадность, обращаетъ въ пепелъ и развалины—высокія творенія божественныхъ искусствъ, благороднѣйшія свидѣтельства нашего генія, драгоценнѣйшія перлы нашего богатства! . . . А если завѣты вѣры сердечной связаны съ существованіемъ этого уничтоженнаго памятника? если онъ—средоточіе надеждъ, счастья и спокойствія многихъ? если въ немъ издавна совершалось все великое и прекрасное? если изъ него, какъ отъ источника жизни, изливались на великій народъ: благость, милость, сила и счастье? если онъ домъ отца, боготворимаго милліонами дѣтей и помазаннаго свыше на ихъ блаженство . . . то какъ же могъ какой бы то ни было дѣятель природы дерзнуть ополчиться противу этой святыни? Какъ могъ

да рука судьбы коснется этого мѣста, святаго вѣрою и любовію? Уничтожая домъ царя, развѣ не уничтожало безумное пламя домъ каждаго изъ его подданныхъ?...

Таковы были чувства Русскихъ, когда, наслушавшись и начитавшись о пожарахъ, уничтожившихъ почти-одновременно и въ-продолженіе самаго короткаго періода, дворцы и замѣчательнѣйшія зданія въ большей части Европейскихъ столицъ, мы увидѣли, 17 декабря 1837 года, обширное зарево, покрывшее Петербургъ, и когда, по мѣрѣ того какъ яркіе его разливы ширились надъ городомъ, въ воздухъ несясь съ конца на конецъ страшный гулъ невѣроятной рѣчи: *Зимній-Дворецъ горитъ!*

Никто не хотѣлъ вѣрить возможности подобнаго событія; пламя не могло дерзко коснуться стѣнъ, на которыхъ возлежатъ благословія величайшаго народа и благословія всѣхъ народовъ, почерпнувшихъ миръ изъ этой хранильницы добра!—Горитъ домъ, гдѣ семья Царя Русскаго!... невозможно !!

Но черезъ три дня этотъ русскій богатырь-дворецъ стоялъ обгорѣлый, задымленный!—Величественный, могучій и въ бѣдствіи своемъ, онъ задушилъ жестокаго врага въ каменныхъ своихъ объятіяхъ; но самъ, изможденный отчаянною битвой, представлялъ образъ гигантскаго остова, безжизненнаго, но еще знаменовавшаго всю красоту и силу своей жизни. Казалось, требовалось долголѣтняго труда, усилій цѣлаго поколѣнія и пожертвованій невозможныхъ ни для кого, чтобы возсоздать уничтоженное. Такимъ видѣли мы Зимній-Дворецъ въ январѣ 1838 года, — въ мартѣ 1839-го мы привѣтствовали уже въ обновленномъ и дивномъ храмѣ его свѣтлый день Воскресенія Христа-Спасителя, и радостный день возстанія изъ пепла

свѣтлаго царскаго жилища, подъ кровомъ котораго Богъ позволялъ намъ, болѣе нежели тремъ тысячамъ подданныхъ его, быть представителями многихъ миллионовъ, вѣсть пасху у Великаго Хозяина Руси Православной, и чистою радостію сердца радоваться царевой радости!...

Неслыханное событіе — былъ пожаръ Зимняго-Дворца; невозможное дѣло — воссозданіе дворца въ томъ очаровательно-превосходномъ видѣ и възыскательной оконченности, какъ мы осматривали его нѣскольکو разъ во всѣхъ частностяхъ, отъ кабинета, гдѣ на вѣсахъ безкорыстнѣйшей любви, возможной смертному, возлежить судьба Руси въ руку царевой, отъ обворожительныхъ теремовъ царицы и царевны, до огромныхъ пріемныхъ палатъ, изящныхъ переходовъ и монументальныхъ лѣстницъ.

Журналы и газеты наши объявили объ открытіи и освященіи Зимняго-Дворца, какъ они объявляли о пожарѣ его; но, намъ кажется, обстоятельства сіи заслуживаютъ чего-нибудь болѣе обыкновенной, газетной статьи. Они такъ близки къ сердцу каждаго, они по-истинѣ такъ неслыханно-необыкновенны, что требовали бы особаго, подробнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ, ученаго сочиненія и пера самаго искуснаго. Станемъ надѣяться, что мы увидимъ подобный трудъ осуществленнымъ. — До-тѣхъ-поръ, я не могъ отказать сердцу своему въ потребности сообщить объ этомъ предметѣ соотечественникамъ то, что знаю и какъ умѣю. — Съ чувствомъ Русскаго, съ чувствомъ общимъ намъ всѣмъ, для меня связывалось еще самое заветное для человѣка чувство. Александръ-Благословенный; милостивый благодѣтель покойнаго моего.

отца *, самъ, съ почиющею въ Бозѣ матерію своею, со-
 благоволилъ держать меня и сестру мою, ничтожныхъ
 младенцевъ, на рукахъ своихъ, въ церкви дворца, въ
 которомъ я прожилъ отъ самаго рожденія своего съ по-
 койнымъ моимъ отцемъ первые 28 лѣтъ жизни,—изъ
 стѣнъ котораго, попечительною щедротою того же Мо-
 нарха, я былъ помѣщенъ на воспитаніе, и поставленъ
 въ путь жизни,—гдѣ наконецъ въ счастливѣйшее вре-
 мя моего существованія, въ-продолженіе служенія
 камеръ-пажемъ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоров-
 нѣ и Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, я надѣленъ
 былъ отъ судьбы возможностью лично часто видѣть
 и вполнѣ уразумѣть всю невыразимую кротость, всѣ
 добродѣтели и нравственныя совершенства благодат-
 наго семейства, и въ мягкія лѣта жизни познать всю
 мѣру счастья — ежедневно созерцать уроки высо-
 каго добра въ частной жизни тѣхъ, которые Богомъ
 поставлены всѣхъ выше, и быть осчастливлену ихъ
 милостивымъ, истинно - отеческимъ снисхожденіемъ
 къ неопытности преданнаго слуги и къ вѣтренности
 юноши. Не я одинъ конечно былъ въ этомъ положе-
 ніи, и намъ-то, Дворецъ-Зимній невыразимо-драго-
 цѣненъ; это время не можетъ быть ничѣмъ изглаже-
 но изъ памяти; каждый уголъ, каждый камень двор-
 ца освященъ для воспоминаній нашего сердца неру-
 шимымъ завѣтомъ удивленія, любви, преданности и
 благодарности!

* П. Я. Башуцкій, пятый комендантъ города Санктпетербурга, занималъ сію должность съ 1803 по конецъ 1833 года. До им-
 ператора Павла I должности оберъ-комендантовъ и комендан-
 товъ крѣпости и города были нераздѣльны, и вторая подчиня-
 лась первой; съ 1796 г. онѣ совершенно раздѣлились.

I.

ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДВОРЦЕВЪ.

Обращаясь къ началу Зимняго-Дворца, представимъ краткую хронику зданій, которыя онъ долженъ былъ замѣнить и какъ-бы поглотить своими гигантскими размѣрами, изяществомъ монументальнаго построенія и художественною роскошью отдѣлки.

До 1708—1709 года, жизненная дѣятельность Петербурга сосредоточивалась на зарѣчныхъ сторонахъ и наиболѣе на Петербургской, гдѣ жилъ могущественный основатель столицы въ своемъ крохотномъ домикѣ, первомъ *Дворцѣ*, сохраненномъ на уваженіе потомства. Съ 1709 года населеніе лѣваго берега начало увеличиваться съ необычайною быстротою, которой особенно способствовало возвышеннѣйшее положеніе мѣста, нескрывшееся и отъ царя, желавшаго первоначально создать городъ на островахъ, въ видахъ осѣдлаго помѣщенія тамъ торговли и биржи, при возможности кораблямъ съ товарами приходить изъ Кронштадта и прямо разгружаться у берега. Но когда эта мысль получила прочное исполненіе, когда пребываніе самого царя въ новой столицѣ сдѣлалось постояннымъ, когда именитые путешественники и послы начали чаще посѣщать городъ, когда при дворѣ и въ

высшемъ кругѣ ввелись обычаи и условія европейской общежительности, и сношенія внѣшнія расширились, а внутреннія со дня на день начали приводиться въ болѣшую ясность, — тогда необходимость потребовала для царя жилища болѣе вмѣстительнаго. Петръ выбралъ, какъ всегда, мѣсто смѣжное съ водою, уголь земли, гдѣ Фонтанка изливается изъ Невы, и тутъ повелѣлъ въ 1711 г. строить небольшой двухэтажный домъ, для лѣтняго своего пребыванія, названный по этой причинѣ *лѣтнимъ домомъ* *, при немъ развели обширный садъ, усаженный аллеями липъ, дубовъ и плодовыхъ деревьевъ, получившій отъ дома также названіе *лѣтняго сада* **.

* Все это особенно любопытно для каждаго Русскаго, и потому мы, не стѣсняясь, входимъ въ нѣкоторыя подробности. О постройкѣ не сохранилось вѣрныхъ свѣдѣній, но въ 1714 году она еще несомнѣнно была окончена, ибо 2 мая состоялось высочайшее повелѣніе «сдѣлать на *лѣтнемъ дворѣ* въ палатахъ штукатурную работу, между окнами верхними и нижними фигуры, какъ бау-директоръ дастъ; фреджи (фризы); лѣстницу, начатую въ стѣнахъ, сдѣлать столярною работою, дубомъ, какъ шаръ круглую; лѣстницу, что на переходѣ, сдѣлать голандскимъ маниромъ, съ перилами изъ дуба же; въ поварнѣ выкласть плитками стѣны, а наверху сдѣлать другую поварню, также плитками выслать; желѣзо, которое въ поставкахъ, мѣдью покрыть. Въ огородѣ сдѣлать гротъ, съ погребами и ватеръ-кунстомъ, о чемъ пропорцію взять у бау-директора, о которомъ ему же приказали; оранжереи отдѣлать по тексту, каковъ дастъ онъ же бау-директоръ.» Наверху собственною рукою Петра было приписано: «сдѣлать *нынѣшнимъ лѣтомъ*», — а въ концѣ передъ подписью прибавлено: «въ *Петергофѣ* сдѣлать *палатки маленькія по данному тексту*». — Извѣстно по книгѣ высочайшихъ повелѣній, что при построеніи Лѣтняго-Дворца у работъ находилось 160 гарнизонныхъ рядовыхъ.

** Позже лучшее устройство сада было поручено Петромъ Каспару Фохтсу, ганноверскому уроженцу, занимавшемуся

Въ 1725 году пристроенъ былъ къ дворцу торжественный залъ для бракосочетанія государыни царевны Анны Петровны съ его королевскимъ высочествомъ Карломъ Фридрихомъ Голштейнъ-Готторпскимъ. Онъ разобранъ въ 1731 году и замѣненъ небольшимъ деревяннымъ же лѣтнимъ дворцомъ государыни Анны Иоанновны, оканченнымъ въ 1732, и сломаннымъ при Елисаветѣ Петровнѣ.

садоводствомъ въ Ревелѣ; Петръ, полюбивъ его, уговорилъ ѣхать въ Петербургъ, и тутъ, представляясь государынѣ, Фохтъ неожиданно увидѣлъ у нея въ комнатѣ жену и дѣтей, о которыхъ скучалъ, и которыхъ внимательный государь выписалъ, чтобъ порадовать добраго садовника. Фохтъ разводилъ также и Аптекарскаго-Сада. — Фонтанка, прежде неизвѣстно-какъ называвшаяся, приняла названіе Фонтаншой-Рѣчки, потому-что подъ нею были проведены изъ бассейновъ (въ Рождеств. Части) трубы для фонтановъ Лѣтнаго-Сада, устроенныхъ въ 1718 и 1719 годахъ. Вотъ указъ по сему случаю Петра I съ корабля *Ингерманланди*, отъ Ревеля, іюля 31-го 1718 года:

«Господинъ Черкасской!

«Присланную изъ Англіи мѣдную машину, которая гонетъ воду огнемъ, вели скорѣе собрать, и сдѣлай у фонтана лѣтнаго дома, по чертежу мастера (который съ тою машиною присланъ), печь, — дабы я при возвращеніи своемъ увидѣлъ ея дѣйство.»

До 1743 и 44 годовъ Лѣтній-Дворецъ, приходя въ ветхость, оставался въ такомъ положеніи, какъ былъ при Петрѣ I. — При Елисаветѣ Петровнѣ состоялись указы (2 марта 1743 и 18 янв. 1744) о томъ, «чтобъ исправить крыльце и все, что требуетъ починки, при малыхъ палатахъ, въ которыхъ прежде жительство имѣть соизволилъ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти нашъ любезнѣйшій родитель; также мосты, гавань, эленигъ и пр., по показанію оберъ-архитектора графа Растреллі, въ скорости.» — А въ саду приказано «выровнять землю, вырыть ямы, для посаженія деревъ и боскетнаго полисада, по новому плану для сада, подъ руководствомъ садоваго мастера Шредера.»

Для зимняго жительства, Петръ I, въ томъ же году (1711), выстроилъ каменный *зимній домъ*, почти-одинаковой величины съ лѣтнимъ, на томъ же берегу Невы, при углѣ, образуемомъ нынѣшнимъ Зимнимъ-Каналомъ и Большою-Милліонною, гдѣ находится домъ 1-го батальона л.-г. преображенскаго полка. Первоначально домъ вмѣщалъ въ себѣ малое число комнатъ и былъ обращенъ лицевою стороною къ каналу, находился почти на самой серединѣ его протяженія между Невкою и Милліонною; но когда Милліонная Набережная Улица стала застраиваться каменными домами, подавшими-мися гораздо ближе къ рѣкѣ, тогда дворецъ, о которомъ мы говоримъ, заслонился и остался какъ-бы во дворѣ. Петръ I приказалъ въ 1721 году пристроивать къ нему набережныя палаты, ближе къ Невѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажнаго - Театра, но нѣсколько поглубже, и, по отстройкѣ ихъ (въ 1722 году), прежній *зимній домъ* частью былъ разобранъ, частью же обращенъ въ службы новаго. Здѣсь жили Петръ I и Екатерина, и здѣсь незабвенный преобразователь Россіи скончался 28 января 1725 года, въ первой четверти втораго часа по-полуночи.

Въ 1726 году, по повелѣнію императрицы Екатерины I этотъ дворецъ былъ распространенъ строеніемъ на всѣ три стороны. Анною Іоанновною онъ обращенъ въ помѣщеніе для придворныхъ музыкантовъ, а Елисаветою Петровною отданъ для житія Лейбъ-Кампанцамъ.

Петръ II началъ строить въ 1726 г. обширный дворецъ на Васильевскомъ-Острову; но выведены были одни только погреба и строеніе оставлено недоконченнымъ.

Возратимся къ Лѣтнему-Саду. Онъ, какъ нынѣ, тянулъ свои прямыя аллеи до Мойки, за которою, на

мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго-Замка, Петръ I построилъ для своей супруги лѣтній деревянный домъ, съ весьма-милымъ садикомъ. Комнаты этого дворца были особенно-хорошо отдѣланы и убраны богатою мѣбелю и отборными картинами *; въ 1723 году

* Вообще у насъ такъ мало знакомы съ розысканіями о Петербургѣ, что читателямъ нашимъ конечно неспріятно будетъ увидѣть здѣсь имена первыхъ, настоящихъ строителей его: *мастеровыхъ людей иноземцевъ*, выписанныхъ и вывезенныхъ Петромъ I изъ разныхъ странъ. Съ этими-то *помощниками*, какъ называлъ ихъ царь, онъ, зная самъ каждого, заботливо создалъ великолѣпную столицу, на топяхъ, вязкихъ болотахъ и среди густыхъ лѣсовъ. Чтобы показать, чего стоили царю эти мастера и какъ онъ былъ экономенъ, тотчасъ отпуская ненужныхъ,—мы выставляемъ на полѣ, противъ каждого имени, годовой окладъ его жалованья и помѣтки, собственною рукою царя сдѣланныя. Свѣдѣнія сіи хранились въ книгѣ указовъ, въ *Канцеляріи Гордодовыхъ Дѣлъ*, и простираются отъ 1706, кажется, не далѣе 1717 года.

Въ годъ:

<i>Архитекторы:</i>	Андр. Трезинъ . . .	1,000 руб.
	Матернови	450 —
	Яганъ Каптреръ	500 руб.
	Иванъ Устиновъ	136 —
<i>Ученики</i>	четыре	отъ 36 до 60 —
<i>Служащіе мастера:</i>	Ант. Броуръ	560 —
	Тимофѣй Фонармусъ	420 —
	Аршгоутеръ	360 —
<i>Разнаго дѣла:</i>	Францъ Цизлеръ	300 —
	Конрадъ Оснеръ	} по 180 —
	— Ганрартъ	
	Андр. Цизлеръ	
	Егелъ Крозонъ	
	Москопъ	120 —
	Меллеръ	84 —
<i>Камен. дѣла:</i>	Диркъ-ван-Альмерсъ	396 —
	Баумгартъ	180 —

это мѣсто было соединено съ Лѣтнимъ-Садомъ вновь-выстроеннымъ мостомъ. По смерти Екатерины I, дворецъ ея былъ необитаемъ и отъ запущенія вскорѣ пришелъ въ ветхость; полуразрушенные его остатки

Яганъ Гиль	}	по 120 руб.	ОТМѢТКИ РУ- КОЮ ЦАРЯ:	
Минеръ				
Флеръ				
Давыдъ Фрументъ	84 —			
Ефр. Артъ	}	по 60 —		
Андр. Арпъ				
М. Ганцъ	117 —			
Юрій Пецлеръ	78 —			
Плотники: Яганъ Грикъ	}	по 120 —		Отпустить.
Гансъ Руть				
Юр. Виткопъ				
Фр. Кухманъ	60 —			
Столяры: Лангъ	180 —			
Гарм. фон-Большъ	}	по 395 —	Отпустить.	
Диркъ ван-Свитенъ				
Прищъ	234 —			
Плотничій мастеръ Барто: ван-дер-Клуть	1,950 гульд.	{ Опробовать, и буде не сдѣлаетъ противъ гол- ландскихъ, от- пустить.		
Финскіе: Павелъ Ягановъ	}	по 14 р. 40к.	{ Отпустить.	
Питеръ Юрьевъ				
Черепичнаго дѣла: Фридрихъ Лео	180 руб.			
Андрикъ Бунтъ	}	по 120 —		
Егонъ Тить				
Штукатурнаго: Иоганъ Росси	350 —			
Ант. Квадритетръ	350 —			
Желпъ	» »			
Боцманъ Филипъ Корнилюсъ	107 —			
Турецкихъ банъ Осипъ	{ Давыдовы	180 —		
мастера: Павелъ		144 —		
Гонимнаго: Юр. Рельманъ	84 —			
Дан. Рудофъ	36 —			
Паруснаго: Юженъ Меллеръ	186 —			

На томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ фасъ Зимняго-Дворца обращенный къ Адмиралтейству, находились тогда Морская Академія и прекрасный домъ генераль-адмирала графа Ѳеодора Матвѣевича Апраксина, завѣщаніемъ его оставленный со всѣмъ въ немъ находившемся, императору Петру II-му. Эти два дома, изъ коихъ первый былъ сломанъ, а другой увеличенъ, были обращены въ дворецъ подъ названіемъ *Новаго Зимняго*; отдѣлка окончена въ 1732 году, и Анна Іоанновна, возвратясь изъ Москвы, съ коронаціи, первая начала жить въ немъ; рядомъ на Неву, былъ домъ оберъ-камергера Бирона. Лѣтнимъ жилищемъ этой государыни, кромѣ перестроеннаго изъ торжественнаго зала, въ Лѣтнемъ-Саду (о чемъ упомянуто выше), былъ такъ-называемый *Итальянскій Домъ*, выстроенный около 1712 года и находившійся на мѣстѣ нынѣшняго Екатерининскаго Института, нѣсколько глубже отъ Фонтанки къ Литейной; за нимъ тянулся огромный и прекрасный садъ въ итальянскомъ вкусѣ, вплоть до нынѣшней Знаменской-Улицы *.

Почти-каждое царствованіе имѣло свой дворецъ; но ни одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ мы упомянули, не

* Итальянская-Улица, идущая параллельно Невскому-Проспекту, мимо Инженернаго Манежа и Экзерциргауза, соединялась тогда деревяннымъ мостомъ съ Итальянскою, идущею подъ прямымъ угломъ отъ Литейнаго-Проспекта, и такимъ образомъ ограничивала съ одной стороны все мѣсто занятое Итальянскимъ Дворцомъ и садомъ. Дворецъ, давно уже необитаемый, былъ отданъ, въ 1801 году, императоромъ Александромъ, по желанію Маріи Ѳеодоровны, подъ Екатерининскій-Институтъ, и частью сломанъ и перестроенъ; а черезъ два года, въ распоряженіе благотворительной матери бѣдныхъ былъ отданъ и итальянскій садъ, для построенія больницы для бѣдныхъ (Маріинской).

могъ быть названъ, по обширности, красотѣ или убранству, настоящимъ жилищемъ царскимъ: то были дома довольно-зажиточныхъ баръ, но не дворцы, достойные россійскихъ императоровъ. Елисаветъ Петровнѣ предоставлено было не только дать новое, первое правильно-общее расположеніе городу, основанному ея родителемъ, но и украсить столицу превосходными зданіями, еще по-нынѣ величіемъ стила спорящими съ новѣйшими построеніями,—наконецъ соорудить Зимній-Дворецъ, краснорѣчивый глашатай гениальности графа Растрелли, завѣщавшаго сѣверной Пальмирѣ столько изящныхъ произведеній, которыя, переживая многое, долго будутъ передавать имя знаменитаго строителя потомкамъ нашимъ.

При недостаткѣ дворца и желаніи выстроить достойный россійскихъ самодержцевъ, императрица Елисавета Петровна обратила первоначально вниманіе свое на мѣсто прекрасное, въ то время покинутое, но нѣкогда занятое лѣтнимъ домомъ Екатерины I и священное государынѣ по воспоминаніямъ; тутъ она предполагала соорудить огромный дворецъ. Въ-послѣдствіи планъ былъ однакоже измѣненъ; для большаго дворца назначено нынѣшнее его мѣсто, болѣе-открытое, омываемое несравненною Невою; а на томъ, представлявшемъ возможность развести сады, чего здѣсь нельзя было сдѣлать, построенъ, въ 1742 году, прекрасный лѣтній деревянный дворецъ, на каменномъ фундаментѣ, крытый блестящимъ бѣлымъ железомъ, и совершенно въ итальянскомъ вкусѣ. Это зданіе, величественнаго и красиваго вида, занимало почти то самое мѣсто, на которомъ находится нынѣ Инженерный Замокъ. Середина имѣла лишній этажъ противъ прочихъ частей; по бокамъ главнаго фасада

(къ Мойкъ) отдѣлялись впередъ два выступа. Мѣсто къ Мойкѣ было занято садомъ въ голландскомъ вкусѣ; изъ дворца на него выходила богатая терраса, украшенная мраморными вазами и четырьмя полукруглыми лѣстницами.

Садъ этотъ, оживленный тремя фонтанами, для дѣйствія которыхъ воспользовались трубами, проведенными при Петрѣ I подъ Фонтанкою и доставлявшими воду изъ Лигова-Канала для фонтановъ Лѣтнаго Сада,—назывался *Шведскимъ* или *Верхнимъ*. Первое названіе происходило отъ-того, что садъ былъ разведенъ выписаннымъ изъ Швеціи садовникомъ; второе потому-что *ниже*, по Мойкѣ, находился другой садъ, нынѣ принадлежащій ко дворцу Его Высочества Михаила Павловича. Кромѣ мостика, соединявшаго это мѣсто съ лѣтнимъ садомъ при Петрѣ и возобновленнаго, выстроена была отъ лѣвой оконечности главнаго дворцоваго фасада галлерей, перебрасывавшаяся черезъ Мойку. Верхняя часть ея составляла превосходную открытую террасу, а нижняя—обширную залу, въ которой давались обѣды и балы. Залою и террасою можно было проходить въ Лѣтній-Садъ; этотъ дворецъ былъ собственно-лѣтній. — Зимой Императрица жила во дворцѣ, который занимали ея предшественники, во многомъ ею исправленномъ, какъ мы увидимъ ниже (перестроенномъ изъ дома Апраксина); но когда утвержденъ былъ планъ построения на этомъ мѣстѣ новаго, для чего всѣ находившіяся тутъ строенія сломаны до основанія (въ 1754 году), тогда императрица переехала на постоянное жительство въ нарочно построенный, по ея повелѣнію, графомъ Растрелли деревянный дворецъ, у Полицейскаго (тогда Зеленаго)-Моста, на мѣстѣ гостинаго двора, сгорѣвшаго въ 1736

году. Это мѣсто такъ измѣнилось нынѣ, что жители Петербурга, незнающіе того, не могли бы подозрѣвать существованіе здѣсь когда-либо обширнаго и прекраснаго дворца. Мѣсто занятое имъ, со службами и принадлежностями, простиралось въ длину отъ Полицейскаго-Моста до Малой-Морской, а въ глубину отъ Невскаго-Проспекта далѣе нынѣшняго Кирпичнаго-Переулка. Часть дома, бывшаго Массы (нынѣ Жако), и каменный домъ, находящійся вправо отъ входа съ Морской, во дворъ, гдѣ помѣщается заведеніе г-на Палаци для діорамы и косморамы, суть единственные остатки этого дворца: тутъ жили придворные служители; въ послѣднемъ изъ сихъ домовъ помѣщалась кухня, и внутренняя лѣстница сохранилась въ немъ понынѣ почти безъ перемѣны.

Елисавета Петровна скончалась въ этомъ дворцѣ, 25 декабря 1761 года, а въ 1762 году онъ былъ сло-манъ, и не только все внутреннее убранство, но и большая часть наружныхъ его украшеній были перевезены въ Красное-Село.

Елисавета Петровна имѣла еще собственный дворецъ, въ которомъ изволила жить, бывъ цесаревною: то былъ домъ Александра Львовича Нарышкина, купленный подъ дворецъ въ 1732 г., а въ 1742 подаренный графу Разумовскому. — *Смольный Дворецъ*, гдѣ нынѣ Смольный-Монастырь *, назывался тоже собственнымъ домомъ Елисаветы Петровны; здѣсь началось ею построеніе Новодевичьяго-Воскресенскаго Монастыря.

* Смольнымъ названъ отъ находившагося тутъ запаснаго двора, на которомъ гнали и сохраняли смолу для флота. Дворъ уничтоженъ при назначеніи мѣста подъ казармы кавалергардскаго полка.

Вотъ всѣ дворцы предшествовавшіе Зимнему въ С.-Петербургъ *. Мы уже сказали выше, что мысль и планъ построения на этомъ мѣстѣ обширнаго великолѣпнаго дворца принадлежитъ Елисаветѣ Петровнѣ;

* Для полноты свѣдѣній, мы упомянемъ о загородныхъ дворцахъ и тѣхъ городскихъ, которые первоначально были строены съ особеннымъ назначеніемъ.

Всѣ-почти загородные дворцы были приморскіе, по особенной склонности Петра-Великаго къ морю, и большею частію начаты сооруженіемъ въ 1711 году.

1. Дворецъ *Екатерингофскій*, за деревнею Кальюлою или Калинкою, построенъ въ память победы, одержанной Петромъ лично противъ этого мѣста въ 1703 году мая 6; при чемъ взяты были два шведскіе корабли. Мѣсто названо Екатеринингофомъ въ честь государыни.

2. Повыше, былъ выстроенъ для цесаревны Анны Петровны дворецъ, названный *Анненгофъ*, и возлѣ —

3. Для Елисаветы Петровны, *Елисаветенгофъ*. Оба уничтожены за ветхостію; они занимали пространство по берегу Невы отъ впаденія въ нее Фонтанки до Екатерингофа.

4. Ниже Екатерингофа, на особомъ островкѣ, Петръ I приказалъ построить для себя маленькій каменный домикъ съ башнею, откуда государь смотрѣлъ на приходящіе съ моря корабли. Дворецъ и островокъ назывались *подзорными*.

5. На *Крестовскомъ*-Островѣ, принадлежавшемъ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, тоже былъ выстроенъ небольшой дворецъ.

6. Дворецъ *Дубки* былъ выстроенъ на Выборгской-Сторонѣ собственно для Петра I, по дорогѣ къ Сестрорѣцку, близъ дубовой роши, рукою государя насажденной.

7. Дворецъ мазанковый Алексѣя Петровича, на берегу Невы, повыше кирпичныхъ заводовъ, въ деревнѣ *Кайкушахъ*, въ 1714 году.

8. Императорскій Каменный Домъ, и при немъ гостинный дворъ, въ Кронштадтѣ.

но какъ прежде здѣсь былъ уже довольно-значительный дворецъ, хотя сломанный при zaloженіи нынѣшняго, то началомъ Зимняго-Дворца должно принять указъ Императрицы Анны Іоанновны, 11 мая 1732 года, дан-

9. Дворецъ на большой московской дорогѣ, сперва деревянный, а при Елисаветѣ Петровнѣ каменный (Среднеперогатскій).

10. Дворецъ огромный, каменный въ *Стрѣлиной Мызѣ*, съ обширнымъ садомъ, начатъ въ 1711 году.

11. *Ораніенбаумъ*, тоже въ 1711; принадлежалъ князю Меншикову, а въ 1727 году взятъ въ казну.

12. *Петергофъ* начатъ въ 1711 и назывался *Домомъ Петра - Великаго*. Распространенъ и украшенъ Елисаветой Петровной.

13. Дворецъ въ Гостилицахъ, въ 54 верстахъ отъ Петербурга, принадлежалъ сперва графу Миниху, потомъ графу Разумовскому.

14. Дворецъ въ Красномъ-Селѣ.

15. Дворецъ въ Сарскомъ-Селѣ начатъ весьма маленькій Екатериною I, а въ 1744 году въ обширномъ видѣ. — Большая часть сихъ дворцовъ чрезвычайно - украшены императрицею Екатериною II.

16. Дворецъ на Ижорѣ, для проѣзда въ Шлиссельбургъ, былъ сперва построенъ изъ разобраннаго въ Шлиссельбургѣ стараго королевскаго шведскаго дома, послѣ сломанъ, построенъ новый, и опять уничтоженъ временемъ.

17. Дворецъ въ собственной рыбацкой вотчинѣ Елисаветы Петровны, построенъ въ 1745 году.

18. Дворецъ въ мызѣ *Пеллѣ* строенъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II; было 7 каменныхъ корпусовъ и двѣ кухни, шесть сломаны и матеріалы пошли къ построенію Казанской Церкви, а отъ трехъ остальныхъ для Михайловскаго Дворца.

Городскіе дворцы. — 1. *Аничковъ* (нынѣ Собственный) начатъ

ный гофъ-интенданту Кармедону, подъ смотрѣніемъ котораго строеніе первоначально сооружалось; послѣ оно поручено было генераль-аншефу Вильгельму Вильгельмовичу Фермору, а позже директору академіи

въ 1741 для обер-егермейстера и камергера графа Разумовскаго, который въ немъ померъ*; послѣ — подаренъ Потемкину, купленъ у него и подаренъ вторично. Въ 1807 году пожалованъ въ даръ нынѣ благополучно-царствующему Императору.

* Не входимъ въ подробности, онъ завлекли бы далеко, хотя нѣкоторые объ этихъ дворцахъ весьма-любопытны. Происхожденіе названія *Аничковъ* отъ полка полковника Аничкова, расположеннаго въ слободѣ за мостомъ.

2. *Мраморный*, начать въ 1768, конченъ въ 1783 году; строенъ для графа Орлова и подаренъ ему; но онъ въ немъ никогда не жилъ. По смерти графа купленъ и подаренъ въ собственность покойнаго цесаревича Константина Павловича. Здѣсь жилъ и умеръ король польскій Станиславъ-Августъ Понятовскій.

3. *Тавричeskій*, строенный архитекторомъ Старовымъ въ подарокъ отъ императрицы князю Потемкину-Таврическому. Купленъ у него при его жизни. Въ 1792 увеличенъ; въ 1797 лишенъ большей части украшеній, взятыхъ въ Михайловскій Дворецъ; въ 1803 приведенъ въ первобытное положеніе.

4. *Михайловскій*, строенъ по проекту архитектора Бренна, по повелѣнію императора Павла I, желавшаго соединить въ одномъ зданіи красоту стилей гражданской и военной архитектуры. Въ 1797 положенъ былъ первый камень, а въ февралѣ 1800 дворецъ уже былъ обитаемъ.

5. *Его Высочества Михаила Павловича*, начать въ 1819 году по проекту архитектора Росси; садъ разводилъ Менеласъ; совершенно-оконченъ въ 1825 году.

На островахъ. — 6. *На Каменномъ*, поступилъ въ гофъ-интендантское вѣдомство въ 1797; былъ особенно любимъ императоромъ Александромъ I, и въ царствованіе Его украшенъ.

Ивану Ивановичу Бецкому; оберъ-архитекторомъ былъ графъ де-Растрелли. — Первоначальному строенію не сохранилось ни сметъ, ни плановъ; тогда управленіе не имѣло того стройнаго теченія, къ которому мы привыкли нынѣ, и сановники, облеченные главною довѣренностію, распоряжая всѣмъ сами, задерживали вѣроятно у себя эти любопытные факты, такимъ образомъ къ-сожалѣнію утратившіеся для насъ. Изъ уцѣлѣвшихъ урывочныхъ свѣдѣній можно извлечь только нѣкоторыя частности; такъ напримѣръ, видно, что на постройку отпущено было изъ разныхъ мѣстъ въ 1732 году 80,000 руб.—въ 1733—70,000, еще 4,000 руб., еще 11,350, и 35,000 руб.;—въ 1734-мъ 36,000 и еще 35,000 р.—Подобныя суммы, важныя для тогдашняго времени, свидѣлствуютъ, что и Зимній-Дворецъ Анны Іоанновны былъ уже достоинъ своего назначенія.—Изъ императорскихъ повелѣній, объявленныхъ Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ, извѣстно, что, при самомъ началѣ новаго строенія, снятый съ крыши стараго гонтъ былъ отданъ на покрытіе солдатскихъ казармъ л.-гв. измайловскаго полка; что строеніе шло успешно и работы совершались рачительно, подъ строгимъ наблюденіемъ; вотъ примѣръ: плотникъ *Истоминъ*, взявъ на себя дѣлать крышу, не выдержалъ обязательства къ сроку, и на его счетъ она окончена

7. На *Елагинѣ* (извѣстномъ при Петрѣ подъ названіемъ *Мишина*), купленномъ въ казну отъ графа Орлова въ 1816 году. Въ то время тамъ уже было строеніе; перестройка начата въ 1818 году; — островъ значительно поднятъ и все отдѣлано, обстроено и приведено въ нынѣшнее очаровательное положеніе жилища, истинно-царскаго, болѣе по вкусу, нежели по роскоши, къ 1826-му году.

съ передачею отъ казны 1,890 рубл. Указомъ 26 февраля 1734 года Истоминъ былъ прощенъ. Столярная и рѣзная работы, которыми дворецъ наиболѣе отличался, были произведены Французомъ *Мише.и.и.*

По переѣздѣ въ этотъ дворецъ Елисаветы Петровны, онъ во многомъ былъ чрезвычайно-улучшенъ, наружною и внутреннею, въ разное время, отдѣлкою; и въ-то же время предприняты мѣры для облегченія въ-послѣдствіи монументальнаго строенія, о которомъ императрица не переставала помышлять.—Въ 1742 году указомъ подаренъ оберъ-егермейстеру и лейбъ-компаніи поручику, дѣйствительному каммергеру Алексѣю Разумовскому казенный домъ, находившійся близъ стараго зимняго дворца, купленный у Склаева и перестроенный архитекторомъ Трезиннымъ, для фрейлины графини Юліи Менгденъ.—Въ 1743 устроены на Невѣ огромные кирпичные заводы и выписаны изъ Италіи мастера дѣлать кирпичнаго, черепичнаго, штукатурнаго, квадратнаго, каменнаго и камнетеснаго. Въ 1747 заводы сіи повелѣно еще увеличить и размножить, чтобъ они могли производить безъ остановки и достаточно для предстоящихъ большихъ государственныхъ, публичныхъ и частныхъ работъ; въ то же время начальствованіе ими передано отъ Трезина капитану кюменегородскаго полка Михаилу Троимовичу Хвостову.

Между-тѣмъ, по-временамъ, во дворцѣ производились внутреннія перестройки, и украшались и перedѣлывались покои; въ 1743 перенесены изъ дома фельдмаршала Миниха драгоцѣнные бѣлые мраморные каминны;—въ 1746 устроенъ графомъ Растрелли подъемный и спускной для обѣдовъ (безъ слугъ, по колокольчику), столъ, и проч. и проч.

Въ 1754 году, государыня Елисавета Петровна рѣшила наконецъ приступить къ сооруженію нынѣшняго дворца и утвердила проекты и планы, представленные графомъ Растрелли. Тогда учреждена была особая строительная коммиссія; къ работамъ назначено по 10 оберъ-и-унтеръ-офицеровъ отъ полковъ лейб-гвардіи; повелѣно отпустить въ два или три года всего 860,000 руб., и начаты важныя постройки по всему фасау съ луговой стороны (на площадь) и по фасау, обращенному къ Адмиралтейству.—Здѣсь свѣдѣнія опять становятся неясны и неполны; но извѣстно, что предполагаемый планъ постройки все увеличивался, стремясь обнять зданіемъ весь огромный кварталъ, который имѣ занять нынѣ; такъ въ 1757 году купили у протоіерея Ѳедора Дубянского, духовника императрицы Елисаветы Петровны и московскаго благовѣщенскаго собора протоіерея, за 20,000 руб. каменный его дворъ, находившійся близъ Зимняго-Дворца.

Въ 1758 году отпущено было на работы 63,000, въ 1759 — 79,000, да особо изъ кабинета 150,000 р., и предполагено давать ежегодно по 120 тысячъ. Въ 1760 году, при графѣ Растрелли находился уже архитекторъ Фельтенъ, послѣ него заступившій его мѣсто. Въ то время луговой фасъ былъ значительно доведенъ до окончанія, а на довершеніе стросенія, на набережную обращеннаго, кромѣ аванзала и укрѣпленія береговъ, Растрелли требовалъ еще 100,000 рублей.

Между-тѣмъ императрица не дожидая до окончанія этого важнаго предпріятія. Императоръ Петръ III первый началъ жить въ новомъ Зимнемъ-Дворцѣ. Онъ

занималъ часть фаса, прежде другихъ начатую и оконченную, окнами на площадь, и именно уголъ къ Милліонной, извѣстный послѣ подъ наименованіемъ Комнатъ Короля Прусскаго. Къ переезду его величества вся эта часть отдѣливалась; при отдѣлкѣ былъ и нашъ славный архитекторъ Чевакинскій *; клеили прекрасныя штучныя полы, живописныя плафоны, изъ которыхъ нѣкоторые были за дорогую цѣну выписаны изъ Италіи, такъ напримѣръ, за плафонъ въ свѣтлой галлерей заплачено 8,160 руб.; за другой въ комнатѣ подъ № 51, 3,000 руб.; въ комнатѣ каммеръ-фрейлины Воронцовой — 800 руб. и проч. — Въ опочивальнѣ императрицы устроены *ліаниши* **, за который показано 2500 руб., и малая церковь исправлена.

Государыня занимала въ то время комнаты, въ послѣдствіи извѣстныя подъ наименованіемъ Комнатъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, превосходно-отдѣланныя лѣтъ 12 тому назадъ. Ординарная же опочивальня государя Петра III была угловая на площадь и въ Милліонную; рядомъ съ нею на площадь была его библіотека; въ то же время, по повелѣнію его, устроены были надъ подъѣздомъ (нынѣшнимъ комендантскимъ) *шатеръ* (фонарикъ): онъ обошелся въ 214 руб.; въ немъ государь учредилъ свой кабинетъ, убранство котораго стоило 3,643 руб.

* Строившій церковь Николы-Морскаго.

** Сознаюсь въ невѣдѣніи: не могъ себя объяснить, ни развѣзнать, что это такое? Да и трудно имѣть вѣрное понятіе о названіяхъ модныхъ убранствъ и украшеній, появляющихся и исчезающихъ. Не *плющевое* ли украшеніе (отъ *Liane, Liана*) въ-родѣ нашихъ нынѣшнихъ?

По всѣмъ частямъ дворца и около его, работы продолжались съ большою дѣятельностію, такъ что въ 1761—1762 годахъ требовалось на нихъ до 436,000 руб.; исправляли и укрѣпляли набережную; для большой церкви писали плафонъ за 5,000 руб.; построили садикъ и подъ нимъ манежъ подъ смотрѣніемъ Фельтена, архитекторомъ былъ Жеребцовъ;—а къ торжеству о замиреніи съ Пруссіею устроили богатые буфеты, и отдѣляли мраморомъ стѣны и пирамиды въ аванзалѣ и античной; по оказавшейся въ кровлѣ во многихъ частяхъ течи, ее частію вновь сдѣлали, частію исправили въ то же время, что обошлось въ 27,000 руб. — Императрица Екатерина II надлежало довершить начатое Елисаветою. Ей и пышному двору въ ея время, наиболѣе, Дворецъ-Зимній обязанъ блестящимъ положеніемъ, во всѣхъ частяхъ, знаменовавшимъ ея мудрое и счастливое царствованіе.

Въ 1765 году оставшійся во дворцѣ отъ стараго дворца деревянный флигель разобранъ для перевозки въ Красное-Село, а все кровельное желѣзо и связки отданы для строившейся тогда Владимірской-Церкви, близъ Литейной.

Такимъ образомъ собственно-Зимній - Дворецъ, т. е. огромный квадратъ, между Набережною и площадью съ двухъ сторонъ, и между Адмиралтействомъ и Дворцовымъ Переулкомъ съ двухъ другихъ, начатый въ 1732 году, былъ совершенно-оконченъ, частію въ чернѣ, къ 1768-му. Общій расходъ, за матеріалы и работу, исключая того, что было прежде заготовлено вообще для дворцовъ или покупалось особо, иногда въ весьма-значительномъ количествѣ, — простирался до 2,622,020 руб. $19\frac{3}{4}$ к. Растрелли не представлялъ предварительныхъ сметъ, и потому нѣтъ

возможности видѣть, чего стоила каждая часть отдѣльно.

Съ 1767 года приступили въ построенію для Эрмитажа новой части, узкой и продолговатой, расположенной отъ Милліонной до Невы, между двумя дворцовыми переулками. Она строена архитекторомъ *Деламотомъ*, по его проекту; и тѣмъ болѣе кажется тяжела и некрасива, что слишкомъ близка къ превосходному произведенію графа Растрелли. Черезъ четыре года начали строить третью часть, тоже для Эрмитажа, по Милліонной и Набережной, отъ ламотовскаго зданія до Зимней-Канавки; ее называли и называютъ еще Шепелевскимъ-Дворцомъ по находившемуся тутъ дому Шепелева, сломанному вмѣстѣ съ другими строеніями. Строитель былъ *Фельтенъ*; планы и проекты зданія принадлежатъ ему. Эта часть дворца проста, но величественнѣе *ламотовской*. Въ 1771 году отпускалось на работы по 10,000 въ мѣсяць, но неизвѣстно — какіе были еще отпуска суммъ и когда именно зданіе окончено; въ 1775 году оно еще строилось. — Четвертая часть дворца, расположенная за Зимнею-Канавкой (гдѣ Эрмитажный-Театръ), строена въ 1780 году. По совершенномъ окончаніи Эрмитажа, въ которомъ столь часто бывали знаменитыя у императрицы собранія, по убранствѣ его картинами и драгоценностями, нужно было довершить дѣло — домашнимъ дворцовымъ театромъ, столь же изящнымъ, какъ все остальное; это поручено было извѣстному Гваренги, онъ поддержалъ произведеніемъ своимъ свою славу и оправдалъ завидную довѣренность Великой. Театръ приказано строить въ 1783 году, на мѣстѣ, гдѣ былъ лейбъ-кампанскій корпусъ, и отдѣлать непременно къ августу 1784. Имъ же простроены галлерей—арка, соединяющая Эрмитажъ съ теа-

тромъ, часть заключающая рафаэлевъя ложи * и устроенъ изъ Эрмитажа пологій, непримѣтный скатъ, по которому императрица скатывалась въ креслахъ къ самимъ дверямъ, расположеннымъ у эрмитажнаго подъѣзда. вмѣстѣ съ симъ нѣкоторыя старыя строенія по канавѣ уничтожены, починенъ фасадъ по канавѣ противъ Шепелевскаго-Дворца, остальные внутреннія работы въ линіи съ Эрмитажемъ окончены и сдѣлано новое укрѣпленіе береговъ. Этими строеніями занимались въ продолженіе 1783, 84, 85, 86 и 1787 годовъ: отпущено было до 300,000 р; но, нѣтъ сомнѣнія, что столь богатые и превосходные работы должны были обойдтись несравненно-дороже. Уже въ 1804 году, надъ скатомъ, о которомъ мы упоминаемъ, устроена французская галлерей, ибо, въ царствованіе Александра, въ первый разъ картины были размѣщены по школамъ; наибольшая часть голландской принадлежала графу Брюлю, у наслѣдниковъ котораго Екатерина повелѣла купить ихъ. — Въ эрмитажномъ саду, устроенномъ въ второмъ этажѣ, были тогда деревья до $4\frac{1}{2}$ сажень вышины.

Въ 1786 году утверждено строеніе мраморной галлерей (георгіевской залы, тронной), единственной по красотѣ и изяществу. Это безсмертное произведеніе принадлежало Гваренги; первоначальная смета была

* Подъ ними расположена была купленная Екатериною II бібліотека Вольтера и Дидерота, въ четырехъ комнатахъ, залѣ и корридорѣ, всего болѣе 50,000 книгъ; тутъ же помѣщены были купленные у Бюшнга книги, собраніе картъ, и нѣсколько избранныхъ русскихъ книгъ и манускриптовъ. То была собственная бібліотека императрицы. На «contract-social» Руссо и нѣкоторыхъ книгахъ Вольтера по листамъ сохранились собственноручныя помѣтки послѣдняго.

въ 80,000 руб.; галлерей окончена въ 1792.—Въ 1787 и 88 сдѣланы своды во всѣхъ поварняхъ, службахъ и нижнихъ жильяхъ, гдѣ ихъ не было; также подъ мыльнею на половинѣ ея величества. Для ихъ вышестествъ сдѣланы мыльни подъ строеніемъ, передѣланнымъ изъ большаго зала, который былъ разобранъ и вмѣсто его построены покои и внутренній непроѣздный дворикъ; въ то же время «*по умноженіи фамилии Государыни*» повелѣно сдѣлать третью поварню, подъ этими покоемъ. На всѣ означенныя работы отпущено до 100,000 руб.

Въ 1793 году отдѣлывались двѣ аванзалы и огромная между ими мраморная разноцвѣтная галлерей. Эти важныя работы производились сперва подъ распоряженіемъ генераль-маіора Попова а послѣ генераль-поручика Тургенева; употреблено всего 782,556 руб. 47½ копеекъ, изъ коихъ на мраморъ 291,502 руб., на бронзу — 283,792 руб., на живопись, лѣпную работу, потолки и проч. — 43,000 р. и проч.

Въ 1794 устроенъ великолѣпный тронъ въ Георгіевской Залѣ; неизвѣстно, когда онъ былъ передѣланъ и замѣненъ нынѣшнимъ. Должно предполагать, что рисунокъ былъ превосходный. Къ трону вели шесть мраморныхъ ступеней, на которыхъ возвышались боковыя стѣны съ арками, орнаментами, и задняя съ богатымъ по верху архитравомъ изъ мрамора же — бѣлаго и сѣраго: по сторонамъ стояли двѣ огромныя мраморныя вазы; превосходныя статуи: *Вѣра* и *Законъ*, по высочайшему повелѣнію взятыя въ 1795 году отъ садоваго инспектора Крока, поставлены въ первыхъ двухъ отъ трона нишахъ, устроенныхъ архитекторомъ Старовымъ.

Мы никогда не окончили бы, еслибъ стали входить въ описаніе всѣхъ подробностей этого истинно-царскаго жилища. Изъ представленныхъ свѣдѣній ясно можно уразумѣть, какихъ усилій искусства стоило это драгоценное сооруженіе, съ какимъ трудомъ и въ какое время оно доведено было до того положенія, въ которомъ оставила его Екатерина II. Исчислите же все, что сдѣлано было въ двадцатипятилѣтіе при Александрѣ I-мъ и послѣ при нынѣ-благополучно-царствующемъ Императорѣ; сообразите, сколько съ каждымъ разомъ было прибавляемо въ это зданіе изящества, роскоши и вкуса, при отдѣлкѣ всякой особенной части; поймите, съ какою любовію украшали, лелѣяли эту колыбель свою государи наши, для которыхъ заключались въ этихъ стѣнахъ все великое, славное, милое и отрадное, чрезъ цѣлый вѣкъ, и скажите, что должно было чувствовать сердце Царя, 17 декабря 1837 года, когда онъ увидѣлъ дворецъ, охваченный пламенемъ, а черезъ три дня на мѣстѣ его только обгорѣлыя, дымящіяся стѣны? — Что могъ тогда сдѣлать Государь? — Возсоздать все... А время, средства, а тысячи условій и затрудненій почти-непобѣдимыхъ?—Все это не существуетъ, скажете вы, для великаго Царя русскаго. . . Да, онъ одинъ могъ совершить и совершилъ невозможное для всякаго другаго. Дворецъ въ несравненно - болѣе красотою всталъ изъ пепла, чрезъ годъ съ небольшимъ послѣ страшнаго событія!—Повѣрять ли этому тѣ, которые не видали его, не изумлялись обширности и не восхищались чудесною оконченностью, прелестію и совершенствомъ отдѣлки? Мы, видѣвшіе, сами почти не хотимъ вѣрить глазамъ своимъ, и повторяемъ: *одному только Царю русскому все возможно*; а Царь столько же скромный, сколько добрый къ подданнымъ,

награждая ихъ чувства, на нихъ обращаетъ всю славу этого дѣла, отвѣчая: «*Благодарю!*» — и вмѣстѣ даетъ имъ великій урокъ, прибавляя: *усердіе все превозмогаетъ* *.

* Легенды двухъ сторонъ медали, которою Государь со-
благоволилъ наградить участвовавшихъ въ трудахъ по строе-
нію.

II.

ДВОРЕЦЬ, ГОРОДЪ И ГОСУДАРСТВО.

Познакомивъ читателя съ хроникомъ петербургскихъ дворцевъ, предшествовавшихъ Зимнему, и передавъ все любопытнѣйшее относительно его построения, сколько это требовалось не исторіею Зимняго Дворца, а только бѣглымъ перечнемъ главныхъ фактовъ изъ исторіи этого превосходнаго зданія, я обращаю теперь вниманіе любителей отечественнаго на предметъ особенно-замѣчательный, хотя, можетъ-быть, мало кѣмъ замѣченный: на дворецъ и городъ, взятые вмѣстѣ, нераздѣльно, въ эпоху ихъ сооруженія. Провидѣніе, казалось, хотѣло всѣми возможными узами привязать насъ къ этому священному для Русскихъ палладиуму ихъ счастья и надеждъ. Какъ съ первымъ въ Петербургѣ дворцомъ родилось для Россіи первое политическое ея значеніе, первое ея вліяніе на судьбы Европы, первое гражданское прочное ея устройство, первая военная ея слава, первое владычество ея на моряхъ, первыя основы ея прямой образованности,—такъ съ строеніемъ Зимняго-Дворца должны были соединиться: украшеніе и устройство столицы, чтобы отсюда разлитъ на цѣлое государство всеобщую стройность.

Строеніе Зимняго-Дворца было вмѣстѣ и *устроеніе* цѣлаго города, въ томъ правильно-прекрасномъ видѣ, которымъ Петербургъ отличается отъ большей части европейскихъ столицъ. Выше мы сказали, что настоящимъ началомъ дворца должно принять указъ 11-го мая 1732 года, данный гоф-интенданту Кармедону; предположивъ строить первый въ Петербургѣ, императорскій, по обширности и великолѣпію, домъ, Анна Іоанновна хотѣла не только соорудить дворецъ достойный резиденціи, но и городъ сдѣлать достойнымъ дворца красотою своею.

До начала ея царствованія, всѣ постройки располагались безъ системы одна относительно къ другой; пути проводились не по общему для цѣлаго города плану, но по удобству отдѣльныхъ частей, и между ними оставались незаселенными и незастроенными часто весьма-значительныя пространства, такъ, что вовсе не было общей связи; въ застроенныхъ же частяхъ, улицы, или, лучше, переулки, безъ-изытія узкіе и кривые, были тѣсно сдвинуты, и потому при всякомъ пожарѣ выгорали цѣлыми десятками; обширные кварталы обращались мгновенно въ груды развалинъ посреди пустырей. Въ одно время съ планомъ дворца, императрица повелѣла составить общій планъ перваго правильнаго расположенія города, какъ для перестройки домовъ въ заселенныхъ, такъ и для новыхъ построекъ въ незаселенныхъ еще мѣстахъ. Планъ начертанъ былъ *широкой рукою*, какъ все, что дѣлаетъ Русь православная, понимающая свою силу и средства, и потому ни въ чемъ неостанавливаемая ни трудами, ни препятствіями. Умно и догадливо воспользовались счастливымъ положеніемъ Адмиралтейства и длинною полосой *Невской-Проспективы*, протянутою отъ него, еще при

Петръ I *; принявъ эту точку за центръ города, перерѣзываемаго, какъ діаметромъ, зеркальнымъ лезвемъ несравненной Невы, повели, въ основу городской сѣти, отъ Адмиралтейства во всѣ стороны, проспекты, будто длинныя радіусы (Галерную, Вознесенскую, Гороховую, Невскій, Милліонную); а между ними положили поперечныя улицы, какъ дуги, отрѣзанныя отъ окружностей одноцентренныхъ круговъ и вездѣ почти-паралельныя теченію Фонтанки, которая, изливаясь изъ Невы и впадая опять въ нее же, семиверстнымъ теченіемъ своимъ описываетъ огромный полукругъ, обнимающій и вмѣщающій въ себя лучшія части петербурга. Этотъ правильный и превосходный для удобства сообщеній планъ былъ пополненъ собственною рукою императрицы, которая, утверждая его въ 1734 году, не думала, что несчастный случай весьма скоро принудитъ привести въ исполненіе очень-значительную часть сихъ обширныхъ предположеній, начертанныхъ, можетъ быть, на цѣлый вѣкъ.

Петербургъ много страдалъ отъ пожаровъ **, но никогда не было столь важнаго, какъ пожаръ 1736

* Невскій-Проспектъ проложенъ въ 1713 году, отъ Адмиралтейства къ строенію деревяннаго монастыря, Петромъ I заложенаго; по обѣимъ сторонамъ этой улицы посажены были тогда же березы; позже эти боковыя аллеи уничтожены и сдѣлана одна въ серединѣ, наконецъ она уничтожена, и опять по сторонамъ посажены—липы.

** Самый опасный изъ пожаровъ по смерти Петра обпаружился 1 августа 1727 года, къ магазинахъ на берегу Невы; пламя перебросило на стоявшія въ-близн суда съ запасами и товарами; опасались, что загорится все береговое строеніе, а отъ него и цѣлый городъ, но погибло только тридцать два судна, съ грузомъ, болѣе нежели на 3 мил. руб. — Утонувшихъ, сгорѣвшихъ *

года. Въ августѣ, ровно въ полдень, одинъ изъ домовъ, находившихся на лѣвомъ берегу Мойки возлѣ Зеленаго (Полицейскаго) Моста, загорѣлся отъ неосторожности жившихъ въ немъ слугъ персидскаго посла Ахметъ-Хана; они курили трубки на дворѣ, искра запала въ сѣно, и черезъ нѣсколько минутъ не только этотъ домъ, но и сосѣдніе — пылали. День былъ особенно-жаркій и безъ вѣтра; въ то время, какъ старались остановить огонь, съ чрезвычайною быстротою охватившій сухія, деревянныя зданія, на значительномъ пространствѣ лѣваго берега Мойки, — Гостиный-Дворъ, находившійся напротивъ, на правомъ берегу, гдѣ нынѣ домъ Косиковскаго (бывшій Чичерина), вспыхнулъ отъ чрезмернаго жара. Три обширные деревянные корпуса, съ большимъ числомъ лавокъ, вмѣщавшихъ почти всѣ безъ-изъятія богатства столицы, съ тремя дворами, набитыми пенькою, лѣсомъ, льномъ, саломъ, шетиною, дегтемъ, пряжею и прочими драгоценными произведеніями земли нашей, въ полчаса сдѣлались добычею пламени. Смятеніе и страхъ были неизъяснимы; о прекращеніи пожара, стремившагося все далѣе, перестали думать. Люди, забывая себя, съ воплями отчаянія кидались въ огненное жерло, чтобы спасти имущество, — многіе не выходили оттуда; счастливіице, послѣ неимовѣрныхъ усилій, успѣвъ въ трудномъ дѣлѣ, осыпаемые горящими головнями, сквозь огонь и дымъ выносили товары въ близлежащія улицы, но и здѣсь уже владычествовала разрушительная сти-

шихъ, раздавленныхъ считали до 500 человекъ. Петръ II добрый, любимый народомъ, самъ дѣйствовалъ, и съ горькими слезами бросался въ опасность. На другое же утро треть потерь была выдана изъ собственной казны государя.

нія! Спасенія богатства снова были бросаемы въ жертву; они грудями догорали по серединѣ улицъ, загороженныхъ остатками рушившихся домовъ; пылающія развалины заграждали спасавшимся дорогу. Дѣйствовать не было уже никакой возможности: — одинъ Богъ могъ спасти городъ. Ужась быль всеобщій! Да и что могли бы сдѣлать противъ этой гибели съ тогдашними слабыми средствами, когда, на пространствахъ болѣе четырехъ верстъ въ окружности, все слилось въ одну огненную массу? — Сады, дома, деревянныя мостовыя, береговыя укрѣпленія, мосты—все горѣло; воздухъ жегъ прикосновеніемъ, не бо померкло, и густые клубы душливаго дыма, при совершенномъ безвѣтріи, черною пеленою тяжело нависли надъ городомъ. Огонь свирѣпствовалъ восемь часовъ; усилія людей, спасавшихъ свою собственность, были отчаянныя; неменѣе того, на мѣстѣ пожара почти-ничего не было спасено: при чрезвычайно-тихой погодѣ огонь уничтожилъ до тла огромное, застроенное пространство, по діагонали отъ Зеленаго-Моста до Вознесенской Церкви.

Въ началѣ слѣдующаго 1737 года, другой пожаръ, начавшійся въ Греческой-Улицѣ (на мѣстѣ нынѣшней Большой-Милліонной), довершилъ раззореніе лучшихъ частей Петербурга, обративъ въ пепель всѣ деревянные и повредивъ каменные дома, на протяжении отъ истока Мойки изъ Невы до Зеленаго-Моста. По современнымъ свѣдѣніямъ болѣе тысячи домовъ и нѣсколько сотъ жителей погибли въ эти два бѣдствія. Убытокъ, неисчислимый вообще, въ одномъ Гостиномъ-Дворѣ цѣнился свыше 10 милліоновъ.

Еще не откурилось огромное пепелище, оставленное двумя пожарами, какъ въ исходѣ лѣта того же го-

да, новая неосторожность сдѣлалась причиною новаго несчастія. Пожаръ, начавшійся почти на томъ пунктѣ, гдѣ окончился первый, опустошилъ всѣ мѣста отъ Вознесенской Церкви сплошь до Крюкова-Канала *.

Разрушеніе, произведенное этими пожарами, было такъ велико, что тогда почти-нѣчему было болѣе горѣть. Огонь, раззоривъ старое и большею частію дурное, былъ причиною правильнаго строенія и чрезвычайно-быстраго украшенія лучшихъ частей столицы,

* Въ-послѣдствіи бывали довольно-сильные, но уже частные пожары; для любопытствующихъ представляемъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ, до 1800 года. — Въ 1763 г. сгорѣли обширный Гостиный-Дворъ и смежныя съ нимъ зданія, на Васильевскомъ-Островѣ. — Въ 1764, 23 іюня загорѣлся одинъ изъ частныхъ домовъ въ Кронштадтѣ, и въ нѣсколько часовъ пламя, побуждаемое порывами сильнѣйшаго юго-западнаго вѣтра, уничтожило до 1300 домовъ. — Въ маѣ 1771 г. обнаружился пожаръ на Васильевскомъ-Островѣ въ домѣ, принадлежавшемъ графу Минину, гдѣ помѣщался Морской Корпусъ; зданіе было почти обращено въ пепелъ и, вмѣстѣ съ нимъ, большая часть домовъ по 10, 11, 12 и 13 линіямъ, отъ Набережной до Большаго-Проспекта. — Въ 1774 г., вдругъ обхватило огнемъ одинъ изъ домовъ, расположенныхъ между Адмиралтействомъ и Мойкою. При сильномъ вѣтрѣ пламя разлилось на обѣ стороны, и перебрасываемое съ мѣста на мѣсто уничтожило 140 домовъ, въ числѣ которыхъ до ста каменныхъ. — Въ 1780 году, въ самый духовъ-день, загорѣлся Гостиный-Дворъ (на Невскомъ-Проспектѣ). Одна только сторона его, обращенная къ проспекту, была каменная, остальное же строеніе, какъ наружное по Садовой-Улицѣ, такъ и внутреннее, было деревянное; оно сгорѣло до основанія, и съ нимъ, рынки и дома, прилегавшіе къ Гостиному-Двору по Садовой, также напротивъ, и сзади, по берегу канала, были уничтожены на значительномъ пространствѣ. — Въ 1795 г. опять сгорѣли лавки Андреевскаго-Рынка (на Вас.-Остр.), выстроенныя въ 1789 г.; онѣ тотчасъ же были исправлены.

которыя, безъ того, вѣроятно долго бы еще оставались въ первобытномъ положеніи.

По повелѣнію государыни составленъ былъ, особою комиссіею, новый проектъ расположенія домовъ, сообразно плану города, ею утвержденному. Въ погорѣлыхъ мѣстахъ не только было вовсе запрещено строить деревянныя дома, но приказано даже надворныя деревянныя строенія замѣнить каменными; тѣмъ, кто не имѣлъ на это средствъ, вмѣнено было въ обязанность продовать свои мѣста; морскіе служители* переведены въ отдаленныя части города, а мѣста, находившіяся подъ ихъ жильями, отданы частнымъ людямъ.

Слѣдовательно, эпохою возрожденія Петербурга и наиболѣе адмиралтейскихъ частей, было начало строенія Зимняго-Дворца, и эти два дѣла шли такъ дружно, такъ совокупно, что по мѣрѣ того, какъ выстраивался дворецъ, обстроивался и городъ, и чѣмъ великолѣпнѣе и краше становился первый, тѣмъ обширнѣйшія и изящнѣйшія зданія сооружались въ столицѣ. Графъ Растрелли, занятый громадными императорскими палатами, долженствовавшими увѣковѣчить его имя, успѣвалъ бросать тамъ-и-сямъ, для вельможей и царедворцевъ, нѣсколько меньшихъ, но чудесныхъ произведеній, и по-нынѣ украшающихъ столицу своими важными и благородными формами; то былъ избытокъ генія, отдѣльныя блестящія искры мысли, неполучившія мѣста въ преисполненномъ высокихъ красоть, монументальномъ зданіи

* Большая и Малая-Морская были проведены во время построенія Адмиралтейства и назначены для жительства флотскихъ чиновниковъ и служителей; почти все пространство отъ Невы до Фонтанки первоначально было опредѣлено на это Петромъ I; потому-то эта часть и была названа *Адмиралтейскими-Островами* или *Адмиралтейскою-Стороною*.

дворца *. Постройка домовъ на погорѣлыхъ мѣстахъ началась въ 1735 г. и продолжалась по 1742 съ неослабною дѣятельностію. Съ 1742 по 1761 быстро застроивались мѣста, ближе къ Фонтанкѣ лежащія; словомъ, въ-теченіе тридцати лѣтъ сряду, вся середина Петербурга возникала изъ разрушенія въ новомъ, прекрасномъ видѣ и удобнѣйшемъ размѣщеніи. Царствование Елисаветы украсило столицу, какъ мы сказали, огромными домами одинаковаго съ ея Зимнимъ-Дворцомъ стила; но тогда городъ былъ еще широкъ и роскошно раскидывалъ свои жилища между дворами и садами; при Екатеринѣ II-й все начало тѣсниться, сады и дворы стали замѣщаться новыми домами, которые строились все ближе одинъ къ другому, а въ нѣкоторыхъ кварталахъ росли выше и выше; и въ то время, какъ довершалось внутреннее убранство дворца, въ городъ очищались улицы, прокапывались каналы, сооружались набережныя и мосты, устроивались мостовыя, учреждался отличный полицейскій порядокъ, и даже въ отдаленныхъ частяхъ, строенія располагались правильно, по плану, утвержденному императрицею Анною Іоанновною.

Такъ Зимній-Дворецъ, величаво мужая, крѣпясь и украпаясь, смотрѣлъ на столицу, какъ на юную семью, которая, подъ родительскимъ его взоромъ, множилась, росла, цвѣла и красовалась вокругъ его, охраняемая его благодатною тѣнію.

Коснувшись разъ исторіи построенія Петербурга, которую жители его такъ мало знаютъ, мы должны доказать, что всѣ лучшія, смежныя съ дворцомъ ули-

* Замѣчательны не только геній и искусство графа Растрелли, но еще скромность его и честность; онъ могъ бы сдѣлать себѣ огромное состояніе, между-тѣмъ жилъ скудно, а по смерти едва нашли столько, чтобъ похоронить его приличнымъ образомъ.

цы и площади современны его построению. Большой Милліонной * дано новое направленіе и начаты въ ней значительныя строенія въ 1735 году **. Малая проложена въ 1736 г.; Царицынъ-Лугъ тогда же обращенъ въ огромный садъ, съ множествомъ бесѣдокъ для государыни и отдѣльныхъ домиковъ и кухонь, въ которыхъ гуляющіе могли готовить себѣ кушанье. — Въ-слѣдъ за тѣмъ устроена Адмиральтейская-Площадь. — При Екатеринѣ, половина мѣста по Невскому-Проспекту отъ Полицейскаго-Моста до Малой-Морской, послѣ сломки бывшаго тутъ дворца ***, по продажѣ переходившая изъ рукъ въ руки, была подарена императрицею обер-полицеймейстеру Чичерину и имъ выстроены тутъ огромный домъ, по-нынѣ существующій (Косиковскаго)****. — Съ другой стороны дворца, къ Невѣ, берегъ которой былъ укрѣпленъ деревяннымъ парапетомъ въ 5 ф. вышины, начато въ 1754 году строеніе гранитной набережной, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ; подъ водою вбивали сваи въ $2\frac{1}{2}$ сажени, сплошь, одна возлѣ другой, на 3 сажени въ ширину; на нихъ клали ростверкъ, пототъ фундаментъ изъ пудовской плиты въ $2\frac{1}{2}$ и 3 сажени; а верхъ

* Она называлась Луговою, ибо упиралась въ Дворцовый Лугъ, нынѣшнюю площадь; на немъ паслись коровы.

** Проведена была искривленною линіею отъ перваго почтового дома, на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго-Дворца, и называлась сперва Троицкою, потомъ застроена деревянными домами нѣмецкихъ мастеровъ, и называлась Нѣмецкою, послѣ Греческою; наконецъ Милліонною названа съ-тѣхъ-поръ, какъ богатѣйшіе изъ жителей начали въ ней строятся.

*** См. стр. 19-ю.

**** Другая половина, отъ Большой до Малой-Морской, была подарена Павломъ I-мъ одному изъ придворныхъ и оставалась незастроенною до 1804 г.

одѣвали гранитомъ на одну сажень выше самой высокой воды. Парапету дали 2½ фута вышины, 1½ толщины, и тротуару сажень въ ширину; общая длина этой несравненной, по массивности и прочности набережной, была три версты; строеніе ея, почти-необходимое довершеніе Зимняго-Дворца, было окончано въ 1788 году. Въ томъ же году принялись за важную постройку съ луговой стороны дворца; нужно было маскировать конецъ Невскаго-Проспекта, выходявшій къ Адмиралтейству; дома были строены лицомъ на проспектъ, слѣдовательно всѣ надворныя строенія были на сторонѣ, ближайшей ко дворцу, такъ что изъ оконъ императрицы открывался самый непріятный видъ. Она повелѣла строить полукруглый дворецъ изъ трехъ, соединенныхъ домовъ, съ тремя воротами, надъ коими поддерживались двумя мраморными колоннами портики. Одна часть этого колоссальнаго зданія была подарена государынею графу Брюссу (Якову Александровичу; онъ былъ Санктпетербургскимъ губернаторомъ съ 1786 по 1793 г.); другая отдана была флигель-адъютанту Ланскому, по смерти коего куплена снова императрицею, потому принадлежала Кушелеву, къ которому перешла и брюссова часть, принадлежавшая послѣ него генерал-лейтенанту князю Волконскому. Такъ обстроились смѣжныя съ дворцомъ мѣста, и открылась довольно-правильная Дворцовая-Площадь, на которой, въ царствованіе Екатерины, учреждались народные праздники, били фонтаны вина и ставились жареные быки.— Вокругъ всего дворца были поставлены желѣзныя *ерълки*, будки, точно такія же, какъ нынѣ-находящіеся близъ Большаго-Театра; а по всѣмъ улицамъ, о которыхъ мы упомянули, также и по Литейному-Проспекту, были окончены къ тому же времени, генераломъ Бауеромъ,

подземныя кирпичныя трубы или, лучше, галлерей; въ 3 ф. ширины и въ 4 ф. вышины, для стока нечистоты, съ общимъ наклономъ ихъ плана къ Невѣ, въ которую открывались ихъ устья; этоть важный трудъ составилъ основное условіе отличительной черты города—чистоты его.

Вспоминать-ли теперь все великое и прекрасное, совершавшееся въ стѣнахъ этого зданія, не говоря уже о времени ближайшемъ, которое мы всё помнимъ? — Какіе взвѣшивались и рѣшались въ немъ вопросы? сколько изливалось изъ него славы и благоденствія на отечество? какъ свято поддерживалась, какъ достойно возвеличивалась въ немъ всегда народная гордость! Какія печали не находили въ немъ утоленія, какаѧ благодать не струилась изъ него на Россію?

Приводить-ли на память великолѣпныя празднества, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и замѣчательныя событія, служившія имъ поводомъ? Наименовывать-ли лица, перебивавшія въ этомъ дворцѣ, со всѣхъ концовъ земли спѣшившія посѣтить этоть дворъ, внезапно-просіявшій на отдаленномъ и прежде-сумрачномъ сѣверѣ? — О! много необыкновеннаго, любопытнаго, драгоцѣннаго для насъ и въ высшей степени замѣчательнаго долженъ представить намъ будущій историкъ Зимняго-Дворца! Исторія дворца—исторія Россіи, и объ отрадныхъ и блестящихъ въ каждой подробности. — Мы никогда не кончили бы, еслибъ вздумали только мѣлькомъ перечестъ хоть нѣкоторыя торжества и событія, напр. по поводу прибытія китайскаго посольства отъ императора Та-цынъ-юнъ-гъ-чинъ-гуанъ-ти, въ лицѣ посла своего, колѣнопреклонявшагося предъ Анною; по поводу мира съ Персіею, заключеннаго въ Рештахъ; или послѣ взятія Данцига,

когда во время блестящаго придворнаго бала плѣнные французскіе офицеры были представлены государынѣ, и она, возвративъ имъ шпаги, просила дамъ заставить ихъ забыть, что они еще въ плѣну; или для прибытія калмыцкаго князя Дундукъ-Омбо, усмирителя кубанскихъ татаръ; или по случаю ратификаціи договора константинопольскаго, празднованнаго съ небывалымъ великолѣпіемъ при торжественныхъ объявленіяхъ чрезъ герольдовъ, сыпавшихъ въ народъ золотые и серебряные жетоны, и при триумфальномъ вшествіи войскъ, убранныхъ вѣнками! Вспоминать-ли празднества брака принца люнебургскаго съ дочерью герцогини мекленбургской, Екатерины? Говорить-ли о великолѣпномъ турецкомъ посольствѣ 1744 г.? о другомъ, неслыханномъ, отправленномъ изъ Персіи Тамась-Кули-Ханомъ, съ военною свитою въ 16,000 человекъ и съ 20 пушками, такъ, что для встрѣчи, войска наши были подвинуты къ границѣ, и начальники ихъ, графъ Апраксинъ, послѣ многихъ пересылокъ къ шаху, едва успѣлъ склонить его, представляя затруднительности будто-бы продовольствія и переходовъ въ степныхъ мѣстахъ около Астрахани, уменьшитъ посольскую свиту до 3000 человекъ и 300 верблюдовъ?! Разсказывать-ли, съ какимъ блескомъ это громадное посольство въѣзжало верхомъ въ столицу, какими цвѣтами восточной поэзіи изукрасило рѣчи свои, какіе богатые дары поднесло императрицѣ отъ имени шаха—«желавшаго раздѣлить съ нею драгоценности, пріобрѣтенныя имъ въ Моголь»?—Объяснять-ли значеніе и важность послѣдствій каждаго изъ этихъ событій?

Вспоминать-ли великое царствованіе великой Екатерины, столько любившей этотъ дворецъ и преисполнившей его необыкновенною двойною прелестью:

какъ мудрый и великій государь, какъ умнѣйшая изъ женщинъ? — Вспоминать-ли, какія и она, счастливая, перенесла тяжкіе дни (между 1771 и 1774), когда на Кіевъ и Москву накинута свирѣпая зараза, породившая бунтъ, когда Калмыки многими тысячами бѣжали въ Китай, когда часть Руси была въ ужасѣ отъ Пугачевщины и Лже-Петра, когда во время турецкой войны возмутители нагло ходили въ народѣ, или когда, подъ глазами ея, зажигательство дерзко носило свой факель по улицамъ столицы? Обратиться-ли отъ дней печали къ обворожительнымъ эрмитажнымъ бѣсѣдамъ Екатерины, къ славнымъ пріобрѣтеніямъ ея оружія, къ пышнымъ торжествамъ, къ чудесному каруселю (1766), гдѣ цвѣтъ Россіи явился въ одеждѣ древнихъ рыцарей*, къ исполненнымъ роскоши и ума празднествамъ, по поводу пріѣздовъ принца прусскаго Гейнриха **, короля шведскаго Густава III (въ 1773) подъ именемъ графа готландскаго, императора Іосифа II (въ 1780) подъ именемъ графа Фалкенштейна, кронъ-принца прусскаго Фридриха-Вильгельма,—принца д'Артуа (въ 1793), или молодого короля шведскаго, Густава-Адольфа (въ 1796), подъ именемъ графа Гага, съ регентомъ герцогомъ зюйдерманландскимъ (подъ именемъ графа Вазы) и съ многочисленною и блестящею свитою? — Вспоминать-ли

* Великолѣпный амфитеатръ былъ устроенъ противъ Зимняго-Дворца на площади; черезъ два года онъ перенесенъ на площадь, гдѣ нынѣ Большой-Театръ, и простирался до нынѣшняго рынка, ибо Никольскій-Каналь не былъ еще вырытъ; тутъ учреждались народныя игры.

** Жилъ въ Санктпетербургѣ съ 1769 по 1771 годъ. — Утверждаютъ, будто бы онъ искалъ руки Екатерины, когда она была еще принцессою ангальт-цербскою.

грустные разставанія Россіи, въ стѣнахъ этого отчаго ея дома, съ нашими несравненными царевнами, которыхъ похищала у насъ Европа, для своего счастья? Вспоминать-ли радостныя привѣтствія народа тѣмъ благодатнымъ принцессамъ, которыми она насъ дарила—какъ будто въ-замѣнъ нашихъ *?

Не въ стѣнахъ ли этого дворца получили жизнь мудрыя нововведенія, полезныя измѣненія, военные планы, предположенія образовательныя, со временъ Екатерины, постепенно-развившія политическую и умственную жизнь Россіи и окрилявшія ея стремленіе къ великому будущему?

Не здѣсь ли зараждались и созрѣвали законы? не здѣсь ли стройно сочетались элементы трудной администраціи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства, составляющіе основной камень нашей общественной жизни?

Величавый свидѣтель нашихъ ясныхъ и черныхъ дней, Зимній-Дворецъ, какъ строгій, скромный и древній повѣренный высокихъ печалей и чистыхъ радостей царей нашихъ, какъ добрый другъ ихъ, дѣлилъ съ ними тягость первыхъ и передавалъ отъ нихъ народу только однѣ послѣднія. Спросите у безмолвно-краснорѣчивыхъ его стѣнъ — о тяжкихъ бѣднѣяхъ, о горькихъ тревогахъ великаго Александра, въ тѣ достопамятныя дни, когда судьба, вручивъ ему свой мечъ и вѣсы, сказала: «ты безъ меня рѣшишь участь Россіи и Европы». — Онѣ не говорили вамъ, какъ трепетало сердце царя, при этой необъятной отвѣтственности; какъ томился духъ его

* Мысль нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ за симъ сближеній принадлежитъ прекрасной статьѣ князя Вяземскаго: *Incendie du Palais d'hiver*.

при каждой жертвѣ; что чувствовалъ онъ, когда рѣшена была гибель Москвы?... Нѣтъ, онъ только сказали вамъ позже: «Благословенный умиралъ Европу; отнынѣ вы спокойны, вы свободны; онъ, съ независимостію и вѣчною неприкосновенностію Россіи, приобрѣлъ любовь, удивленіе и благодарность враговъ, побѣжденныхъ имъ!» — Онъ не говорили вамъ о священной его тоскѣ въ тотъ гибельный день, когда море, нахлынувъ на столицу, бушевало въ улицахъ ея, и когда царь, увѣнчанный неслыханными побѣдами, сильнѣйшій духомъ и могущественнѣйшій изъ смертныхъ силою и волею добра, долженъ былъ признать безсиліе свое предъ разъяренною стихіею, истреблявшею подъ его глазами благосостояніе и жизнь его подданныхъ. — Вы всегда узнавали о слезахъ государей вашихъ только по потокамъ благодарній и животельной милости, которыми онъ изливались на народъ!

Вспоминать-ли, что въ этихъ стѣнахъ обитала Марія? — Въ одномъ имени ея уже заключены тѣ небесныя добродѣтели, которыми эта мать сиротъ, покровительница вдовъ, приѣжище больныхъ, страждущихъ и неимущихъ, усыпала путь жизни своей, какъ цвѣтами, долженствующими вѣчно благоухать во славу ея.

Вспоминать-ли, что здѣсь, почти въ ту самую минуту, когда великій вѣнценосецъ нашъ, тай въ сердцѣ глубокую печаль о кончинѣ незабвеннаго брата, одною рукою принималъ тяжелую державу, другою уже долженъ былъ совершить подвигъ спасительный, но неизмѣримо-тяжелый: покарать дерзкую крамолу и, встрѣчая ее лицомъ, — въ виду подданныхъ, Европы и потомства, — на первомъ шагѣ царствованія стереть во прахъ ея чело и доказать свѣту и народу своему,

сколько самопожертвованія, величія и мудрости заключается въ душѣ, сколько силы въ рукѣ, которой свыше довѣрены его прекрасныя судьбы? — Кто не знаетъ, какія тяжкія испытанія въ немногіе годы пали на эту душу, на эту руку: смерть великихъ близкихъ, усмиреніе Польши, войны на Востокъ, губительныя болѣзни въ народѣ, гибельный неурожай и его послѣдствія? — И въ стѣнахъ драгоцѣннаго для Россіи дворца, на всѣ слезы были готовы утѣшенія, на всѣ печали — отрада, на каждое бѣдствіе — благотворительная помощь, на каждое зло — скорое и вѣрное исцѣленіе, на каждую вину — прощеніе великодушное! И все цвѣло, и все расло въ отечествѣ, славою и красотою, извнѣ и внутри; города строились, богатства умножались, средства усиливались, спокойствіе и благосостояніе упрочивались, слава и честь имени русскаго возвеличивались; благословенное семейство красовалось, пророча намъ и въ далекомъ будущемъ неизмѣнныя надежды на ту же любовь царей, источникъ этихъ чудесъ! — Каждый годъ завѣщалъ грядущему свое величіе и спокойствіе, и каждый новый усиливалъ ихъ, открывая намъ новые еще обильнѣйшіе ключи, и все это животворно струилось изъ сего царственнаго жилища, и тридцать тысячъ подданныхъ, представители шестидесяти миллионовъ, въ невообразимомъ смѣшеніи состояній и колѣнъ встрѣчали въ стѣнахъ этого кремля нашей новѣйшей исторіи, въ семьѣ Царя, какъ въ семьѣ отца своего, — день новаго года, въ свободной, ничѣмъ нестѣсняемой радости! Безъ оружія и ограды, окруженный одною любовію дѣтей-подданныхъ, ояъ, возвышаясь надъ всѣми, каждому дарилъ благосклонный взоръ, и въ сжатыхъ волнахъ этого народа въ домѣ царевомъ, сдвигаемыхъ предъ нимъ и за нимъ любо-

вію и раздвигаемыхъ уваженіємъ, являлся единствен-
ный въ мірѣ примѣръ: царя, царствующаго по при-
званію и сердцу Божію, силою любви святой и без-
корыстной!

Такъ шли за годомъ годъ надъ стѣнами царственного
дома и близко уже было наступленіе 1838 г., который
мы надѣялись встрѣтить подобно предшествовав-
шимъ. Еще нѣсколько дней, говорили мы, и всѣ
сберемся опять, радостно, въ домъ, на которомъ воз-
лежать благословенія наши и отцовъ нашихъ. Но
вдругъ этотъ великій свидѣтель величія, этотъ храни-
тель столькихъ святыхъ завѣтовъ, непоколебленный
ни одною бурею,—исполнѣнъ, неприкосновенный, какъ
намъ казалось, для силъ самой природы и разруши-
тельнаго вліянія вѣковъ,—уступаетъ искрѣ: онъ не-
жданно обвѣтъ дерзкимъ пламенемъ, обширное зарево
раскатывается надъ столицею страшную вѣсть о по-
жарѣ дворца и, по трехдневной борьбѣ съ неумоли-
мымъ врагомъ, на мѣстѣ дворца—стоитъ печальная,
громадная развалина!!..

III.

ПОЖАРЪ.

Декабря 17-го 1837 года, Большой-Театръ былъ полонъ: Сильфида-Баядерка-Талиони очаровывала зрителей; но многочисленность публики происходила отъ другой причины, близкой сердцу каждого изъ жителей столицы: не всѣ еще видѣли Государя по возвращеніи его послѣ продолжительнаго путешествія, а въ этотъ разъ онъ находился въ театрѣ съ нѣкоторыми особами изъ своего семейства.—Представленіе шло привычнымъ порядкомъ; девять часовъ едва пробилло, когда Государю было доложено о чемъ-то; не сообщивъ императрицѣ о причинѣ побудившей его удалиться, Государь Императоръ оставилъ театръ.

Всѣ замѣтили отъѣздъ Государя, и, не смотря на совершенную безвѣстность обстоятельства, какое-то внутреннее беспокойство, какъ-будто грустное предчувствіе, распространилось между зрителями; мѣста были покинуты многими, часть театра опустѣла.

Во дворцѣ обнаружился пожаръ! — Первымъ дѣйствіемъ Государя, по прибытіи на мѣсто, было святое движеніе сердца: отецъ спѣшилъ прямо въ комнаты своихъ дѣтей и, облобызавъ ихъ, немедленно повелѣлъ перевести въ Собственный Дворецъ; успокоенный та-

кимъ образомъ на-счетъ того, что было всего драгоценнѣе въ жилищѣ его для него и для отечества, Государь обратился къ средствамъ, которыя могли бы остановить огонь, предупредить распространеніе его или удержать разрушительное дѣйствіе. Послѣ первыхъ усилій, дружно предпринятыхъ собравшимися войсками и пожарною командою, открылось, что, не смотря на быстроту и дѣятельность мѣръ, не было возможности одолѣть пожаръ: мѣстные обстоятельства противопоставляли безчисленныя трудности къ прегражденію ему дальнѣйшаго хода; онъ начался такъ несчастливо, что все содѣйствовало только неимовѣрно-быстрому развитію его внутри громаднаго зданія, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представившаго огню самую богатую и удобную добычу.

Особая коммиссія, на которую, по высочайшему повелѣнію, возложена была въ-послѣдствіи обязанность обнаружить истинныя причины начала этого бѣдствія, окончивъ изысканія свои, неограниченныя показаніями тѣхъ лицъ, отъ коихъ болѣе или менѣе можно было получить необходимыя свѣдѣнія, но основавъ ихъ на точнѣйшихъ и самыхъ подробныхъ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ, посредствомъ архитекторовъ и чрезъ личное обозрѣніе общимъ присутствіемъ *, приведена была къ заключенію, что настоящею причиною пожара былъ отдушникъ, оставленный незадѣланнымъ при послѣдней перестройкѣ фельдмаршальской залы, изъ двухъ-этажной въ одно-этажную. Онъ находился въ печной трубѣ, проведенной между хорами и деревяннымъ сводомъ залы Петра-

* Оно состояло изъ генералъ-адъютантовъ: графа Бенкендорфа, Клейнмихеля и Мартынова, генералъ-лейтенанта Захаржевскаго, 4-го класса Штауберга и статскаго совѣтника Стасова.

Великаго, расположенной бокъ-о-бокъ съ фельдмаршалскою, и прилегалъ весьма-близко къ доскамъ задней перегородки. Въ день несчастнаго происшествія выкинуло изъ трубы, послѣ чего пламя сообщилось, черезъ этотъ отдушникъ, доскамъ хоровъ и свода залы Петра-Великаго; ему представляли въ этомъ мѣстѣ обильную пищу деревянные перегородки: по нимъ-то оно перелилось къ стропиламъ, тѣмъ съ большою удобностію, что, по отлогости самой крыши, здѣсь пространство между ею и верхнимъ сводомъ Петровской-Залы было весьма невелико. Эти огромныя стропила и подпоры, высушенныя въ-теченіе 80 лѣтъ горячимъ воздухомъ подъ накаливаемою лѣтнимъ жаромъ желѣзною крышею, воспламенились мгновенно, какъ порохъ; тогда дымъ побѣждалъ съ огнемъ, сжатыми клубами, гонимыми сильнымъ свободнымъ протокомъ воздуха, съ конца на конецъ огромнаго чердака, и не встрѣчая нигдѣ препятствій (по необъяснимой причинѣ не было подъ кровлею ни одного брандауера), вездѣ находилъ только новый матеріалъ къ усиленію бышней своей ярости. Кто когда-либо видѣлъ эти по-истинѣ необыкновенныя чердаки дворца, глубокіе какъ стремнины, съ висящими на серединѣ ихъ высоты досчатыми ходами, подобными мостамъ, переброшеннымъ черезъ пропасти; кто видѣлъ эти лѣса огромныхъ деревьевъ, стоявшіе тѣснѣе мачтъ неисчислимаго и сжатаго въ гавани флота; кто видѣлъ подпертыя ими богатырскія стропила вѣковаго зданія, кто ходилъ тамъ и взоромъ проникалъ подъ эти безконечныя переходы и частыя аллеи, — тотъ пойметъ, что огонь, единожды ворвавшійся сюда, не могъ уже быть утушенъ никакими средствами.

Государь Императоръ зналъ это, и повелѣлъ спа-

сать изъ комнатъ, что возможно. Тогда началось дѣйствіе, удивительное во всѣхъ отношеніяхъ. Массы гвардіи и толпы отдѣльныхъ командъ, прибывшіе со всѣхъ концовъ города, бросились въ горящее зданіе и разлились во всѣ стороны по пылающимъ жиламъ этого гигантскаго тѣла; въ то время, какъ одни скрывались, въ отдаленныхъ переходахъ, другіе появлялись, вынося уже различныя вещи; спасеніе многихъ изъ нихъ было плодомъ неимоверныхъ усилій, по причинѣ громоздкости, тяжести, прочнаго укрѣпленія въ стѣнахъ, и т. п. И въ смутѣ этого бѣдствія, въ волненіи, приливѣ и отливѣ многихъ тысячъ людей, въ трескѣ рушащихся частей, въ огнѣ и дымѣ, бѣшено-перебрасывающихся съ мѣста на мѣсто, среди повсемѣстной, вездѣсущей опасности,—это повелѣніе Царя, отголосокъ желанія общаго, было исполнено съ непостижимою быстротою, съ невѣроятною точностію, съ святѣйшимъ уваженіемъ къ собственности. У подножія Александровой-Колонны складывали все выносимое изъ дворца; каждый, успѣвшій исторгнуть изъ гибели что-либо, свято слагалъ свою ношу, набожно, сердцемъ благодаря Бога, допустившаго и его рукъ содѣйствовать спасенію хотя частички имущества царскаго. Ничто не пропало — отъ драгоценностей до вещей самыхъ ничтожныхъ, отъ огромныхъ предметовъ до лоскута бумаги, до банковаго билета, принадлежавшаго кому-нибудь изъ многочисленныхъ жителей этого города-дома, отъ золотой мебели—до изломанныхъ ящичковъ и корзиночекъ, которые успѣли захватить. Эта тонкая разборчивость, это высокое чувство въ толпѣ, это святое понятіе — превыше всякой похвалы.

Тотъ-часъ послѣ пожара, наряжена была комиссія для разбора вещей, подъ предсѣдательствомъ обер-

италмейстера князя В. В. Долгурукова; она открыла многія частности, которымъ не должно пропасть въ безвѣстности. Не имѣя возможности рассказать здѣсь о всемъ прекрасномъ, въ чемъ проявился, въ этотъ день, настоящій русскій народный нравъ, упомянемъ мелькомъ хотя о нѣкоторыхъ чертахъ. По вынесеніи, во время пожара, мастеровыми гоф-интендантскаго вѣдомства и нижними воинскими чинами всѣхъ вещей изъ большой церкви, въ ней оставался образъ Спасителя, на самомъ верху иконостаса. Посланные для снятія его, рядовой 10 флотскаго экипажа Несторъ Трояновъ, и столяръ вѣдомства гоф-интендантской конторы Абрамъ Дороеевъ, презирая явную опасность и не слушаясь даже не только увѣщаній, но приказаній выйти изъ церкви, положили себѣ христіанскій обѣтъ: спасти, во что бы ни стало, отъ огня святыню. Лѣстница, приставленная къ иконостасу, была далеко-коротка, по чрезвычайной вышины его. Трояновъ не смутился этимъ; съ неимоверною трудностію взобравшись на карнизъ, цѣпляясь за обламывающуюся рѣзную работу иконостаса, онъ, благословясь, снялъ образъ Спасителя; передалъ его товарищу Дороееву, спустился весьма-скоро, и торжественно вынесъ съ нимъ изъ пожарища образъ*.

—Переноска, изъ огромныхъ дворцовыхъ кладовыхъ, серебра, стоящаго нѣсколько милліоновъ рублей, была поручена командѣ, вытребованной изъ Адмиралтейства; порядокъ, въ которомъ было исполнено это дѣло, невообразимъ. Драгоцѣнность сія состояла изъ безчисленнаго множества мелкихъ отдѣльныхъ вещей, и не только ни одна изъ нихъ не затеряна, но ни

* Оба получили, по высочайшему повелѣнію, по 300 рублей; сверхъ-того, Трояновъ переведенъ въ гвардію.

одна не повреждена нисколько; какъ-будто-бы переноска совершалась на просторѣ и свободѣ, съ медленностію и осмотрительностію спокойнаго времени, а не въ смутѣ жесточайшаго пожара.

Повторяемъ,—этотъ актъ драмы такъ любопытенъ и важенъ въ исторіи пожара, что, коснувшись его, мы обязаны прослѣдить его до конца. — Все вынесенное изъ дворца имущество сложено было послѣ частию въ Адмиральтействѣ, частию въ зданіи Главнаго-Штаба и въ Экзерциргаузѣ, а по разборѣ и приведеніи въ порядокъ, сдано въ разныя придворныя вѣдомства; такъ, собственное императорскихъ особъ отдано въ комнаты Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ; серебро, въ томъ числѣ придворныя сервизы, въ кабинетъ Его Величества; бронзы, занавѣсы, штофы и другія драгоценныя матеріи (въ цѣльныхъ кускахъ, болѣе 7,000 аршинъ) въ кладовыя гофъ-интендантскаго вѣдомства; фарфоровыя вазы и вся мѣбель, вынесенная изъ осьмидесяти комнатъ, отправлены въ Таврическій-Дворецъ, гдѣ онѣ расположены въ томъ же порядкѣ, какъ находились по комнатамъ Зимняго-Дворца. Всѣ вещи, принадлежавшія частнымъ лицамъ, жившимъ во дворцѣ, и спасенныя въ значительномъ количествѣ, немедленно возвращены имъ. Все это было уже окончено черезъ 3 недѣли послѣ пожара. Кромѣ того спасены въ совершенной цѣлости: изъ Дворцовой Церкви: прежде всего святыя мощи, потомъ вся богатая ея утварь, великолѣпная ризница, образа съ ихъ дорогими окладами и большая серебряная люстра; изъ Георгіевской-Залы: императорскій тронъ и тронъ въ-Бозѣ-почивающей императрицы Маріи Ѳеодоровны изъ бывшей тронной Ея Величества комнаты, также находившіяся въ ней лютого серебра люстры, канделябры, столы и прочія

украшенія. При спасеніи вещей, многочисленная толпа была управляема такимъ единодушнымъ чувствомъ, что, казалось, кто-нибудь одинъ руководилъ каждого изъ дѣйствовавшихъ отдѣльно; и потому не было ни смятенія, ни безпорядка, ни торопливости, столько вредящихъ дѣлу; слѣдя за страшными успѣхами огня, выносили то, чему угрожала ближайшая опасность; потомъ уже обращались къ другому; ничто не было утрачено; всѣ вообще императорскія регаліи и брильянты, такъ же, какъ собственныя Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей брильянтовыя вещи, были спасены. Многочисленное собраніе портретовъ представителей достопамятныхъ эпохъ славы народной, котораго ничѣмъ нельзя было бы замѣнить, если бы оно не было отнято у огня, вынесено невредимо; такъ спасены изъ Петровской-Залы: картина, изображающая Петра-Великаго; изъ военной галлерей—портреты Императора Александра I-го, Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, императора австрійскаго, короля прусскаго, фельдмаршаловъ: князя Кутузова-Смоленскаго, князя Барклая де-Толли, герцога Веллингтона, наконецъ всѣхъ генераловъ русскихъ, дѣйствовавшихъ въ отечественной войнѣ 1812 года. Изъ фельдмаршальской залы вынесены всѣ портреты фельдмаршаловъ; съ половины Государыни Императрицы и изъ разныхъ отдѣленій дворца, многія драгоцѣнныя картины, зеркала, мраморныя статуи, китайская мѣбель, собственная императрицы Екатерины II, изъ ея комнатъ, и всѣ почти сокровища, которыя вмѣщало въ себѣ это обширное царственное жилище, частію на неисчислимыя суммы, частію же совершенно-неоцѣнимыя по внутреннему достоинству, древности, работѣ, или по воспоминані-

ямъ, которыя были съ ними связаны, и по невозможности чѣмъ-либо замѣнить ихъ. Конечно, погибло многое и драгоценное, но это потому только, что при быстромъ распространеніи пожара, при величинѣ и тяжести нѣкоторыхъ вещей, всѣ усилія для спасенія ихъ остались тщетны.

Этому безпримѣрному дѣлу не можетъ быть похвалы и награды, выше той, которою осчастливлены дѣйствовавшіе въ немъ, чрезъ слѣдующій высочайшій рескриптъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, полученный Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

«Посѣтивъ вчера, въ-сопровожденіи Государя Императора, Таврической-Дворецъ и осмотрѣвъ свезенное туда имущество, спасенное гвардейскимъ корпусомъ изъ Зимняго-Дворца во время пожара, я столько же была изумлена огромностію трудовъ его и усилій, сколько тронута чувствомъ душевнаго умиленія, увидѣвъ ту неимоверную заботливость, которая была приложена о сбереженіи вещей, принадлежащихъ Его Императорскому Величеству, лично Мнѣ и нашему семейству. Заботливость сія, обращенная посреди тревоги и опасностей пожара на сохраненіе даже самыхъ мелкихъ вещей, могла происходить только отъ неограниченнаго усердія и преданности чиновъ гвардейскаго корпуса къ Императорскому Дому. Сей прекрасный подвигъ уже оцѣненъ по достоинству Государемъ Императоромъ;—я же, слѣдуя влеченію искренняго чувства и принося Вашему Императорскому Высочеству душевную признательность мою за личныя распоря-

женія Ваши въ этомъ дѣлѣ, убѣдительно прошу васъ изъяснить благодарность мою принимавшимъ въ ономъ участіе гг. генераламъ, штабъ-и-оберъ-офицерамъ гвардейскаго корпуса, а всѣхъ нижнихъ чиновъ онаго, дѣйствовавшихъ съ столь достохвальнымъ и безпримѣрнымъ усердіемъ, приказать благодарить моимъ именемъ.»

На подлинномъ рескриптѣ, собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРА.»

«24 января 1838.»

Возвратимся къ печальному зрѣлищу пожара, о которомъ разсказъ былъ прерванъ нами для сообщенія свѣдѣнія о томъ общемъ, невыразимо-утѣшительномъ и единственномъ тогда чувствѣ, которое пробуждено было этимъ событіемъ въ сердцахъ Русскихъ, и вмѣстѣ о другомъ высокомъ чувствѣ, столь глубоко и достойно-оцѣнившемъ его.

Пожарная команда дѣйствовала—какъ всѣ: не знала преградъ и опасностей; люди кидались въ огонь—но къ-чему могли въ столь ужасномъ бѣдствіи послужить самыя отчаянныя усилія и даже самопожертвованіе? Если зоркій глазъ Государя и видѣлъ, что можно было спасти какую-нибудь незначительную часть зданія, то человѣколюбивое сердце его страшилось единой мысли: продолженіемъ этой страшной и неровной борьбы подвергнуть опасности хотя одного изъ подданныхъ; по повелѣнію Ея Величества, войскамъ приказано было остановить всѣ работы, и отступить отъ главнаго зданія дворца, которое съ этой минуты покинуто было въ добычу безумной стихіи. Тогда жертва, обреченная на гибель необходимостію и чувствомъ человѣколюбія, съ большею яростію

была охвачена тысячерукимъ врагомъ ; между-тѣмъ всѣ усеія и средства обращены были на спасеніе Эрмитажа. . .

Остановимся снова , чтобъ проникнуться сладостнымъ чувствомъ при воспоминаніи глубоко-трогательнаго обстоятельства, о которомъ мы еще не упомянули. Императрица , увѣдомленная о происходившемъ гораздо-позже , изволила прибыть ко дворцу уже въ то время, когда пожаръ развился съ силой въ нѣкоторыхъ частяхъ зданія. Ея Величеству было извѣстно, что дѣти перевезены, по повелѣнію Государя, въ Собственный-Дворецъ , но сердце матери такъ неизмѣримо-нѣжно, глазъ ея такъ остороженъ, — онъ не довѣряетъ почти самъ себѣ: Императрица хотѣла видѣть ихъ постели, — она исполнила это желаніе ; но и материнская заботливость не заглушала въ ней другихъ чувствъ: одна изъ фрейлинъ Ея Величества *, находившаяся тогда во дворцѣ, была прикована тяжелою болѣзнію къ одру ; Императрица посѣтила ее, и не оставила комнаты больной до-тѣхъ-поръ, пока послѣдняя не была вынесена изъ оной ; совершивъ это, Государыня вошла еще разъ во внутренніе свои покои, и нѣсколько минутъ провела тамъ въ глубокомъ размышленіи. Кто можетъ постигнуть, чтѣ тогда происходило въ сердцѣ Ея? кто можетъ постигнуть, какія чувства потрясали Ея душу, когда, переступая черезъ порогъ, она бросила послѣдній взглядъ, сказала послѣднее «прости» этой святой колыбели ея надеждъ и привязанностей? — «Здѣсь ** , обрученница, супруга, мать, Императрица, — она видѣла осуществленіе прекраснѣйшихъ сновъ

* Графиня С. П. Кутузова.

** Incendie du Palais d'Hiver. — Prince Wiasemsky.

жизни; здѣсь она узнала самыя великія, самыя святыя радости, наслаждалась драгоценнѣйшими дарами, низпосылаемыми женѣ любимой на землѣ и благословляемой въ небѣ! И кто лучше ея могъ оцѣнить ихъ?.. Прекрасная собственною красотою и красотою своихъ дочерей, гордая четырьмя сыновьями, не соединяла ли она въ себѣ съ блестящими достоинствами возвышающими сіяніе царскаго вѣнца, всѣ добродѣтели, преисполняющія отрадою быть семейный?..»

Удивительное сочетаніе обстоятельствъ! Въ то время, когда Царица, встревоженная па-счетъ участи болящей-подданной, какъ нѣжная мать попечительно озабочивается сама о ея безопасности; когда Царь, въ виду безчисленнаго народа и преданнаго войска, готовыхъ, не разбирая возможности и средствъ, руками захватить пожарище, задуть этихъ огненныхъ змѣй, со всѣхъ сторонъ выходящихъ по зданію и охватывающихъ его своими нещадными кольцами, менѣе скорбитъ о вознаградимой гибели, нежели страшится за жизнь меньшаго и ничтожнаго изъ этихъ сыновъ-подданныхъ; — пожаръ, ненасыщаемый богатѣйшею добычею, поѣдая императорскія палаты, набрасывается съ тою же яростію на жилище бѣднаго. Нѣсколько домовъ объаты пламенемъ въ Галерной-Гавани. При первомъ извѣстіи, Государь посылаетъ туда своего сына, и *тамъ*, наследникъ его высокой добродѣтели, второй-онъ, платитъ народу за выраженіе любви его *здѣсь*. Спѣша на дѣло избавленія, Его Императорское Высочество на дорогѣ оставляетъ экипажъ, по причинѣ происшедшей въ немъ порчи, и, сѣвъ на лошадь военнаго всадника, прибываетъ, какъ ангелъ Божій, въ этотъ отдаленный и бѣдный уголокъ города! — Не ужели вы не помышляли, бѣдные, что

сердце Царя вашего одинаково-зорко и открыто для малѣйшей печали, какъ и для величайшаго бѣдствія?

Между-тѣмъ стараніями Великаго Князя Михаила Павловича и быстрымъ исполненіемъ предпринятыхъ имъ мѣръ, зданіе, въ которомъ помѣщенъ Императорскій Эрмитажъ, потеря котораго была бы ничѣмъ и никогда невознагражима, спасенъ отъ угрожавшей ему близкой опасности. Здѣсь воля человѣка дано было оружіе, котораго она тамъ не имѣла, — *время*, и побѣда одержана. Напрасно рвется упрямый пожаръ къ этой богатой пищѣ и огненными языками уже лижетъ прозорливо-охраняемыя стѣны; онъ не пойдетъ далѣе: всѣ части, за которыя онъ могъ бы ухватиться, защищены; всѣ окна заложены; вездѣ готовъ отпоръ, и тутъ огонь отступаетъ, безсильный передъ волею человѣка. Пусть пожираетъ оставленное ему тамъ: тамъ все возсоздается въ новой красотѣ по мановенію державной руки, тамъ утрата только кратковременная;—здѣсь она была бы вѣчная: не можетъ возродиться великое твореніе божественнаго искусства, когда гений, которому оно обязано жизнію, живетъ уже только славою своего имени. Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ, личнымъ распоряженіемъ котораго Россія обязана сохраненіемъ этой драгоцѣнности, возвратился въ свой дворецъ къ встревоженной супругѣ, не ранѣе 11 часовъ слѣдующаго утра!

Торжественно-печальны были послѣдніе часы феникса - зданія, долженствовавшего встать съ костра неожиданно и неслышанно-быстро въ очаровательно-величественномъ обновленіи! Жертва совершалась безпрепятственно; уже безмолвно, неподвижно, но съ сердцами, сжатыми тяжелою грустію, смотрѣли на нее безчисленныя толпы народа, наполнявшія пло-

пада, смѣжныя улицы, и мѣстами осыпавшія крыши домовъ, которыя и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ облиты были отблескомъ неизмѣримаго зарева, красною волнистою пеленой трепетавшаго надъ городомъ. Все было погружено въ печальное молчаніе, только трескъ падающихъ потолковъ, только всплески и свистъ поломя, жлеставшаго по стѣнамъ, повсюду очищавшаго себѣ новые пути и крутившаго по всѣмъ направленіямъ свои огненные смерчи, страшно нарушали это важное спокойствіе. На лицахъ не было и слѣда любопытства—чувства, всегда сроднаго массамъ народнымъ въ минуты необыкновенныхъ явленій: онѣ выражали грусть; ихъ мрачная недвижность и благоговѣйное безмолвіе, подѣ-часъ прерываемыя вздохами, придавали этому зрѣлищу видъ той горестной и важной минуты, когда друзья расстаются съ отходящимъ другомъ. Былъ моментъ, произведшій впечатлѣніе, котораго описать невозможно. Давно уже бушевалъ пожаръ, нещадно разрушая многообразные органы этого громаднаго тѣла. . . Вдругъ надъ смутнымъ шумомъ внутренняго уничтоженія возвысился изъ умиравшаго зданія, какъ жалобный стонъ, чей-то звонкій и всѣмъ знакомый голосъ: древніе дворцовые часы, еще нетронутые пожаромъ, протяжно и жалобно пробили полночь; почти при послѣднемъ ударѣ молота пламя внезапно покрыло ихъ узорчатою сѣтью, и чрезъ минуту они обрушились въ огромный костеръ. Тогда уже со всѣхъ сторонъ великанъ былъ охваченъ врагомъ... Какая кисть, какое перо могутъ описать эту картину? Мы видѣли въ выбитыя окна, какъ огонь побѣдителемъ ходилъ на пустынномъ просторѣ; освѣщая широкіе переходы, онъ то кололъ и обваливалъ мраморныя колонны, то дерзко зачернялъ драгоценную позолоту, то сливалъ

въ безобразныя груды хрустальныя и бронзовыя люстры художественной работы, то обрывалъ со стѣнь роскошныя парчи и штофы и, насмѣшливо убирая ихъ лохмотья огненными бахрамами, расплескивалъ ими черныя волны своенравно-клубящагося дыма! — Небо перемѣняло свои аспекты ежеминутно; дымъ выбрасывался изъ горнила то лиловыми, то черными, то алыми облаками; за нимъ гнались витыя космы поломя и вдругъ бросали на черныя, размѣщенные по бѣлому полотну снѣга массы народа, то страшныя кровавыя, то синеватыя отблески, зажигавшіе стѣны противоположныхъ домовъ яркимъ свѣтомъ! Огонь хлесталъ изъ оконъ, каскадами лился по простѣнкамъ, билъ фонтанами, взвивался, пробѣгалъ по карнизамъ, допытливо искалъ вездѣ забытой пищи, и, сокрушивъ тамъ-и-сямъ какой-нибудь ничтожный остатокъ, улеталъ въ воздухъ, умиралъ въ немъ подобно зловѣщему метеору! Три дня горѣло это обширное пожарище; пламя не довольствовалось, пока не сокрушило всего безъ-изъятія. Тогда, пресыщенное, оно угасло надъ своею жертвою, и нѣсколько еще дней сряду курились раскаленные остатки обширнаго пепелища за почернѣлыми стѣнами! — Совершилось; но и свидѣтели событія, казалось, не хотѣли вѣрить возможности его; долго, послѣ пожара, площадь съ утра до вечера была наполнена толпами, въ грустномъ раздумьи безмолвно смотрѣвшими на величественный и печальный видъ гигантскаго остова.

IV.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ.

Едва пламя окончило свою работу, какъ на оставленныхъ имъ развалинахъ животворная воля Царя уже напечатлѣла вѣрный завѣтъ ихъ скорого возрожденія. Въ тѣлѣ мощномъ, каково тѣло Россіи, каждое потрясеніе сильно, всякая болѣзнь его кажется ужасною, неизцѣлимою; но, что для другаго было бы пагубою или зломъ не вознаградимымъ, то вознаграждается въ немъ съ непостижимою быстротою и безъ видимыхъ усилій, потому что средства, обиліе способовъ и дѣятельность жизненныхъ силъ — неизмѣримы и дружно содѣйствуютъ одни другимъ. Нужны ли примѣры? — пробѣгите исторію отечественную, и вы найдете ихъ тысячи, въ подтвержденіе этой истины.

Дворецъ сгорѣлъ 17-го декабря; 29-го того же мѣсяца было высочайше-утверждено положеніе о комиссіи, учрежденной при Кабинетѣ Его Величества, для возобновленія этого зданія. Мы считаемъ не только не лишнимъ, но необходимымъ, представить здѣсь извлеченіе изъ этого важнаго положенія, въ которомъ выборъ лицъ, основныя предначертанія и главные распределенія, широко-набросанныя и вмѣстѣ заключающія уже въ себѣ всѣ частности необходимыхъ ихъ послѣдствій, доказываютъ не только глубокое знаніе и мастерскую руку высокаго хозяина, но тон-

кую разборчивость въ назначеніи, опредѣлившую за-
благовременно непремѣнный успѣхъ предпріятія, какъ
порознь въ каждой изъ разнородныхъ его частей, такъ
и въ цѣломъ.

«Коммиссія предлежитъ, какъ устройство и отдѣлка дворцо-
ваго зданія вообще, такъ и внутреннее онаго украшеніе и ме-
блировка.—Коммиссія состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ми-
нистра Императорскаго Двора, изъ членовъ, главныхъ архитек-
торовъ и канцеляріи. Членами коммиссіи назначаются: оберъ-
штаб-майстеръ князь Долгоруковъ, генераль-адъютантъ Клейнми-
хель, инженеръ-генераль-лейтенантъ Готманъ, Кабинета Его Ве-
личества вице-Президентъ, гофмейстеръ князь Гагаринъ, и чле-
ны: дѣйствительный статскій совѣтникъ Андреевъ, камергеръ
Сенявинъ, и состоящій въ должности члена коллежскій совѣт-
никъ князь Грузинскій. Главные архитекторы суть: 4-го клас-
са Штаубертъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасовъ,
и надворный совѣтникъ Брюловъ.

«Коммиссія, въ-отношеніи подлежащихъ ей предметовъ за-
нятій, раздѣляется на двѣ части: а) хозяйственную, и б) искус-
ственную. Къ части хозяйственной относятся всѣ распоряже-
нія по предмету производства работъ и устройству дворца. Она
также вызываетъ желающихъ производить торги, дѣлаетъ нуж-
ныя покупки и распоряжаетъ выдачу суммъ по расходамъ ут-
вержденнымъ. — Къ части искусственной принадлежит непо-
средственно предварительное разсмотрѣніе проектовъ, черте-
жей и смѣтъ, всѣхъ предположеній архитекторовъ и повѣрки
отчетовъ въ техническомъ отношеніи, а также составленіе ус-
ловій на разныя работы по искусственной части. — Сообразно
такому раздѣленію занятій коммиссіи, самыя обязанности по
симъ занятіямъ раздѣляются между членами ея также по ча-
стямъ, и возлагаются: *по части хозяйственной*—на оберъ-штаб-
майстера князя Долгорукова, генераль-адъютанта Клейнмихеля,
вице-президента Кабинета Его Величества гофмейстера князя
Гагарина, и члена кабинета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника
Андреева; — *по части искусственной*: на генераль-лейтенанта
Готмана, камергера Сенявина и коллежскаго совѣтника кня-
зя Грузинскаго.

«Коммиссія, осмотрѣвъ зданіе Зимняго-Дворца и каждую
часть, пожару подвергнушуюся, въ-особенности, немедленно при-

ступать къ составленію по частямъ предположеній и способовъ къ возобновленію зданія, а также всѣхъ необходимыхъ плановъ, чертежей и сметъ. Всѣ сметы составляются архитекторами: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Стасовымъ и надворнымъ совѣтникомъ Брюловымъ, каждымъ особо, соотвѣтственно той обязанности, которая возлагается на нихъ по строительной части. Архитекторъ 4-го класса Штаубертъ въ составленіи сметъ не участвуетъ; онъ разсматриваетъ ихъ совместно съ искусственною частию. При составленіи предположеній и плановъ принимается въ основаніе, что большая часть дворцоваго зданія должна быть возобновлена такъ точно, какъ она до пожара существовала, съ тѣмъ только, что приводятся въ исполненіе проекты, прежде сего на построеніе новыхъ частей архитекторомъ Брюловымъ составленные и Его Императорскимъ Величествомъ уже одобренные, и вновь-назначаемые по внутренности въ нѣкоторыхъ компатахъ.

«Главные архитекторы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасовъ и надворный совѣтникъ Брюловъ суть распорядители работъ. *Первому* изъ нихъ поручается возобновленіе дворцоваго зданія вообще, наружная онаго отдѣлка и внутренняя отдѣлка обихъ церквей и всѣхъ залъ. *Послѣднему* предоставляется вся отдѣлка внутреннихъ комнатъ. Старшій архитекторъ 4-го класса Штаубертъ, не припимая на себя частной обязанности распорядителя работъ, ревизуетъ всѣ строительныя работы и имѣетъ общій надзоръ за успѣшнымъ, прочнымъ и правильнымъ оныхъ производствомъ.»

Въ то время, какъ комиссія, сообразно симъ предначертаніямъ, съ жаромъ и умною осторожностію принималась за эту огромную, сложную и важную работу, для исполненія которой открыты были необходимыя средства, вѣсть о пожарѣ дворца обѣгала Россію съ конца на конецъ и съ быстротою электрической струи, поражая сердца, пробуждала въ каждомъ одно и то же чувство. Со всѣхъ концовъ государства отъ цѣлыхъ сословій, общинъ и отдѣльныхъ лицъ, отъ богатѣйшихъ и недостаточныхъ людей *, начали

* Графъ Браницкій тотчасъ послѣ пожара просилъ позволить

поступать прошенія о позволеніи участвовать каждому, своимъ приношеніемъ, въ возсозданіи жилища царскаго: каждому хотѣлось, чтобъ чувство его было осуществлено чѣмъ-либо въ этихъ святыхъ стѣнахъ всѣ знали, что не хитро для Царя русскаго выстроить и пять такихъ дворцовъ, что въ утратѣ, причиненной пожаромъ, не матеріальная потеря печальна и отягчительна для сердца его,—и всѣ просили принять ихъ пожертвованія. Царь принялъ изъ нихъ то, что составляло ихъ основу: онъ не отказалъ никому безъ изъятія изъ подданныхъ; но онъ понялъ, какъ отецъ и какъ отецъ принялъ отъ дѣтей ихъ чувства, оцѣнивъ ихъ достойно въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ г. министру внутреннихъ дѣлъ 25 января 1838. Приводимъ здѣсь этотъ драгоценный для насъ памятникъ:

«Пожаръ, истребившій часть Зимняго-Дворца нашего, былъ случаемъ къ новымъ изъясненіямъ усердія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По доходящимъ до насъ отсюду свѣдѣніямъ, люди всѣхъ состояній ревнуютъ, каждый по мѣрѣ средствъ своихъ, содѣйствовать добровольными приношеніями возстановленію сего зданія. Сіи приношенія не будутъ нужны; мы не принимаемъ ихъ; но чувства, къ нимъ побуждающія, чувства вѣрно-подданнической привязанности къ намъ и престолу, всегда при всякомъ болѣе или менѣе важномъ событіи обнаруживающіяся съ новою силою, глубоко трогаютъ наше сердце. Мы желаемъ, чтобы сіе было также повсюду извѣстно, и для того повелеваемъ вамъ чрезъ начальниковъ губерній и губернскихъ предводителей дворянства, которое и въ настоящемъ случаѣ доказало, сколь оно вѣрно своему назначенію и правилу быть первымъ въ дѣйствіяхъ и примѣрахъ усердія, объявить любезнымъ подданнымъ нашимъ всѣхъ сословій монаршую признательность нашу за сіи знаки ихъ приверженности. Они намъ драгоценнѣе всему пожертвовать милліонъ; одинъ небогатый мѣщанинъ жертвовалъ 1500 р. — плодъ его бережливости, и пр. и пр.»

щественныхъ оокровищъ и изящѣйшихъ произведеній искусства. Мысль о пелищемѣрной, ни въ какихъ обстоятельствахъ непремѣняющейся любви нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, облегчаетъ для насъ бремя заботъ и трудностей правленія; ибо въ сей любви мы видимъ залогъ и будущаго благоденствія и славы любезнаго отечества нашего.»

Вскорѣ Филаграмовая съѣтъ лѣсовъ повела дворецъ; во-кругъ протянулся заборъ, за нимъ улеглись безчисленные дома для рабочихъ и различныя мастерскія; болѣе 8,000 народа сильнаго, искуснаго каждый въ своемъ дѣлѣ и одушевляемаго чистымъ желаніемъ исполнить это дѣло на славу, размѣстилось по отдѣламъ дворца, и богатырская работа закипѣла; но такъ стройно, тихо, въ такомъ порядкѣ, что мы жители городскіе, могли бы думать, что около дворца еще не дѣлается ничего, что то приготовленія только для будущей его отстройки. — Между тѣмъ вдругъ передъ глазами нашими, нежданно была сдернута пелена громаднхъ лѣсовъ, и мы радостно привѣтствовали державца зданій, уже обновившагося за нею въ наружной своей красотѣ. Стройно и величаво онъ выказывалъ свои гармоническія формы, прежде, мѣстами, искаженныя или стертыя, теперь одѣвшіяся первобытною свѣжестью; не убавивъ и не прибавивъ ничего, умное искусство только очистило ихъ отъ лишней ржавчины, наложенной временемъ; только дополнило то, что было ею поѣдено на нихъ, и всему дало тотъ хитрый, трудно-выражаемый, но необыкновенно-пріятный цвѣтъ и тонъ, который древностію налагается на зданія, лишенный, однакоже, неизбѣжной грязноты и пятна, безобразно-набрасываемыхъ на него посторонними обстоятельствами. — Быстрота, тонкая и умная сообразительность этого возстановленія наружнаго вида позволили намъ нѣкоторымъ образомъ

предугадать мѣру того, чего надлежало ожидать отъ внутренней отдышки. А внутри, казалось, то же ничего еще не дѣлали; мы не замѣчали ни одного признака той суеты, того шума, которыми необходимо бываетъ окружено каждое строящееся зданіе: вездѣ тишина и порядокъ; сквозь вставленные окна не видно никого; только трубы дымятся надъ высокою крышею дворца, и по вечерамъ, за оконницами, виднѣется свѣтъ;—еслибъ мы не знали, что менѣе года тому назадъ дворецъ сгорѣлъ, то могли бы думать, что онъ не переставалъ быть обитаемъ.

Со времени возвращенія Государя Императора изъ путешествія, въ царскіе дни и въ дни важныхъ церковныхъ празднествъ, дворъ собирался въ Императорскомъ-Эрмитажѣ; выходы были столь же блестящи; служеніе, столь же величественное и умирительное, совершалось въ походной церкви, устроенной въ одной изъ залъ за рафаэлевыми ложами;—не менѣе того, каждый разъ грустная мысль: «когда-то увидимъ мы опять древній храмъ, роскошный величіемъ красоты и преисполненный красотой величавыхъ воспоминаній» — была неразлучна съ нами. Вдругъ, въ половинѣ декабря, ровно черезъ годъ послѣ пожара, по городу разнесся слухъ, что въ самый день, когда былъ пожаръ (17 декабря), были освящены тѣ самыя залы, въ которыхъ онъ обнаружился, уже возсозданныя въ ихъ прежнемъ видѣ. Многіе еще спрашивали и развѣдывали, правда ли это? возможно ли это?—когда они официально извѣстились, что 2-го февраля 1859 г. освящена была Малая Зимняго-Дворца Церковь, во имя Срътенія-Господня, возобновленная послѣ пожара. Обрядъ освященія былъ совершенъ его высокопреосвященствомъ Филаретомъ, митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ,

соборнѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государей Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Павловича, и Государынь Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны; при семъ находились также: всѣ генералъ и флигель-адъютанты, генералы въ свитѣ Его Императорскаго Величества состоящіе, члены комиссіи для возобновленія Зимняго Дворца, главные архитекторы оной и главные мастеровые, участвовавшіе въ возобновленіи сего храма.

Церковь готова, освящена; слѣдовательно, должны быть готовы смежныя съ нею переходы, покои, лѣстницы? — Но вотъ, за нѣсколько дней до празднества св. пасхи, обнародованъ былъ высочайше-утвержденный церемоніаль для слушанія службы, въ первый день сего общаго христіанскаго праздника, въ *Большой Церкви Зимняго - Дворца*. Въ церемоніаль поименовывались многочисленныя залы, чрезъ которыя шествіе должно было тянуться, и внутренніе покои, въ которые императорская фамилія изволить идти послѣ служенія; названы подъѣзды, открытые для разъѣзда;—такъ все это готово? Непостижимо казалось подобное дѣло, даже и для тѣхъ, которые недавно еще имѣли случай посѣтить строеніе! — Тутъ вспомнили слово Царя, что *онъ, черезъ годъ, будетъ встрѣчать свѣтлый праздникъ въ стѣнахъ возобновленнаго Дворца*. — Не можетъ мимо идти сказанное Царемъ Русскимъ, и вотъ дворецъ готовъ! Онъ къ назначенному дню всталъ, прекрасный, изъ развалинъ; и это истинное чудо, едва непостижимое, совершилось не волшебствомъ, но дѣйствіемъ слова, сказаннаго Государемъ, вполне-постигшимъ свой народъ, и чувствомъ народа, безпредѣльно и свято-преданнаго Государю.

Самое соединеніе открытія дворца съ торжествомъ свѣтлаго праздника заключаетъ въ себѣ что-то неизъяснимо-радостное, исполненное роскошныхъ надеждъ. Церемоніаль, какъ и все относящееся къ этому событію, долженъ быть сохраненъ въ преданіяхъ нашихъ. Онъ совершенно-новый и необыкновенный по этому необыкновенному случаю; въ распоряженіяхъ его выражаются отеческія чувства: дать средства всѣмъ раздѣлить эту общую радость; усилить ее постепенною неожиданностію великолѣпнаго явленія, которое должно было представиться взорамъ; наградить, надѣлать этимъ и тѣхъ, которые не могли по званію своему имѣть пріѣздъ ко двору; осчастливить людей простыхъ, малыхъ въ братіи и юнѣйшихъ въ дому отца ихъ, но досужихъ дѣлателей, руки и искусство коихъ содѣйствовали совершенію этого подвига дозволивъ имъ не только видѣть это двойное торжество, но въ стѣнахъ жилища государева, оглашенныхъ благодатною пѣснію и хвалою Воскресенію Христову, ѣсть пасху у общаго отца Руси, имъ прославленной и счастливимой.

Вносимъ церемоніаль въ наше повѣствованіе.

«Для слушанія службы въ первый день будущаго праздника св. пасхи, съѣздъ къ высочайшему двору имѣетъ быть въ Эрмитажъ, въ назначенныя по повѣсткѣ комнаты.

«Высочайшій выходъ послѣдуетъ по-обыкновенію въ предмѣстїи придворныхъ особъ въ походную церковь, изъ которой начнется крестный ходъ съ образами *, чрезъ Шепелевскій-Дворецъ **, въ комнату передъ большою церковью ***, слѣдую-

* Для тѣхъ изъ читателей, которые никогда не имѣли счастья бывать при высочайшемъ дворѣ, мы въ выпискахъ покажемъ, что въ означенномъ церемоніаль совершенно-ново и особенно-примѣчательно.

** То-есть чрезъ всѣ сохранившіяся и непотерпѣвшія отъ пожара части дворца, такъ что процессія не могла видѣть ни одной изъ комнатъ вновь-отстроенныхъ.

*** И этой комнаты, новой, вошедшіе въ церковь черезъ фонарикъ не могли видѣть, до обратнаго шествія.

днимъ порядкомъ: 1) Двора Его Императорскаго Величества гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры по два въ рядъ; 2) хоръ придворныхъ пѣвчихъ; 3) придворное духовенство съ образами; 4) духовникъ Ихъ Величества съ крестомъ*; 5) оберъ-церемониймейстеръ; 6) Государь-Императоръ съ Государынею-Императрицею, шибъ позади министра Императорскаго Двора и дежурныхъ генералъ-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ и камеръ-пажей; 7) Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ; 8) Ихъ Императорскія Высочества, Великій Князь Михаилъ Павловичъ и Великая Княгиня Елена Павловна; 9) Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Марья Николаевна, Ольга Николаевна и Александра Николаевна; 10) Ея Императорское Высочество, Великая Княжна Марія Михайловна.

«Статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, фрейлины, члены Государственного Совѣта и всѣ придворные чины, слѣдуя за Императорскою Фамиліею до первой комнаты у комендантской лѣстницы, входятъ чрезъ фонарикъ въ большую церковь, и становятся: члены Государственного Совѣта за рѣшетку по лѣвую сторону**, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины передъ рѣшеткою по правую сторону, а придворные чины по лѣвую сторону***.

«Всѣ прочія особы, какъ военныя, такъ и статскія, слѣдуя за придворными чинами, останавливаются въ первой комнатѣ у комендантской лѣстницы и по корридору изъ Эрмитажа, доколѣ не войдетъ въ церковь Императорская Фамилія; потомъ всѣ входятъ въ комнаты, передъ церковью находящіяся, и въ военно-портретную галерею.

«Члены строительной комиссіи и главные архитекторы должны находиться въ церкви, младшіе же архитекторы и чиновники комиссіи, равно и главные мастерские всѣхъ частей, въ Бѣлой-Залѣ.

«До окончанія литургіи никому не позволено входить въ

* При обыкновенныхъ выходахъ отдѣлы церемоніала, 2, 3 и 4, не бываютъ, ибо лица сіи находятся въ церкви, ожидая тамъ вшествія Императорской Фамиліи.

** Вообще, за рѣшеткою обыкновенно никто не становится.

*** Придворные чины, при выходахъ, всегда предшествуютъ Императорской Фамиліи; придворныя дамы слѣдуютъ за нею.

Большія залы и прочія комнаты Зимняго-Дворца, и всѣ двери оныхъ должны быть заперты, равно и подъѣзды.

«По окончаніи литургіи, выходъ изъ церкви имѣеть быть слѣдующимъ порядкомъ: 1) Двора Его Императорскаго Величества гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры; 2) хоръ придворныхъ пѣвчихъ; 3) духовники Ихъ Величествъ съ крестомъ, а протоѿяконъ со святою водою, для окропленія залъ и комнатъ Ихъ Величествъ, по случаю возобновленія дворца послѣ пожара; 4) Государь-Императоръ, Государыня-Императрица и члены Высочайшей Фамиліи; 5) статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, фрейлины, члены Государственного Совѣта, придворные чины и всѣ прочія особы.

«Шествіе имѣеть быть изъ церкви чрезъ залы: Гренадерскую, Бѣлую, Петра-Великаго, Фельдмаршальскую, 1-ю Аванъ-залу, Большую и Концертную, откуда Императорская Фамилія изволитъ идти во внутреннія комнаты, а прочія особы остаются и разгавливаются * на приготовленныхъ столахъ: всѣ имѣющіе входъ за кавалергардовъ, въ Концертной Залъ; главные штабы Его Императорскаго Величества, генералы, и гвардіи штабъ и оберъ-офицеры, въ Большой Залъ, генералы, штабъ и оберъ-офицеры военно-учебныхъ заведеній, въ первой Аванъ-залъ; арміи и флотовъ штабъ и оберъ-офицеры въ Фельдмаршальской-Залъ; гражданскіе чиновники, имѣющіе пріѣздъ ко двору, чиновники и архитекторы строительной комиссіи, и главные мастеровые всѣхъ частей—въ Бѣлой-Залъ.

«Для разѣзда изъ Зимняго-Дворца будутъ открыты подъѣзды: Его Величества, противъ Адмиралтейства; Государя Наслѣдника Цесаревича; комендантскій съ дворцовой площади, и съ Большой-Невы.»

Всѣ раздѣляли грусть о пожарѣ дворца; Государю угодно было, чтобы всѣ раздѣляли и радость объ успѣшномъ и быстромъ его возобновленіи; къ торжествамъ первыхъ дней пасхи, по высочайшему повелѣнію, приглашены были и купцы 1-й и 2-й гильдій,

* Это, если не ошибаемся, первый примѣръ со времени существованія Зимняго-Дворца; никогда подданные всѣхъ сословій не имѣли счастья рамаиваться въ домъ царскомъ. Много несравненныхъ, по возбуждаемымъ ими чувствамъ, воспоминаній вынесъ каждый въ эти дни изъ стѣнъ дворца.

Восторгъ, произведенный зрѣлищемъ несравненной по красотѣ церкви Зимняго-Двора, безподобныхъ залъ, какъ-будто какою-нибудь сверхъ-естественною силою созданныхъ, въ обворожительномъ величїи блещущихъ великолѣпнымъ освѣщеніемъ, оглашаемыхъ небеснымъ пѣніемъ чудно-стройныхъ голосовъ единственной въ свѣтъ императорской капеллы; семейство царское, вступающее въ свой родительскій домъ при благословенїи церкви, съ молитвами, при трогательномъ священно-семейномъ обрядѣ, сопровождаемое всѣмъ, что составляетъ честь, славу и цвѣтъ отечества, подѣ глазами представителей всѣхъ состояній и безчисленнаго собранія зрителей, наполнявшихъ обширные хоры всѣхъ залъ; громкое, чистое, живящее душу «*Христосъ Воскресе!*»; это возсозданіе дворца въ неизъяснимомъ величїи съ безчисленными улучшенїями; эти необозримые столы, роскошно-накрытые радушнымъ, великимъ отцемъ-хозяиномъ для своихъ гостей-сыновъ,—все было невыразимо-прекрасно! — Остановимся, и приступимъ къ описанію самаго дворца послѣ возобновленїя *.

Начнемъ осматривать всѣ части дворца въ систематическомъ порядкѣ,—отъ главнаго подъѣзда съ набережной Невы.

* Теперь цѣлой Европѣ уже извѣстно совершеніе этого колоссальнаго архитектурнаго подвига; жалѣемъ, что она не узнаетъ о любопытныхъ его подробностяхъ; пожаръ видѣли всѣ, находящіеся здѣсь иностранцы, всѣ особы дипломатическаго корпуса; они видѣли также и возобновленный дворецъ. Что же скажутъ опытные строители и многіе умные люди, за границею, думавшіе и писавшіе, что едва-ли достаточно и двадцати лѣтъ, чтобъ возсоздать дворецъ такимъ, каковъ онъ былъ до пожара,—а онъ возникъ въ безчисленныхъ отношенїяхъ лучше, черезъ годъ съ небольшими.—Тѣ могутъ только разгадать это, кому близко знакома Русь.

4. РАБОТЫ СТАСОВА.

Парадная лѣстница. — Входя въ тройную галерею и проникая взоромъ подъ многочисленные своды этого обширнаго *подхода* (nef), поддерживаемые купами колоннъ, вы уже видите первый перонъ парадной лѣстницы, съ стоящею на немъ, въ превосходно-украшенномъ нишѣ, мраморною статуею, и постигаете характеръ величія, напечатлѣнный на самомъ преддверіи, такъ-сказать, этого зданія. Входя по мраморнымъ, широкимъ ступенямъ, вы видите какъ постепенно развивается на обѣ стороны эта рѣшительно-единственная въ Европѣ, по красотѣ расположенія и обширности, лѣстница. Лѣстница въ Казертѣ знаменита, но она далеко не можетъ сравниться съ нашею величіемъ, легкостію и граціею. Передняя часть, къ которой вы идете лицомъ, раскрываетъ свои формы и украшенія въ стилѣ *возрожденія* (style renaissance); вся нижняя часть, до втораго яруса, то-есть до вышины основанія верхней галлерей, совершеннобѣлая; всѣ ступени, балюстры, поручни и подножія колоннъ—бѣлаго карарскаго мрамора. На перонѣ вы оборотитесь, чтобъ опустя взоръ проникнуть подъ безконечныя арки тройственной, болѣе нежели тридцати-саженной (а съ конца на конецъ, т. е. отъ ниша со статуею на лѣстницѣ, до стѣны сѣней — 40 саженной) галлерей, которою вы пришли, и потомъ поднявъ глаза, взглянуть на верхнюю часть лѣстни-

цы; величіе и стройность ея поразятъ васъ невольно; не смотря на странный стиль украшеній, задуманный еще Микель-Анджеломъ, дополненный Боромини и окончательно-доправленный, если не допорченный, во Франціи, гдѣ извитыя, искругленные своеюравно формы его получили неменѣе-странное названіе *рококо*. Но что до украшеній! это—одежда, придуманная модою: дѣло въ томъ, чтобъ подъ ними было существо, душа. На высотѣ основанія верхней галлерей или портика верхняго яруса, тянется кругомъ поясъ, поддерживаемый каріатидами, надъ которыми стоятъ подножія пилястръ, идущихъ во-кругъ по стѣнамъ, съ размѣщенными между ними мифологическими статуями; до двадцати оконъ въ два яруса льютъ и дѣлятъ свѣтъ на всѣ части этой лѣстницы; начиная съ этой же вышины, всѣ украшенія — уже золоченыя по бѣлому грунту, и всѣ, не отступая въ формахъ своихъ отъ стиля, превосходно-облагорожены новымъ понятіемъ искусства, относительно чистоты, рельефа и правильности рисунка. Портикъ или перистиль состоитъ изъ десяти огромнаго размѣра колоннъ, изъ превосходнаго темно-сѣраго сердобольскаго гранита *, съ бронзовыми золочеными базами и капителями, стоящихъ по двѣ, на кубахъ бѣлаго мрамора, соединенныхъ мраморнымъ же балюстрадомъ, и средняя часть этой мас-

* Прежде эти колонны и пилястры были штукатуренные, подъ грязно-красный мраморъ расписанные *аль-фреско*, сколько можно судить по найденнымъ кускамъ штукатурки. Балюстры были деревянныя, поддѣланныя подъ мраморъ; если бѣ насъ обманывала въ этомъ случаѣ память, то доказательствомъ можетъ служить то, что не найдено послѣ пожара ни малѣйшаго осколка мрамора; лѣшныя украшенія, прежде довольно-толщія, были крашены желтою краскою, можетъ-быть, по снѣжному золоту.

сы лежить легко, какъ перо, на тонкомъ, красиво-согнутомъ сводѣ средней нижней галлерей. По верху колонны связаны необыкновенно-граціознымъ архивольтомъ (вольтатовымъ архитравомъ)*, съ раззолоченными богатаго рисунка орнаментами. Между среднихъ колоннъ вы видите главную дверь, находящуюся въ особомъ портикѣ, роскошно-убранномъ архитектурическими украшеніями**, какъ и ниши по обѣмъ стороны расположенные, и въ которомъ поставлены мраморныя статуи. Стоя на этомъ верхнемъ перонѣ передъ перестилемъ, вы однимъ взглядомъ можете объять всѣ части лѣстницы, чтобъ восхититься ихъ гармоніею, величіемъ и благородствомъ. Громадный, живописный плафонъ, взятый изъ сохранныхъ во дворцѣ, старинныхъ, украшавшихъ залы Императрицы Елисаветы Петровны, изображаетъ Олимпа, на подмугахъ, поддерживающихъ эту массу, расписаны кариатиды; и здѣсь требовалась вся внимательность художника, который долженъ былъ дать значительную силу тѣнямъ, чтобъ сдѣлать не столь чувствительнымъ для глаза переходъ отъ свѣтлой, чистой

* Не прямымъ, но переброшеннымъ дугами съ колонны на колонну, и составляющимъ надъ галлереею перистый сводъ.

* Замѣчательно, что всѣ безъ изыятія *лпныя* украшенія, по паружнымъ стѣнамъ дворца, были *не лпныя*, а набросанныя, на мѣстъ выдѣланныя изъ смѣси толченаго *карниза*, извести и пуццолана. Такъ-то старательно и прочно работали тогда; за-то въ 80 лѣтъ не приставляли къ дверцу ни одного раза лѣсовины, чтобъ поправить штукатурку и лѣпную работу; а нынѣ лишь только отстроить домъ; какъ уже валяются съ него всѣ эти пряники и сухари, размываемые дождями едва приклеенные и уничтожаемые морозами и оттепелями.

лѣстницы къ темной картинѣ плафона *. Въ этомъ превосходномъ произведеніи художникъ-архитекторъ, возсоздавая лѣстницу по старымъ размѣрамъ и придавая всему новое величіе и новую прелесть, доказалъ уже, что онъ въ состояніи выполнить.

1-я *Аванъ-зала* **. — Это *вестибюль*, прихожая, но прихожая, достойная императорскаго дома. Мы очень хорошо помнимъ ее въ прежнемъ положеніи; кажется, ничто неизмѣнено, между-тѣмъ все пересоздано. Стѣны — стюковыя палеваго цвѣта; общій характеръ: необыкновенная простота, чистота и стройность; рассматривая золотой рисунокъ орнаментовъ, окружающихъ живописный плафонъ (тоже изъ старыхъ Елисаветинскихъ), глядя на золотыя-сплошь поддуги, съ писанными въ нихъ въ камейномъ родѣ сидящими въ нишахъ фигурами, сообразивъ общій эффектъ, вы тотчасъ догадываетесь, что умный художникъ, умышленно соединяя здѣсь два разнород-

* Съ галлерей парадной лѣстницы боковая дверь ведетъ на новую каменную лѣстницу, о которой мы еще упомянемъ, идущую отъ кухонь до хоръ и наконецъ подъ самую крышу.

** Объяснимъ причину этого названія. *Аван-залы* (передъ заломъ) были три: *первая* — эта, *вторая* — нынѣ большая, и *третья* — нынѣ концертная. Онѣ названы такъ, потому-что вели къ четвертой, тронной залѣ, которая могла бы вмѣстить ихъ всѣ въ себя; онѣ были только *передъ-залы*. Эта, настоящая и огромнѣйшая зала, занимала все пространство нынѣ занятое внутренними покоями Императрицы, Императора и внутреннимъ дворикомъ, и была раздѣлена на 3 сквозные отдѣла огромными каріатидами. Говорятъ, что балки, въ построеніи коихъ не было еще тогда столько искусства, не выдерживали и клонились; какъ бы то ни было, зала уничтожена въ 1786 году; изъ нея сдѣланы покои (смотри объ перестройкѣ этой залы конецъ стр. 29 и начало стр. 30 этой статьи. Въ то же время, вмѣсто этой тронной, начато строеніе Георгіевской Тронной Залы.

ныя начала, два вкуса или характера, такъ искусно слилъ ихъ, такъ хорошо смягчилъ рѣзкую оригинальность *рококо* чѣмъ-то другимъ, что вы предчувствуете уже далѣе что-нибудь новое; вы почти-достигаете, что эта передняя комната есть настоящій переходъ отъ лѣстницы въ какой-нибудь великолѣпной залѣ, отъ стила *возрожденія*, можетъ-быть, къ чистому стилю древней архитектуры *.

Большая-зала. — Вы не ошиблись и увѣрились въ этомъ переступая черезъ порогъ, взглянувъ на величественное римское созданіе, на огромную, единственную, можетъ-быть, въ Европѣ пріемную комнату и по размѣрамъ, и по чистотѣ формъ и стила **, раскатывающуюся передъ вами. Она, какъ все здѣсь, не измѣнена, а пересоздана; это тоже, но не то, что было; потому-что художникъ, передѣлывая, ресторируя, не можетъ, не выходя изъ законовъ прошедшаго, не положить на свой трудъ печати искусства настоящаго и клейма собственнаго своего таланта. Въ этомъ произведеніи все прежнее прекрасное сохранено, но все рѣзкое въ немъ смягчено, все ознаменовано чистотою изящнаго вкуса. Два яруса гигантскихъ оконъ освѣщаютъ залу; съ одной стороны они выходятъ, въ нижнемъ ярусѣ, въ обворожительную галлерею, о которой мы упомянемъ (прежде эта стѣна имѣла глухія зеркальныя окна), — въ верхнемъ ярусѣ — въ другую, расположенную надъ нею и составляющую хоры. Между оконъ, кругомъ, рядъ трехъ-четвертныхъ колоннъ ***, бѣлаго мрамора съ голубыми прожилка-

* Вотъ размѣры этой залы: 10 саж. длины и до 9 ширины общая вышина почти всѣхъ залъ до 6 сажень.

** Длина этой залы 29 саж., ширина тоже до 9 саж.

*** Не полуколонны, разрѣзанныя плоскостью стѣны на-двое

ми, поддерживает роскошный антаблементъ; нѣ-
около ниже тянется платбандъ (поясъ), украшен-
ный лѣпною работою самаго чистаго вкуса. Зала не-
сравненно выиграла: она не только кажется болѣе
отъ-того, что чиста, одноцвѣтна и имѣетъ открытый
видъ на галерею, которая тоже освѣщена окнами *,
тогда, какъ прежде пестрота разныхъ мраморовъ
путала линіи, а большіе стеклянные синіе фонари,
въ видѣ вазъ, въ два ряда укрѣпленные на бронзо-
выхъ ручкахъ, еще болѣе пестрили и затемнили стѣ-
ны; зала улучшилась тѣмъ еще, что уничтожены
съ обоихъ концовъ колонны, выступавшія впередъ
(перистилии), поддерживавшія хоры и отежелявшія
залу, отнимая значительную часть (почти-шестую)
ея длины. Теперь, здѣсь, по обѣимъ сторонамъ дверей,
чисто; оставлены только въ стѣнахъ углубленія на
высотѣ оконъ верхняго яруса; эти четыре мѣста бу-
дутъ, конечно, заняты четырьмя замѣчательными про-
изведеніями ваянія; въ подобной залѣ отличные ба-
рельефы будутъ на мѣстѣ: они украсятъ ея еще бо-
лѣе, и какъ бы ни были хороши, не утратятъ въ ней
своего достоинства.

Концертная Зала. — Вотъ храмъ звуковъ, и точно
гармонія царствуетъ и въ самыхъ стѣнахъ его. Все
старое въ формѣ залы сохранено въ неприкосновен-
ной святости; можно ли было не сохранить этотъ

по длинѣ ихъ оси, но колонны отъ которыхъ какъ-будто вдав-
лено въ стѣну болѣе четверти ихъ объема.

* Около полудня солнце ударяетъ прямо въ эти окна, тог-
да опускаютъ яркія пунсовые шторы; дивная живопись галле-
реи пылаетъ волшебнымъ освѣщеніемъ, и эффектъ этого тепла-
го, алаго свѣта, вливаемого въ большую залу съ одной стороны
тогда какъ съ другой она освѣщается синеватымъ тѣнотомъ съ
безсолнечной стороны, — невыразимо-прекрасенъ.

перль изъ произведеній знаменитаго Гваренги—созданіе, къ которому художникъ, перестроивавшій залу, съ давнихъ поръ питалъ особенную привязанность? Фактура цѣлаго осталась прежняя, но мѣстами чистый вкусъ тронулъ мастерскою рукой это мастерское произведеніе, кое-гдѣ понизилъ, кое-гдѣ повысилъ, кое-что облегчилъ. Сюда вы вошли изъ большой залы: изъ Рима въ Грецію; общій стиль есть конечно самый чистый, съ тѣми отступленіями въ частностяхъ, которыя, не нарушая классическаго характера его красоты, исправляютъ его сухость. Кругомъ колонны, по двѣ вмѣстѣ; поднимаясь до $\frac{1}{2}$ общей вышины, онѣ коронованы коринѣскими капителями, которые вы найдете въ древнемъ пантеонѣ. На нихъ лежитъ изящный антабаментъ, чрезъ выступающіе массивы котораго, покоящіеся на коллонахъ, легко перебрасывается карнизъ. Кругомъ, надъ каждою колонною статуя музы или нимфы, руки искуснаго скульптора Германа, не рѣзко, но прекрасно-отдѣляющіяся на свѣтломъ грунтѣ стѣнъ. Выше, граціозно округляется поддуга потолка, съ котораго спускаются роскошныя люстры изъ хрустала и бронзы, дробящія въ милліонахъ своихъ граней свѣтъ безчисленныхъ свѣчей; предъ окнами стоятъ превосходной работы огромные хрустальные же канделябры. Вся эта зала изъ бѣлаго стюка чудесной полировки; она стройна соединеніемъ своихъ частей, какъ величественный аккордъ сочетаніемъ своихъ звуковъ *.

Остановимся на-минуту. — Если вы знали осмотрѣнныя вами залы до пожара, если видѣли, какъ онѣ были уничтожены пожаромъ, вамъ не могло не придти теперь на мысль, при удивленіи величію, красотѣ,

*Размѣры ея совершенно тѣ же, что и въ первой аванъ-залѣ.

чистотѣ и отчетливости ихъ отдѣлки: какъ могло все это быть сдѣлано въ столь короткое время? чѣмъ побѣдили природу, условія которой трудно нарушить? Какъ высушить этотъ стюкъ, быстро и предохраняя его отъ неизбѣжныхъ почти трещинъ? Усиліе средствъ не будетъ ли причиною быстрой порчи? Прочно ли все это? Въ-торопяхъ не замѣняли-ли камень деревомъ, которое не требуетъ сушки, легко и скоро обрабатывается? Не дадутъ ли стѣны сырости? Какова была искусственная просушка? Не обвалятся-ли лѣпныя украшенія?...— Эти и тысячу тому-подобныхъ вопросовъ представлялись вѣроятно многимъ, потому-что гласно въ публикѣ весьма-многіе обнаруживали опасенія свои, опасенія, если не смѣшныя, то тщетныя, истекающія изъ общаго всѣмъ желанія судить о всемъ, при незнаніи основаній и частныхъ дѣлъ;— другимъ причинамъ мы не желаемъ этого приписывать.

Не имѣя возможности говорить о *всѣмъ*, потому-что это повлекло бы къ неисчислимымъ подробностямъ, объясненіе которыхъ потребовало бы цѣлыхъ трактатовъ, мы почитаемъ однако же обязанностію привести здѣсь хоть *нѣсколько* изъ превосходныхъ рѣшеній самыхъ трудныхъ задачъ. Повторяемъ: надлежало бы, и для славы нашей и для пользы искусствъ, чтобы эти безпримѣрныя работы были подробнѣйшимъ образомъ описаны знатокомъ-художникомъ, человѣкомъ, умѣющимъ оцѣнить все ихъ достоинство и малѣйшую, но вмѣстѣ важную частность ихъ, ускользящую или вовсе непонятую какъ тѣмъ, которыя съ чувствомъ удивленія смотрятъ на это произведеніе, такъ и тѣмъ, которые предаются ничѣмъ-неоправдываемъ опасеніямъ.

Два основныя условія были краеугольнымъ камнемъ возсозданія дворца: 1) сколь-возможно-близкое сход-

ство, въ главныххъ его частяхъ, даже въ подробностяхъ, съ первобытнымъ его положеніемъ; 2) наивозможно-совершеннѣйшая несгараемость.—При этихъ условіяхъ возникали другія: быстрота, окончательность, прочность, чистота работы, измѣненіе въ лучшее всего, что прежде было неудовлетворительно, и пр. и пр. и пр.

Еслибы я сталъ передавать читателямъ только ту малую часть свѣдѣній, которыя мнѣ открыты, относительно разрѣшенія перваго изъ этихъ вопросовъ, то они изумились бы ихъ многочисленности и трудности. Мы коснемся нѣкоторыхъ при удобнѣйшемъ случаѣ; теперь остановимся на несгараемости, прочности и чистотѣ отдѣлки.

Весьма важно убѣдиться, что здѣсь работа гг. архитекторовъ была не простая, привычная для ихъ опытности и пехитрая по ихъ таланту, быстрая отстройка богатаго зданія, болѣе или менѣе удобная при обиліи способовъ;—но тяжкій трудъ умственный, по разрѣшеніе небывалыхъ, совершенно-новыхъ въ дѣлѣ строительномъ задачъ, изъ которыхъ на каждую надлежало придумывать новый способъ; дѣло особенное, неидущее въ рядъ ни съ какимъ другимъ, и подробности котораго, когда онѣ будутъ извѣстны, обогатятъ художественный міръ многими пріемами и средствами, именно по этому случаю созданными и прежде никѣмъ-непробованными; потому-что не было надобности, не было условій, которыя являлись здѣсь на каждомъ шагу; не было возможности нигдѣ употребить ихъ. — Отъ контрфорсовъ, крѣпей, фермъ и шпрингелей, поддерживающихъ на паутинно-тонкой и вѣчно-прочной своей связи громадную крышу; отъ построенія колоннъ, антаблементовъ, поддугъ и металлическихъ потолковъ на совершенно-новыхъ началахъ; отъ горшечныхъ сводовъ и стѣнъ; отъ накладки фаль-

шиваго мрамора — до системъ просушки, вентиляціи и отопки, до прикрѣпки мельчайшаго лѣпнаго орнамента,—все ново, превосходно-обдуманно и превосходно-исполнено, для достиженія предназначенныхъ цѣлей. И все это соединено было въ самомъ дѣлопроизводствѣ съ разрѣшеніемъ узловъ, кажется, физически-невозможныхъ по препятствіямъ противопоставляемыхъ самою природою нашею.

Строить стѣны, сводить своды, штукатурить, накладывать мраморъ и золото, расписывать — и все это почти-одновременно, осенью, зимою; когда, не смотря ни на что, химическіе процессы неотвратимо совершаются въ извести, въ клею, въ деревѣ и металлѣ!—Изобрѣтать средства: отнимать отъ мороза его силу, отъ сырости ея вліяніе, отъ жара его свойство, тамъ сильно стягивающее, здѣсь напротивъ того — распускающее; послѣ усиленныхъ теоретическихъ работъ, на практикѣ встрѣчать при каждомъ шагѣ новое затрудненіе и снова побѣждать его.... можно безошибочно сказать, что нигдѣ, никогда, ни одинъ изъ строителей не имѣлъ подобной школы. И при всемъ этомъ не отступать отъ основнаго завѣта: «мы сдѣлаемъ быстро, и, не смотря на препятствія во времени и природѣ, все будетъ несравненно-лучше, прочнѣе, изящнѣе, нежели когда-либо дѣлалось въ самое благопріятное время и при самой лѣнивой медленности.»

Чтобъ объяснить хоть двѣ, три строки изъ этой громадной архитектурной эпопеи, я скажу нѣсколько словъ по поводу Концертной-Залы, въ которой мы находимся и Малой-Церкви, въ которую тотчасъ войдемъ; пусть будетъ это служить до времени мѣриломъ остальнаго.

Начнемъ со стѣнъ и колоннъ. — Послѣднія были прежде деревянныя, такъ же, какъ антаблементы надъ

ними, оштукатуренныя фальшивымъ мраморомъ. Теперь, тутъ нѣтъ и щепы: все кирпичное, каменное. Но, скажете вы, при кладкѣ зимою толстыхъ кирпичныхъ колоннъ, и еще оштукатуривая ихъ непроницаемымъ для воздуха стюкомъ, когда можно извлечь изъ нихъ сырость? Это требуетъ продолжительной воздушной сушки. — Вы убѣждены, что мраморъ непременно поведетъ, что онъ полопается, обвалится? — Успокойтесь, никогда; и даже того, что необходимо бываетъ и должно быть, вездѣ, съ каждымъ фальшивымъ мраморомъ, неизбѣжныхъ трещинъ, — здѣсь, кажется, быть не можетъ. — Почему? — Потому-что здѣсь каждое дѣло было плодомъ мысли, а не дѣйствіемъ только привычнымъ. Вы тотчасъ увидите.

Вотъ весьма-нетрудное разсужденіе, но которое мало кому приходило на мысль: почему фальшивый мраморъ, котораго трещинъ на стѣнахъ и колоннахъ до-нынѣ, не смотря на старанія, почти не могли предупредить, не даетъ трещинъ и чрезъ многіе годы, на тѣхъ маленькихъ колонкахъ, которыя находятся у каждого изъ насъ въ комнатахъ подъ бюстами и т. п.? — Здѣсь эта, простая, неважная мысль имѣла важныя послѣдствія. Главная связь въ мраморѣ — клей, вещество животенное; накладывается этотъ мраморъ-стюкъ на дерево, вещество растительное, или на камень — ископаемое; но одинаково-ли вліяніе наружныхъ дѣятелей и перемѣнъ температуры на эти разнородные матеріалы? морозъ не будетъ ли въ одно и то же время стягивать клей и расширять сырость, находящуюся въ кирпичной кладкѣ? жаръ не будетъ ли сжимать и драть дерево, и, напротивъ того, пучить и болѣе или менѣе распускать клей? Въ комнатныхъ колонкахъ, о которыхъ мы упомянули, масса однородна, и потому измѣненія наружныя для нея не опасны.

На этомъ убѣжденіи вели работы здѣсь, и совершенно въ новомъ видѣ. вмѣсто деревянныхъ, колонны въ залахъ сдѣланы кирпичныя, но не глухія, сплошныя, а пустыя внутри, такъ что воздухъ комнатный свободно обращается въ колоннѣ съ базы до капители, и внутренняя температура всегда уравнивается съ наружною (комнатною). Этого мало: предусмотрительность поведена гораздо далѣе; мраморъ не набросанъ прямо на эту кирпичную колонну, онъ сдѣланъ особо, и готовый, большими выгнутыми (выпуклыми, сообразно округлости, данной колоннѣ) плитами соразмѣрной толщины, поставленными одна на другую и спаянными искусно между собою, составилъ около той колонны другую, мѣстами только связанную съ нею, но отдѣльную, такъ что остается между мраморною и кирпичною колонною пространство, въ которомъ воздухъ опять свободно обращается. Здѣсь уже рѣшительно никогда не можетъ быть ни сырости *, ни трещинъ; въ каждомъ матеріалѣ здѣсь отдѣльно совершается химическій процессъ, подѣ безпрерывною общею вентиляціею.—Также обложены и стѣны.

Поднимаясь выше, взглянемъ на громадныя массивы антаблементовъ, далеко-выступающіе отъ стѣнъ своими архитравами и карнизами. — Какое множество горячаго матеріала, если они деревянные; какая тяжесть, какая сырость въ ихъ толщѣ, если каменные! Успокойтесь — они ни то, ни другое, хотя прежде были деревянные. Это—соединеніе камня, желѣза, проволоки; это—коробки, пустыя, умно и хитро устроенныя, по связи, легкости и матеріалу проч-

* Если работники дѣлаютъ при этомъ свое дѣло какъ добросовѣстные мастера, то и пятенъ быть не можетъ; если же гдѣ и покажется пятно, то оно должно быть слѣдствіемъ *только* употребленія дурной воды, прокислаго клея, или т. п. —

нѣйшія сплошныхъ глыбъ; и въ нихъ опять ходить тотъ же воздухъ, свободно совершая свое вѣчное дѣло.

Поднимемся еще выше по стѣнамъ, подъ самый потолокъ.—Взгляните на поддуги, на эти какъ-бы-окончанія стѣнъ, внутри комнаты красиво закругляющіяся и поддерживающія собою огромное полотно металлическихъ потолковъ. Поддуги сами по мѣстамъ изрѣзаны впадинами, сводами; кажется, трудно бы было сдѣлать ихъ изъ чего-либо, кромѣ дерева, и, обшивъ досками и дранью, выштукатурить обыкновеннымъ образомъ разнообразныя ихъ округленія и выгибы. Трудно, но здѣсь не все ли было побѣжденіемъ трудностей? Это тоже желѣзный скелетъ, выразившій собою всѣ контуры и обвитый проволоочною стѣю, которая дала уже формы наружныхъ очертаній; потомъ, при пособіи тысячи различныхъ новыхъ средствъ и пріемовъ, все это оштукатурено, и снова въ пустотѣ ихъ, какъ и вездѣ, ходитъ воздухъ; впустите туда хоть огонь, все равно—ему не за что взяться, онъ уничтожится безъ пищи, умретъ въ этомъ просторѣ.

Поднимемся еще выше. Вотъ наконецъ потолокъ — металлическая сплошная доска, гдѣ желѣзная, гдѣ мѣдная *. Но какъ виситъ она? на чемъ? Что надъ нею? Какъ къ этой тонкой доскѣ прикрѣплены стонудовыя люстры?—Опять цѣлый міръ новыхъ дѣйствій, способовъ, столь же любопытныхъ, сколь остроумныхъ и замѣчательныхъ. Я сообщу и объ этомъ вкратцѣ, когда дойдемъ до другаго чуда—до устройства крыши, и будемъ осматривать чердаки. Самая раскраска потолковъ по металлу, котораго вы и не замѣтите, и которая, вѣроятно, не остановила ничьего вни-

* Въ большихъ залахъ потолоки желѣзные, въ церквахъ Большой и Малой, мѣдные.

манія, есть тоже дѣло хитрое. Сколько нужно тутъ было разнородныхъ дѣйствій для достиженія цѣли, мастикъ, красокъ на маслѣ, подготовки на клею и пр., и пр? Повторяю, здѣсь, все безъ-изъятія, до мелочи, замѣчательно; все займетъ знатока и заслуживаетъ подробнаго изученія.

Не входя во внутреннія комнаты Государыни-Императрицы, тотчасъ слѣдующія за Концертною, перейдемъ черезъ столовую и ротонду, чтобъ заглянуть въ Малую-Церковь, и воротимся изъ нея опять въ столовую, откуда пройдемъ назадъ Помпейскою-Галлереею, чтобъ осмотрѣть сперва остальные залы и Большую-Церковь, работы г. Стасова, а тамъ уже проникнемъ въ дивную страну внутреннихъ покоевъ, возсозданныхъ чародемъ Брюлловымъ.

Малая-Церковь.—Остановитесь на порогѣ этой укромной, домашней, семейной царской церкви. Довольно въ ней пищи для сердца; чувствамъ возвышеннымъ и умирительнымъ много въ ней простора для воспоминаній, располагающихъ къ мысленію. Съ младенческихъ лѣтъ до лѣтъ зрѣлыхъ; отъ дѣтскаго урока, отъ дѣтской забавы до необъятнаго труда государствованія; отъ мольбы ребенка до той мольбы, подобной мольбѣ въ вертоградѣ, въ години испытаній, когда Царь повторялъ, можетъ-быть: »отче! да мимо идетъ отъ мене чаша сія, обаче не яко же азъ хочу, но яко же ты!» — вспомните, сообразите: чтѣ зналъ и видѣлъ этотъ храмъ, безмолвный повѣренный великихъ тайнъ, глубокихъ моленій, намъ простымъ смертнымъ недоступныхъ, святыхъ чувствъ и завѣтовъ семейныхъ, чистыхъ радостей и великихъ печалей царскихъ — то о народныхъ торжествахъ, то о бѣдствіяхъ народныхъ? — Здѣсь цари, слагая величіе свое на порогѣ, обнаженные сердцемъ

притекали къ Богу!.. Понятно ли теперь, почему эта церковь столь драгоценна Государю, и почему Его Величеству угодно было возсоздать ее въ столь близкомъ къ прежнему видѣ, чтобы и малѣйшая даже черта бывшаго, если то возможно, не утратилась?

Но здѣсь-то и явилась величайшая трудность въ исполненіи. Не сохранилось ни чертежей, ни рисунковъ; одинъ, два, старинные скица болѣе вводили въ заблужденіе, нежели объясняли дѣло; изъ мелкихъ обломковъ украшеній, изъ ничтожныхъ полосъ, кое-гдѣ едва-видимыхъ, по удержавшейся отъ общей гибели, по стѣнамъ, штукатуркѣ, нужно было угадывать цѣлыя части, цѣлыя формы. Нужно было ловить въ нихъ правду, какъ древніе ловили ее въ неясныхъ словахъ сивиллъ; нужно было разыскивать истину изъ разсказовъ и памятей изустныхъ. И все это не повело бы ни къ чему, если бы въ великой памяти сердца царева не были написаны яркими чертами всѣ подробности этого священнаго для него храма: она одна могла возсоздать его.—Здѣсь мы должны были бы войти въ безчисленное множество самыхъ умилительныхъ частности; передадимъ хотя малѣйшую частицу ихъ. — Все дѣлалось по словамъ Государя-Императора, который, вспоминая формы и мѣста орнаментовъ, благоволилъ сообщать о томъ архитектору; тогда заготовлялись чертежи и модели; Государь изволилъ судить, сходно ли это съ бывшимъ, и требованія близости или, лучше, тождества были столь необходимы его сердцу, что малѣйшее по воспоминаніямъ отступленіе не допускалось ни въ одной безъ-изъятія изъ частей; передѣлывали и пересоздавали, доколѣ сходство, по воспоминаніямъ, не было удовлетворительно.

Для большей вѣрности, въ томъ чего не изволилъ

припомнить Государь совершенно-ясно, онъ обращался къ Ихъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ. Такъ, по замѣткамъ и указаніямъ мѣстъ, фигуръ и очертаній, воссоздавался этотъ храмъ, подъ рукою лучшаго строителя. Архитекторъ, съ своей стороны допытливо ловилъ все, что было возможно; обращены были распросы къ придворнымъ, къ служителямъ, къ пѣвчимъ; эти милыя дѣти часто стояли по цѣлымъ часамъ, во время служенія; въ ихъ взоры впились, такъ-сказать, всѣ украшенія; на нихъ все замѣчательное дѣйствовало сильнѣе, и потому живѣе сохранялось въ памяти. Они передавали архитектору многія подробности, которыя могли бы ускользнуть отъ всякаго другаго; рассказывая объ образахъ, они припоминали цвѣтъ одеждъ яркая краска которыхъ ихъ поражала; они говорили о предметахъ, которые долго приманивали ихъ ребяческое вниманіе: тутъ былъ крестъ, этотъ свитигель былъ съ сѣдою бородой, тотъ держалъ евангеліе, тотъ кадило, и пр. и пр. Все возражалось постепенно, дополняемое догадливостію и чувствомъ счастливаго этою работою архитектора; дошли наконецъ до того, что почти безъ ошибки угадывали прошедшее. Вотъ любопытный по этому случаю примѣръ: стѣны церкви вдоль по вышинѣ раздѣлены орнаментами на коробки или рамы, изъ коихъ въ однихъ, широкихъ, образа, въ другихъ, узкихъ, грунтъ, раскрашенный подъ мраморъ, или живописныя украшенія, составленныя изъ эмблемъ и атрибутовъ церковныхъ. При возобновленіи храма, рисунки послѣднихъ составлялись по словамъ Государя-Императора, воспоминавшаго многія частности и благоволившаго собственною рукою набрасывать на бумагу очерки ихъ. Сперва ихъ написали въ камейномъ родѣ (одноцвѣтно, съ тѣнями),

но Его Императорское Величество изволилъ вспомнить, что въ числѣ ихъ было евангеліе *алаго* цвѣта; слѣдовательно всѣ украшенія были цвѣтными. Такъ написаны были и эти украшенія, когда одинъ изъ мастеровыхъ-живописцевъ сказалъ архитектору, что давно уже онъ снималъ рисунки съ этихъ эмблемъ для Церкви Рождества-на-Пескахъ, гдѣ они написаны и находятся по-нынѣ. Сличили—и открылось, что рисунокъ, по догадкамъ и на-память возсозданный, почти не разнствовалъ отъ бывшаго въ этой церкви прежде. — Все это необыкновенно-любопытно, какъ дѣло, и прекрасно—какъ чувство. Жалѣемъ, что должны остановиться, для окончанія описанія настоящаго положенія дворца, которое прервано нами.

Отъ стараго иконостаса не осталось и признаковъ: онъ сгорѣлъ совершенно; спасены были всѣ образы нижняго ряда и одинъ только изъ верхняго (образъ Симеона). Нынѣшніе образы*: три святителя и Іаковъ,

* Вообще объ образахъ въ обѣихъ церквяхъ должно замѣтить, что въ числѣ ихъ находятся непомѣщаемые привычно въ иконостасахъ, гдѣ, кромѣ мѣстныхъ, общихъ и храмовыхъ, всегда бываютъ дванадесятые праздники и пр. Здѣсь, напротивъ, встрѣчаются: св. Харлампій, св. Евстафій, Климентъ, Іануарій, Савастыиъ. Гдѣ и какъ узнать причины этого? — Начиная справляться съ числами, въ которыхъ церковь празднуетъ воспоминаніе святыхъ этихъ именъ, открыли, что помѣщеніе ихъ изображеній было не безъ мысли, не безъ намѣренія; такъ по-крайней-мѣрѣ можно думать. — Въ Большой-Церкви, въ 3-мъ верхнемъ ряду надъ сѣверными дверьми, находятся св.-муч. Харлампій и Евстафій, архіепис. антиохійскій (въ кругу, въ 1 ар. 4 в.); они празднуются февраля 10 и 21-го. Первый изъ сихъ дней есть рожденіе Императора Петра III (въ 1728); второй — *утвержденіе избранія* на всероссійскій престолъ царя Михаила Ѳеодоровича (1613). Святые тѣхъ же именъ празднуются еще 14 апр. (муч. Евстафія), день переселенія

братъ Божій, работы Нефа, превосходны и по рисунку и по живописи; его же работы образа въ иконостасѣ и прекрасная, хотя весьма не большого размѣра, Тайная-Вечеря. — Поклоненіе волхвовъ и крещеніе Спасителя—на стѣнахъ, такъ же, какъ сошествіе св. Духа, въ плафонѣ, работы художника-любителя Майкова. Всѣ украшенія золоченыя по стѣнамъ изъ битой бумаги (*papier-maché*), ихъ не поведетъ, онѣ не обломаются и не потрескаются; потолокъ, какъ мы уже сказали, мѣдный. Здѣсь, къ слову прибавимъ, что это правило соблюдено вездѣ: всѣ *лѣпныя* украшенія—не лѣпныя, а выбитыя изъ мѣди (всѣ почти-прямые), или сдѣланныя изъ битой бумаги (всѣ узорчатые орнаменты), такъ же, какъ и большая часть рамъ; съ этимъ связана мелочь, очень-важная, какъ всѣ здѣсь мелочи: какимъ образомъ укрѣпить (работая изъ-нутри) металлическихъ или битыхъ изъ бумаги украшенія, и по-

царской фамиліи изъ Москвы въ Петербургъ (въ 1708),— 20 сент. великомуч. Евстафія, день рожденія Императора Павла I-го (въ 1754). Образъ Евстафія есть надъ сѣверными дверьми, а Харлампія—надъ южными и въ Малой-Церкви, которая была съ самаго начала освящена во имя Срѣтенія Господня, не потому ли, что на другой день этого праздника послѣдовало *избраніе* на всероссійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича? — Въ Большой-Церкви, подъ этимъ образомъ, другой Захарія и Елисаветы, 5 сентября, тезоименитство Императрицы Елисаветы I-й, а надъ мѣстнымъ образомъ Богородицы, образъ Климента папы римскаго и Петра Александрійскаго, 25 ноября: въ этотъ день, въ 1740 г., Елисавета вступила на престолъ. Тамъ же, на правой сторонѣ, въ третьемъ верхнемъ ряду, св. Іаннуарія и Савастыяна; *первый*—21 апрѣля, день рожденія Екатерины II (1729); *второй*—18 декабря, рожденіе Елисаветы I (1709).—Ниже, надъ мѣстнымъ образомъ Спасителя, св. Екатерина, 24 ноября, тезоименитство Императрицъ Екатерины I и II, и день, въ который Петръ I возложилъ на свою супругу орденъ св. Екатерины (въ 1713). Надъ южными дверьми—св. апостола Петра

садить каждое на свое мѣсто на металлическомъ потолокъ? — Придуманъ особый механизмъ: въ прорѣзанные на потолокахъ скважинки вставлены металлическія лентообразныя загнутыя закрѣпки и ими присажена каждая штука порознь.

Полипейская-Галлерей. — Входя въ галлерею, которая отъ самой столовой до парадной лѣстницы, паралельно заламъ Концертной, Большой и Аванъ-залъ, рядомъ съ ними, раскатилась какъ разноцвѣтная богатого узора ткань, на длинѣ 48 сажень, — вы обвожены прекраснымъ видомъ безконечной анфилады аркадъ, представляемыхъ сводами потолка, съ котораго спускаются въ стройномъ порядкѣ до 20 красивыхъ этрусскихъ лампъ. Разнообразіе, игра и блескъ живописи, отлично-выполненной, останавливаетъ взоръ на каждомъ шагу; всякій простѣнокъ представляетъ что-нибудь новое; между общими, всѣмъ имъ легкими колоннами и орнаментами изъ листьевъ, разбросаны коймы, арабески и флероны самага чи-

и Павла, 29 іюня, тезоименитства Императоровъ Петра I, II, и III и Павла I-го. — Въ Малой Церкви, надъ мѣстнымъ образомъ Богородицы, образъ св. Анны Пророчицы, 3-го февр.; тутъ опять много сближеній: въ этотъ день объявленъ послѣдникомъ престола Петръ Петровичъ, сынъ Петра I (въ 1718), обнародованъ новый титулъ «императорскій» (въ 1725); учрежденъ орденъ св. Анны (въ 1735); прибыла принцесса ангалтцербская, Екатерина II (въ 1744.) — Тутъ же надъ мѣстнымъ образомъ Срътенія, образъ видѣнія св. Симеона; память святаго этого имени празднуется 5 апрѣля (преподоб. Симеона) — коронованіе императора Павла (въ 1797); — 17 апрѣля (Симеона, епископа персидскаго) — день рожденія Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича (въ 1828); — 27 апрѣля (священ. Симеона) родился великій князь Константинъ Павловичъ (въ 1778). Такъ съ каждымъ образомъ связано историческое событіе.

стаго рисунка; въ-низу, что простѣнокъ, то новая пара звѣрей, выходящихъ изъ закругляющихся окончаній листовеннаго украшенія; въ-верху—въ каждомъ же простѣнкѣ новый пейзажъ; въ серединѣ — на яркомъ голубомъ или малиновомъ грунтѣ новая фигура воздушной танцовщицы. — Мы говорили уже о солнечномъ освѣщеніи этой галлерей при пунцовыхъ столахъ; глазъ почти не выносить этого яркаго блеска: Помпейская-Галлерей тогда какъ-будто освѣщена огнями пылающаго Везувія; въ-вечеру, когда зажженные лампы льютъ на нее свѣтъ, болѣе спокойный, она не менѣе прекрасна. Прежде на этомъ мѣстѣ были темные, грязные переходы; низенькій, большою частію деревянный, корридорецъ, перебитый, по мѣстамъ, то буфетами, то лѣсенками, то маленькими отдѣленіями. Эта часть есть одно изъ важныхъ улучшеній и существенныхъ украшеній дворца, ибо соединяетъ въ себѣ и прекрасное и полезное. — На серединѣ протяженія галлерей сдѣлана, во дворѣ, вплоть съ нею, каменная квадратная пристройка въ 8 сажень *: здѣсь въ-уровень съ галлереею будетъ устроена оранжерея—садикъ съ стеклянною крышею, дорожками и клумбами или куртинами; кромѣ красоты, это устройство представить важную выгоду: померанцовыя и лимонныя деревья, которыми украшаются залы для ужиновъ при придворныхъ балахъ, привозятся каждый

* Эта пристройка, со свай и подъ крышу вся новая, приделанная къ старому зданію, всю высоту Зимняго-Дворца, разрѣшила еще одинъ вопросъ въ искусственномъ отношеніи, который почитался неразрѣшимымъ. Новая постройка должна осьсть непременно: эта не осьла однакоже, и потому только, что она была строена, начиная со свай и переходя чрезъ кладку кирпича до крыши, подъ зоркимъ смотрѣніемъ и во всѣхъ подробностяхъ, такъ, какъ надлежало бы всегда строить.

разъ изъ императорскихъ оранжерей, ибо Зимній-Дворецъ не имѣетъ собственныхъ ; послѣ бала ихъ нужно опять отвозить, между-тѣмъ балы бываютъ наиболѣе въ зимнее время, — сколько труда и порчи ! При этомъ садикъ-оранжерея, деревья могутъ круглый годъ оставаться на мѣстѣ, служа къ новому украшенію дворца. Галлерей такъ широка, что во время послѣдняго большаго бала и въ ней накрыты были столы для ужина; такимъ образомъ, служа превосходнымъ внутреннимъ сообщеніемъ, она вмѣстѣ есть прекрасная зала. Съ конца, прилежащаго къ парадной лѣстницѣ, она упирается въ новую маленькую лѣстницу, о которой мы упомянули при описаніи парадной; эта лѣстница тоже замѣчательна въ-отношеніи искусственномъ по чистотѣ, легкости и той особенноти въ ея построеніи, что тутъ нѣтъ такъ-сказать ни одной черты лишней, кромѣ того, что необходимо для предназначенной цѣли. Съ этой лѣстницы входъ на хоры*.

Фельдмаршальская Зала.—Въ томъ порядкѣ, какъ мы осматриваемъ дворецъ, намъ нужно изъ Помпейской-Галлерей поворотить на-право въ Фельдмаршальскую-Залу (на лѣво—дверь въ первую Аван-залу). Она возобновлена въ томъ же видѣ, какъ была до пожара **, съ нѣкоторыми перемѣнами, которыя, хотя ма-

* Нынѣ всѣ хоры, по всѣмъ заламъ дворца, лежатъ совершенно на одинаковой плоскости, на высотѣ этажа, въ которомъ собственныя комнаты Государя-Императора; всѣ соединены между собою, чего прежде не было; до перестройки былъ только одинъ, крайне-дурной ходъ, —теперь ихъ нѣсколько, всѣ чисты и открыты съ прекрасныхъ лѣстницъ, идущихъ съ самаго основанія зданія до крыши. Изъ собственныхъ покоевъ Государя можно пройти хорами по всей этой части дворца и спуститься, по выбору, одною изъ лѣстницъ, не проходя по заламъ.

** Длина залы 17 сажень, ширина 7 сажень; вокругъ, поверху, устроены висящіе балконы—хоры; какъ на этихъ, такъ и на

ло замѣтны для глаза неопытнаго, много содѣйствуютъ ей граціи. Это памятная книга великихъ событій нашей военно-политической исторіи; тутъ встрѣчая взорами портреты (во весь ростъ) фельдмаршаловъ графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина-Таврическаго, князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, князя Кутузова-Смоленскаго, графа Дибича-Забалканскаго, князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, вы переноситесь во времена великихъ испытаній и великой славы; проходя рядъ этихъ важныхъ дѣяній, вы ищете ихъ настоящаго источника и начала,—войдите же въ комнату, которая возлѣ, вотъ онъ: это —

Зала Петра I-го, палладіумъ русскаго величія и славы. Въ нишѣ, въ богатой рамѣ, окруженной портикомъ, поддерживаемымъ двумя яшмовыми колоннами, поставлена аллегорическая картина, писанная знаменитымъ Миньяромъ въ бытность Петра I-го въ Парижѣ: слава ведетъ за руку Великаго, надъ головою котораго поддерживаютъ корону парліцїе геніи. На ступеняхъ, подъ картиною, стоитъ тронъ. На обѣихъ боковыхъ стѣнахъ, въ верхней ихъ части, округляющей отъ очертанія потолка, составляющаго сводъ, находятся двѣ картины, изображающія полтавскую битву, кажется, копіи съ картинъ, находящихся въ Петергофѣ. Стѣны обиты малиновымъ бархатомъ и испещрены золотыми двуглавыми русскими орлами; плафонъ украшенъ тоже орлами. Люстра, подзеркальные столы и огромные канделябры изъ чистаго се-

всѣхъ другихъ хорахъ теперь полы изъ плиты, а балюстрадъ, тумбы и поручни—или бронзовые или выбитые изъ мѣди;—огромныя люстры въ Фельдмаршальской-Залѣ, составленныя изъ арматуръ, прежде были деревяшныя, — нынѣ бронзовыя.

ребра ; они находились прежде въ тронной Ел Императорскаго Величества Маріи Ѳеодоровны, куда были перенесены изъ Михайловскаго-Дворца , нынѣ Инженернаго-Замка. — Потолокъ, составляющій красивый сводъ, нынѣ каменный. Длиа залы 9 сажень, ширина 5 сажень. Послѣ передѣлки она тоже много выиграла въ-отношеніи легкости и величія.

Бѣлая-Зала. — стройная, чистая, богатая пріемная комната въ 9½ сажень ширины и въ 25 сажень длины. Въ общемъ характеръ ничто неизмѣнено, но въ частностяхъ, которыя имѣютъ самое важное вліяніе на общій видъ, перемѣнъ весьма-много. Зала прибавлена въ длину почти на 6 сажений, для этого нужно было пристроить снаружи (во дворъ) цѣлый уголь ; за-то она нынѣ совершенно-правильна, тогда какъ прежде входъ изъ Военно-портретной-Галлерей былъ не на серединѣ длины этой залы, а ближе къ одному ея концу. Во-кругъ, по всѣмъ четыремъ сторонамъ, тянется рядъ стройныхъ бороздчатыхъ колоннъ, поддерживающихъ хоры ; на архитравѣ антаблемента расположены гербы всѣхъ губерній и областей, по одному надъ каждою колонною; въ-слѣдствіе удлинненія залы и колонны подняты; на двухъ концахъ чистые и легкіе перистили, по бокамъ которыхъ были прежде печки, нынѣ уничтоженныя. Къ слову о нихъ довольно ново и странно у насъ, проходя рядъ залъ, галлерей и внутреннихъ покоевъ, не видѣть нигдѣ ни одной печи ; эта важная для красоты дворца выгода доставлена превосходною системою воздухонагрѣвательной отопки, изобрѣтенной генераломъ Амосовымъ, и введенной при перестройкѣ Зимняго-Дворца. Публика видѣла эту залу еще несовершенно-оконченную: она вся была бѣлая, теперь будетъ бога-

тѣйшею изъ пріемныхъ залъ во Дворцѣ. Превосходная позолота легла сплошь по длинѣ бороздчатыхъ колоннъ, карнизовъ балюстровъ и рельефныхъ украшеній. Верхняя часть тоже сдѣлалась годаздо граціознѣе отъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ украшеніяхъ надъ окнами этого яруса, и въ размѣрахъ балюстрада хоръ.

Гренадерская-Зала, совершенно-новая: она слѣдуетъ въ прямомъ направленіи за Бѣлою, но уже ея. Прежде это мѣсто было занято статсъ-дамскою, расположенною за нею лѣстницею, вовсе ненужною, и комнатою пѣхотнаго караула; теперь все это уничтожено, слито: часть прибавлена къ Бѣлой, а изъ остальной части сдѣлана эта зала, тѣмъ еще выгоднѣйшая, что боковыя стѣны ея, продолжаясь, сходятся со стѣнами Большой-Церкви; а какъ въ церкви, въ комнатахъ которая расположена между нею и Гренадерскою, и въ Гренадерской находятся по три двери въ каждой, одна противъ другой,—то во время служенія, когда онѣ открыты, всѣмъ можно не только слышать, но и видѣть, что происходитъ; прежде это было невозможно, ибо церковь имѣла одну дверь, множество особъ при выходахъ, не помѣщаясь въ ней, должны были располагаться въ смежныхъ залахъ. Нужно обратить особенное вниманіе на искусство, которое требовалось отъ художника, чтобъ дать этой залѣ видъ единства и гармоніи; онъ совершенно успѣлъ въ семъ, не смотря на то, что всѣ простѣнки неправильны; все такъ умно маскировано дверьми и архитектурными линиями, что вы, не помышляя о неправильности, замѣтите напротивъ того совершенную стройность. По стѣнамъ расположены приличныя украшенія, лѣпной работы, изъ арматуръ.

Военно - портретная-Галлерей, всѣмъ знакомая, составляющая неоцѣненный памятникъ знаменитой отечественной войны, возсоздана, какъ все во дворцѣ, на основаніи прежней идеи, но съ большими улучшеніями: * она увеличена на столько же, какъ и Бѣлая-Зала; теперь болѣе мѣста для знаменъ гвардейскихъ полковъ, всегда стоящихъ при началѣ этой галлерей, какъ-бы охраняемыхъ изображеніями тѣхъ, которыми они прославлены во дни безсмертной борьбы Россіи съ надменнымъ исполиномъ побѣдъ и баловнемъ счастья. Потолокъ поднять, дано болѣе свѣта съверху; здѣсь можно видѣть нѣкоторыя части хитраго устройства крыши сквозь фонари (просвѣты) потолка. Надъ карнизомъ сдѣлана вновь прелестная галлерей (хоры) съ бронзовою рѣшеткою, украшенною жирандолями. Между этою галлереею и Эрмитажемъ идетъ (подъ прямымъ угломъ отъ первой и параллельно Большой-Церкви) зданіе, заключающее въ себѣ несравненную Георгіевскую Тронную-Залу, богатый мраморъ которой былъ обращенъ пожаромъ въ известку; она возсоздается и вчернѣ уже отдѣлывается; но мраморъ (бѣлый), весь изготовляемый въ Италіи, въ-рядъ-ли прибудетъ ранѣе 1840 года; тогда останется только положить его на мѣсто. Какъ продолженіемъ Бѣлой служить Гренадерская, такъ продолженіемъ Портретной—есть *притворъ*, я иначе не могу назвать комнату, расположенную между Гренадерскою-Залою и Церковью.

Притворъ церковный; легкія золоченыя украшенія по стѣнамъ и на потолкѣ, въ стилѣ возрожденія, приготавливаютъ глазъ къ переходу отъ роскошныхъ

* Всѣ портреты были спасены, какъ мы сказали прежде сего.

формами залъ, къ церкви, богатой величіемъ мысли и горящей золотомъ, которымъ она облита.

Большая Церковь. — Описывать Большую Дворцовую Церковь нѣтъ рѣшительно ни средствъ, ни возможности. Подобныя произведенія нужно видѣть, потому-что не только описанія, но планы, чертежи и рисунки не могутъ дать о нихъ надлежащаго, даже приблизительнаго понятія. Здѣсь, кромѣ величія формъ, стройности и граціи очертаній, богатства фантазіи и мысли художника, нужно видѣть гармонію цѣлаго, въ натурѣ; нужно видѣть чистоту рисунка и рельефа тысяче-образныхъ украшеній; видѣть эти потоки и колера золота, эту игру и эффектъ свѣта, дробимаго на углахъ, округленіяхъ и фигурахъ; раскрашиваемаго малиновыми занавѣсами; раздѣляемаго окнами на разныя куппы храма! Для всего этого перо и кисть — мертвы. Нужно еще видѣть въ этой церкви служеніе, въ одинъ изъ высочайшихъ выходовъ, и слышать придворныхъ пѣвчихъ. Тогда только можно имѣть о ней понятіе. Мы попробуемъ когда-нибудь описать дворцовую церковь отдѣльно.

Общая длина ея 17, ширина 6½ саж., Важнѣйшія улучшенія, не говоря о чистотѣ вкуса и исполненіи всѣхъ безъ-изыятія орнаментовъ и украшеній, состоятъ въ открытіи купола, который былъ прежде задѣланъ плоскимъ, тяжелымъ потолкомъ; въ уничтоженіи двухъ громаднхъ печей, по бокамъ входа, вмѣсто которыхъ открыты еще двѣ двери; въ четырехъ Евангелистахъ, писанныхъ г. Бруни на подкупольныхъ парусахъ и въ картинѣ плафонной, изображающей воскресеніе Спасителя; главныя фигуры на ней — почти тѣ же, какія были на старомъ плафонѣ, но околнчности, составляющія болѣе ста фигуръ и

головъ, гирляндю окружившихъ ту часть открытаго неба, въ которую воспаряетъ Спаситель, прибавлены г. Басинымъ, кисти котораго принадлежитъ это прекрасное и огромное произведеніе, оконченное имъ съ необыкновенною быстротою. Плафонъ, какъ и многое другое, требуетъ особаго описанія. Всѣ остальные образы — прежніе, спасенные отъ пожара.

Б. Работы А. П. Брюллова.

Окончивъ обзорѣніе залъ, отдѣланныхъ В. П. Стасовымъ, вплетшимъ этою важною работою въ прекрасный вѣнокъ своего таланта и извѣстности новую, навѣчно-свѣжую вѣтвь, перейдемъ въ волшебную область, гдѣ въ работахъ А. П. Брюллова искусство является облеченнымъ въ непостижимую грацію, въ разнообразіе и заманчивость, которыхъ выразить нѣтъ возможности; гдѣ обнаружено столько же ума и глубокой, степенной сообразительности, сколько пылкой фантазіи, роскошно выразившей въ самыхъ поэтическихъ формахъ идею чистой красоты.

Мы привели выше извлеченія изъ положенія о комисіи, учрежденной для возобновленія дворца; тамъ сказано: «Брюллову предоставляется вся отдѣлка внутреннихъ комнатъ». Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ заключался трудъ громадный, почти-необъятный,—да, необъятный: это выраженіе не гипербола, если сообразить краткость времени, въ которое совершились замысль огромный въ своихъ тысячеобразныхъ деталяхъ, и обворожительно-чистое, непонятно-быстрое выполненіе его. Художнику предлежало прежде всего обработать массы, потомъ создать идею частныхъ. Соединить между собою всѣ эти обширныя *половины*, обдумать планъ ихъ сообщеній, сочетать ихъ, но такъ искусно, чтобы при общей,

безпрерывной связи, каждая часть была разъединена, составляла особое, полное цѣлое, и вмѣстѣ необходимое звѣно этой золотой цѣпи; разсыпать, какъ жемчугъ, блистательныя, безчисленные красоты; повсемѣстно разлиться разнообразіемъ и игривостію, которыми, конечно, нѣтъ нигдѣ подобнаго примѣра, — вотъ что исполнено А. П. Брюлловымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ возникли тѣ прекрасныя лѣстницы и переходы, которыми обогатился дворецъ послѣ возобновленія; появились изъ небытія цѣлыя ряды превосходныхъ комнатъ; уничтожились многочисленные, темные углы, потерянные, грязные корридоры, куда не проникалъ прежде свѣтъ; гдѣ помѣщались, подъ-часъ, очень дурно и тѣсно, необходимыя принадлежности и служебныя комнаты; устроилось необыкновенно-выгодное, роскошное, удобное и свѣтлое распредѣленіе каждой части, каждой *половины* дворца; выразилась полнота въ ихъ составѣ, прелесть въ отдѣлкѣ, система въ размѣщеніи, отъ роскошныхъ пріемныхъ, отъ прелестныхъ кабинетовъ, библіотекъ, будуаровъ и ваннъ — до прислугъ и кухонь. Обозрѣвая возобновленные и вновь-созданныя Брюлловымъ части, если мы удивлялись необыкновенной стройности и величію его идей, чистотѣ его вкуса, неизмѣнимаго ему въ самой мельчайшей подробности, богатству изобрѣтенія, обнаруженному въ многочисленныхъ и всегда-счастливыхъ художественныхъ темахъ, роскошно разсыпанныхъ въ этомъ трудѣ, и разнообразію фантазій его, съ такою заманчивостію и граціею разыгравшей ихъ въ обворожительныхъ варьяціяхъ, — то великій хозяинъ этого истинно-царскаго дома, конечно, одинъ только вполнѣ оцѣнилъ всю мѣру совершеннаго нашимъ протеемъ-архитекторомъ; одинъ онъ могъ взвѣсить всю тяжесть предпріятія и всю многосторон-

ность достоинствъ въ побѣдномъ выполненіи его; онъ одинъ могъ и наградить счастливаго художника, какъ царь, какъ хозяинъ, какъ знатокъ и какъ отецъ, милости котораго художникъ обязанъ своимъ образованіемъ, а поощренія и вниманіе котораго развили и укрѣпили его прекрасный талантъ.

Описать работы Брюллова въ Зимнемъ-Дворцѣ невозможно; попробуйте описать цвѣта радужнаго призрака, или очертанія вѣтвей стройнаго клена, или движенія хрустальныхъ лентъ водопада. Нужны линіи, нужны формы и коллера, нужны свѣтъ и тѣнь, карандашъ, кисть и краски; и все это будетъ неудовлетворительно, все будетъ только подражаніе. Природу выразить можетъ одна природа; эффекты ея замѣняются изысканностію или теряются болѣе или менѣе отъ отсутствія пространства, отъ сокращенія размѣровъ, отъ несуществованія рельефа самыхъ тѣлъ мѣсто которыхъ заступитъ полотно или бумага. Мы попробуемъ дать хотя слабое понятіе объ этихъ частяхъ дворца, чтобъ исполнить обязанность, которую возложили на себя; постараемся сохранить отчетливость и ясность въ томъ, что можетъ быть подвергнуто симъ условіямъ, и заранѣе просимъ извиненія у любителей, повторяя, что подобные предметы должно видѣть; описывать ихъ, даже и тѣмъ, которые надѣлены особеннымъ искусствомъ, — а мы имъ не владѣемъ, — почти-невозможно.

Вы помните, что, идя изъ Концертной въ Малую Церковь, мы перешли черезъ столовую и ротонду; здѣсь начинается половина Ея Императорскаго Величества, и отсюда мы начнемъ обозрѣніе внутреннихъ ея покоевъ.

Большая столовая (12 арш. шир. и 27 длины)*. Изъ Концертной Залы двѣ двери ведутъ — одна въ такъ-называемую *большую столовую*, другая въ *малахитовую гостиную*; входимъ въ первую. Помня ее въ прежнемъ положеніи, мы, при настоящемъ обзорѣ, убѣждаемся, что художникъ придерживался первобытнаго рисунка; главныя очертанія тѣ же, но всему придана особенная грація; вокругъ по стѣнамъ поднимаются бороздчатые колонны (всего 24), на которыхъ лежитъ замѣчательный своею легкостью карнизъ, и съ него красивою дугой перегибается потолок**, съ большимъ вкусомъ украшенный изящными украшеніями прекраснаго рисунка. Прежде эта комната въ тѣхъ же формахъ представляла болѣе суровости, если можно такъ выразиться, относительно стиля; теперь болѣе граціи; сперва мы называли бы ее дорическо-римскою, теперь дорическо-греческою. Комната освѣщается тремя окнами, обращенными на внутренний, непроѣздный дворикъ.

Малая столовая, помпейская, лежитъ въ лѣво отъ большой столовой, подъ прямымъ съ нею угломъ и такъ, что ширина послѣдней и длина первой составляютъ всю длину малахитовой гостиной, изъ которой ведутъ двери въ одну и другую. Эта небольшая, но прелестная комната, (13½ арш. длины, 9 шир.) есть единственная въ Европѣ по способу ея отдѣлки — она scagliolo. Объяснимъ значеніе этого названія для тѣхъ, кому оно неизвѣстно. Скальо-

* Ее называютъ также *Арапская*: здѣсь у дверей обыкновенно находятся красиво-одѣтые Арапы. Другая большая столовая есть при этой половинѣ; мы въ-послѣдствіи упомянемъ о ней.

** Тогда всѣ потолки были плоскіе, теперь всѣ состоятъ изъ сводовъ; нѣтъ и двухъ одинаковыхъ.

ло,—връзная работа; на стѣны накладывается стюкъ одного цвѣта, составляющаго грунтъ даннаго рисунка, послѣ чего каждая его часть вырѣзывается изъ этого грунта и вполняется стюкомъ того цвѣта, который слѣдуетъ по рисунку; въ этихъ частяхъ, когда онѣ засохнутъ, опять глубоко вырѣзываются мѣста для тѣней, для свѣтовъ или бликовъ, для мелкихъ украшеній, рефлектовъ и т. п., снова наполняемая стюкомъ сообразныхъ имъ колеровъ; такимъ образомъ продолжается работа до послѣдней черты, до малѣйшей подробности. Понятно, какого труда, терпѣнія и некуства, какой аккуратности требуетъ scagliolo; за-то подобное произведеніе вѣчно; краски могутъ и черезъ тысячу лѣтъ быть столь же свѣжи и ярки, какъ въ первую минуту. Въ Европѣ нѣтъ, какъ уже мы сказали, другой такой комнаты: эту работу пробовали кое-гдѣ частями, кусками; ее употребляли на отдѣльные штуки, но нигдѣ на цѣлую залу. Выполненіе принадлежитъ художнику Терцани. Брюлловъ перенесъ сюда помпейское искусство во всей его очаровательности; характеръ неизмѣнно выдержанъ отъ главныхъ частей до подробностей, до превосходной мебели чистаго греческаго стиля. Въ бѣлое поле стѣнъ впились украшенія и узоры блестящихъ цвѣтовъ, этрусской живописи; окна льютъ свѣтъ съ верхней части, которая опоясана красивымъ аттикомъ съ пилястрами; самыя двери мраморныя (чтобъ не нарушить единства). Въ маленькой столовой нѣтъ золота, но она отъ-того неменѣе драгоценна и составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтковъ роскошнаго букета, связаннаго А. П. Брюлловымъ.

Малахитовая гостиная (четыре окна; длина $28\frac{1}{2}$ арш., шир. 15 арш.) по длинѣ занимаетъ пространство,

занятое большою и малою столовыми, въ ширину нѣсколько менѣ половины ширины Концертной Залы *, изъ которой ведетъ въ нее дверь. Окна гостиной обращены на Неву. Главные размѣры комнаты остались тѣ же, что и прежде; но въ частяхъ они должны были необходимо измѣниться отъ общей всѣмъ комнатамъ этого отдѣленія причины — отъ измѣненія потолковъ изъ плоскихъ въ сводные. Это важное во всѣхъ отношеніяхъ улучшеніе, при той милой игривости, при умномъ и роскошномъ разнообразіи, которое Брюлловъ далъ и основной формѣ и украшеніямъ потолковъ, чрезвычайно содѣйствовало величественности и благородству самихъ комнатъ прежде какъ будто подавленныхъ, не смотря на ихъ высоту.

Войдя въ этотъ храмъ богатства и вкуса, вы недоумѣваете, чему удивляться болѣе: роскоши матеріала, или роскоши мысли художника?—Золото, какъ потоки волшебнаго каскада, разлилось повсюду, то охвативъ ровнымъ полотномъ цѣлыя части, то раздробясь на мелкія струи или горя въ чудныхъ узорахъ!— По бѣлымъ стюковымъ стѣнамъ, поднимаясь съ бѣлыхъ же мраморныхъ подножій, стройно высіяты малахитовыя колонны и пилястры, съ золотыми базами и капителями, всего восемь колоннъ и столько же пилястръ, по двѣ рядомъ, первыя расположены на двухъ длинныхъ стѣнахъ, послѣднія на двухъ короткихъ; между ними на короткихъ стѣнахъ находятся малахитовыя каминныя и по бокамъ золотыя двери; на одной изъ длинныхъ стѣнъ—окна, а посреди нѣ огромное зеркало (трюмо), вставленное въ золотой, выступающій наметъ или щатеръ превосходнаго ри-

* Остальная часть ея ширины составляетъ длину большой столовой.

сунка, поддерживаемый золотыми же колонками; подъ нимъ стоитъ (огромная, съ необыкновеннымъ счастьемъ спасенная отъ пожара) драгоценная малахитовая ваза, отражающая въ зеркалъ свои чистыя древнія формы. — Противоположная окнамъ стѣна занята большимъ диваномъ и двумя по бокамъ дверьми *. Стѣну надъ диваномъ украшаютъ писанныя по мрамору фигуры, изображающія—средняя группу (съ Рафаэля), если не ошибаемся, поэзіи, окруженной младенцами-гениями; по сторонамъ превосходныя фигуры Торвальдсена: *Ночь* и *День*; выполнение принадлежитъ извѣстному художнику Виги.—Плафонъ прежде былъ писанный, нынѣ весь орнированъ золотыми рельефными украшениями, по богатству рисунка и красотѣ размѣщенія останавливающими вниманіе; то же замѣчается въ дверяхъ, сплошь золотыхъ, убранныхъ золотыми же рельефными узорами чудесной красоты; мебель вся какъ-будто выкованная изъ золота. Прибавьте къ этому соразмѣрность цѣлаго, грацію и гармонію частей, игру и переливы свѣта на золотѣ и мраморѣ, превосходныя украшения на каминѣхъ, бронзы, вазы, цвѣты, самую разстановку изящной мебели, драпировку оконъ и огромныя зеркальныя ихъ стекла, и тогда, даже сочетавъ съ этими элементами все, что вы слышали или читали въ волшебныхъ разсказахъ, все, что собственное ваше воображеніе можетъ создать, вы далеко не достигнете до истины; потому, извините, что вы не изучили такъ близко, какъ Брюлловъ, міръ древній; у васъ будетъ произведеніе фантастически-роскошное, можетъ-быть безпорядочно-чудесное: у него общимъ вкусомъ и деталями этой превосходной комнаты осуществлена

* Одна ведетъ въ большую столовую, другая въ малую.

лучшая, богатѣйшая эпоха чистаго греческаго искусства; теперь вы поймете, какъ восхитительно-хороша должна быть эта гостиная.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, при необыкновенномъ богатствѣ матеріала, при обиліи мысли, создавшей тему, которую художникъ могъ бы до безконечности разигрывать въ обворожительныхъ частностяхъ, вездѣ умный талантъ его положилъ строгія границы собственному увлеченію; судя самый въискательный врядъ-ли найдетъ одну ненужную черту, одно лишнее украшеніе. Это должно отнести ко всѣмъ произведеніямъ А. П. Брюллова: вездѣ, какъ въ Зимнемъ-Дворцѣ, онѣ *всегда умны*,—да простятъ намъ это выраженіе, вполне объясняющее наше понятіе. Нужно удивляться также граціи рисунка деталей и лѣпныхъ работъ и чистотѣ ихъ выполненія: первое приноситъ особенную честь молодымъ помощникамъ г. Брюллова, его ученикамъ. Каждый карнизъ, каждый плат-бандъ, каждый флеронъ, розетка, портъзка—а ихъ нѣтъ возможности пересчитать—премесь, по изяществу и характеру чистоты рисунковъ, которые были составляемы этими молодыми людьми по даннымъ имъ темамъ. Вкусъ, искусство, старательность и самое направленіе гг. Бейне, Клагеса, Горностаева, Гальберга и Львова необманчиво обѣщаютъ намъ въ нихъ отличныхъ художниковъ. Второе относится къ русскимъ и иностраннымъ мастерамъ о которыхъ мы въ-послѣдствіи упомянемъ: труды ихъ въ возобновленіи дворца тоже замѣчательны. Кто знаетъ техническую часть дѣла, кто сообразить, что надлежало для всякой мелочи, изобрѣсть, сочинить подробные рисунки, выполнить ихъ, лѣпить по нимъ, формовать, потомъ не выливать изъ гипса, какъ обыкновенно, а дѣлать украшенія эти

изъ битой бумаги (papier-maché) * золотить ихъ, ставить на мѣсто — и все это въ самое короткое время; тогда какъ неисчислимыя частности огромнаго труда, по отдѣлкѣ вдругъ множества комнатъ вѣчно разнообразныхъ и новыхъ, требовали полнѣйшей дѣятельности воли и фантазіи, и вмѣстѣ спокойнаго, глубокаго разсчета и размышленія; кто сообразить это, говоримъ мы, увидѣвъ сперва весь дворецъ—тотъ изумится, безъ всякаго сомнѣнія.

Одно не могло быть воссоздано въ этой гостиной: прежде пилястры и колонны въ ней были яшмовые, драгоценные и по матеріалу, и по многолѣтней работѣ; огонь разрушилъ связь камня, и онъ рассыпался. Но комната, улучшенная во всемъ, и въ этомъ врядъ-ли потеряла: богатая Сибирь замѣнила свое яшму своимъ же золотомъ и малахитомъ, который, по нашему мнѣнію, роскошнѣе и красивѣе яшмы.

Розовая гостиная (шир. 10 арш., глубина 15), — прелестная небольшая комната съ однимъ окномъ, воссозданная по прежнему мотиву, съ нѣкоторыми улучшеніями относительно вкуса украшеній; мы замѣтили это не только въ архитектурической части, но даже въ рамахъ, которыми окруженъ розовый потолокъ, покрывающій стѣны. Мраморный каминъ, находившійся прежде въ глубинѣ комнаты, теперь на лѣвой ея сторонѣ, что содѣйствовало пріятнѣйшему размѣщенію мебелировки. — Потолокъ здѣсь замѣчательнъ и по граціи формы, и по особенной легкости живописи.

Малиновая гостиная (въ два окна; шир. 13¼ ар., глуб. 15). Съ каждымъ шагомъ вы переступаете отъ очарованія къ очарованію; въ золотой вы были

* Мы уже упоминали объ этомъ; —здѣсь на потолокъ украшенія тоже изъ битой бумаги.

поражены величавостію греческаго характера, здѣсь другія красоты дѣйствуютъ на васъ неменѣе-пріятнымъ образомъ. Вся комната отдѣлана въ стилѣ *возрожденія* (Renaissance), и въ многочисленныхъ украшеніяхъ ея столько новаго, заманчиваго, такое богатство, такая чистота, такое милое кокетство, что вы, не довольствуясь эффектомъ цѣлаго, непременно желаете разсмотрѣть каждую подробность. Потолокъ этой комнаты, по мнѣнію нашему, — лучшій въ цѣлой половинѣ; форма его превосходная; въ украшеніяхъ соединена живопись съ скульптурною работою; мѣстами на золотомъ полѣ отдѣляются бѣлые, лѣпные орнаменты; мѣстами въ нихъ своенравно и стройно вмѣшивается произведеніе кисти; фризъ и сюпорты особенно хороши: счастливый рисунокъ тѣшитъ взоръ; вы желали бы остановиться на нихъ долѣе, но другой предметъ невольно привлекаетъ все ваше вниманіе. Надъ каждою изъ двухъ дверей этой комнаты вставленъ мраморный барельефъ, изображающій вакханалію; на одномъ группа дѣтей, окружившихъ козла, на другомъ упившійся Силень. Эти знаменитыя въ исторіи искусствъ произведенія *Франсуа-Фламана* нынѣ куплены за 25.000 руб.; ихъ привезъ изъ Италіи Вендрамини. Не намъ хвалить высокое достоинство столь драгоценнаго пріобрѣтенія; довольно сказать, что великій Каннона, послѣ долгаго созерцанія, какъ-будто не находя словъ, чтобъ выразить свое восхищеніе, безмолвно расцаловалъ ихъ, ставя на мѣсто, съ котораго они перешли украшать палаты Царицы русскоѣ. Этимъ не заключается неоцѣненное убранство гостиной: всѣ искусства должны были имѣть въ ней изящнѣйшихъ представителей. На стѣнѣ, противоположной окнамъ, и на двухъ боковыхъ стѣнахъ, обтянутыхъ малиновымъ што-

фомъ, только по одной картинѣ; но этихъ картинъ только по одной въ свѣтѣ; это «Святое Семейство» *Вини*, противъ него «Амуръ» *Доминикина*, и «Св. Іоаннъ» его же. Въ углахъ комнаты два мраморные камина; между оконъ-трюмо, золотая рама котораго такъ же замѣчательна, какъ и вся мебель, приносящая честь мастерскимъ Гамбса; изъ верхней ея части выходящая до половины тѣла изъ красивой, вогнутой раковины, фигура, держать цѣпи висящей предъ зеркаломъ люстры. Вся мебель золоченая, покрытая малиновымъ бархатомъ, по которому вытиснены золотые узоры; подушки окружены роскошными бахрамами изъ смѣси бархата съ золотою битью. Отъ архитектурныхъ произведеній, отъ мрамора и бронзы до ревербера лампы, до малѣйшей этажерки для альманаховъ,—во всемъ сохраненъ оригинальный характеръ *возрожденія*, украшенный чрезвычайнымъ богатствомъ рисунка. Мы не упомянули о дверяхъ, по богатству, разнообразію формъ, чистотѣ отдѣлки и драгоценности деревъ заслуживающихъ особеннаго вниманія: онѣ, какъ и вся почти мебель этой половины, дѣланы Гамбсомъ, и, вполне соответствуя архитектурной и декоративной частямъ, возвышаютъ еще красоту комнату.

Позади *малахитовой, розовой и малиновой*, расположены, окнами на маленькій непроѣздный дворикъ, *помпейская столовая*, буфетъ и каммеръ-юнкерская.

Кабинетъ (четыре окна, два на Неву и два къ Адмиральтейству, ширина и глубина 12 и 13½ арш.). Эта прелестная, какъ и всѣ другія комнаты, обогащена тоже превосходнымъ потолкомъ, совершенно отличнымъ отъ другихъ и по формѣ, и по живописи; стѣны убраны зеленымъ штофомъ; изъ углового окна, окружен-

наго трельяжѣ, открывается восхитительный видъ на Неву внизъ по ея теченію. — Здѣсь посѣтителѣ, которому посчастливилось обозрѣвать внутренніе покои Императрицы, остановленъ красотою убранства и меблировки амарантоваго дерева, замѣчательныхъ гораздо-менѣ роскошью, нежели изяществомъ работы и догадливымъ до возможной утонченности удобствомъ размѣщенія. Но и по самому назначенію все завлекаетъ ваше вниманіе въ этой рабочей комнатѣ Императрицы. Вотъ письменный столъ: тутъ совершаются труды христіански-великіе по материнскому попечительству надъ многочисленными воспитательными заведеніями; далѣе, на этомъ диванѣ, на этихъ столахъ, сколько было прослушано вздоховъ, свободно долетавшихъ изъ жилища нищаго и угнетеннаго судьбою до сего высокаго царскаго уединенія; и сколько, въ отвѣтъ имъ, излилось отсюда благодарній! Далѣе, въ этомъ уютномъ помѣщеніи, счастливая мать-Царица, окруженная многочисленною и несравненною семьею, въ нѣжныхъ ласкахъ ея пила чистое наслажденіе и награду своихъ заботъ и добродѣтелей... **Къ каждой козеткѣ, къ каждому уголку вы подходите съ трепетомъ сердца, пробуждаемымъ святостію мѣста; комната великой Царицы, счастливой супруги и матери... Какая длинная цѣпь сладостныхъ, утѣшительныхъ истинъ, извлекающихъ изъ глубины вашей души молитву и благословеніе!...**

Мѣстами цвѣтники и трельяжи, мѣстами изящныя ширмы и тысячеобразныя принадлежности богатаго кабинета, дѣлятъ его какъ-будто на нѣсколько другихъ маленькихъ кабинетиковъ. Большая часть находящихся здѣсь произведеній искусства суть вмѣстѣ и завѣты самыхъ сладкихъ чувствъ; тамъ вы видите мраморный бюстъ августѣйшаго родителя Импе-

ратрицы, здѣсь акварельные или карандашные семейные портреты; даже виды любимыхъ мѣстъ, и т. п. Нѣсколько небольшихъ, но превосходныхъ кабинетныхъ картинъ развѣшаны по стѣнамъ, такъ напр. рафаэлева «Мадонна», чудесно скопированная нашимъ *Бруни*, «Христосъ» — *Мори.лло*, «Магдалина» — *Дольи*, «Младенецъ-Спаситель съ державою» — *Соелли*; нѣсколько перспективъ *Неефа*; итальянская сцена — *Маес*; «Двѣ Неаполитанки» — нашего *Нефа*; на ширмахъ нѣсколько обворожительныхъ миньятюрныхъ картинъ; наконецъ, двѣ знаменитыя мраморныя фигуры, *Геба и Прядильщица*, довершаютъ убранство этой комнаты, вполне достойной своего назначенія. Предшествовавшіе покои расположены окнами на Неву; начиная отъ этого, всѣ слѣдующіе обращены окнами къ адмиралтейству.

Погизальная (почти квадратная, нѣсколько болѣе 13 аршинъ; въ два окна). Одна треть комнаты по глубинѣ ея, отдѣляясь двумя колоннами и двумя пилястрами, составляетъ роскошный альковъ. Потолокъ перекидывается отдѣльными сводами, какъ надъ переднею частию, такъ и надъ заднею, слѣдовательно своды должно было утвердить на этихъ колоннахъ. Соображая вышину, силу упора и т. п., вы дивитесь смѣлости художника: не бойтесь — здѣсь предпримчивость есть слѣдствіе глубокаго знанія и вѣрнаго расчета; трудъ состоялъ въ соображеніи, а не въ выполненіи, которое, при основныхъ данныхъ, дѣйствовало свободно и безошибочно. Къ слову, — еслибы я сталъ рассказывать вамъ, какимъ-образомъ здѣсь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ со стороны на сторону перекинута обширная и прочная арка, имѣющая силу выдержать болѣе назначенной на нее тяжести; какъ она подперта другими меньшими, какъ наполнены остальные простран-

ства, тогда вы поняли бы, что для художника съ сильнымъ талантомъ, соединяющаго глубокое знаніе и опытность, трудности существуютъ, но побѣждаютъ, и что, именно, въ побѣжденіи ихъ заключается его слава. Внутренній трудъ архитектора, невидный, скрытый наружными украшеніями,—этотъ расчетъ и механизмъ построенія, на которыхъ все основано, которымъ все обязано и красотою, и прочностію, и самобытностію,—непонятны для непосвященныхъ въ таинства, а они-то и составляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ, побѣдныхъ частей работы. Если бы мы знали это, тогда, объяснивъ себѣ многое, необъяснимое для насъ нынѣ въ перестройкѣ дворца, мы не дивились бы... или нѣтъ, мы еще болѣе удивлялись бы искусству строителей: тогда мы разгадали бы, какимъ чудомъ извылись, укрѣпились, округлились эти смѣлые потолки; какъ въ верхнемъ этажѣ повисли будто въ воздухѣ, не опираясь ни на что, прочныя каменные стѣны (извѣстно уже, что деревянной здѣсь нѣтъ ни одной) многочисленныхъ комнатъ, тогда-накъ подѣ ними расположены обширныя пустоты огромныхъ залъ.. Повторяемъ, возобновленіе дворца есть учебная книга для будущихъ архитекторовъ и истинный подвигъ совершавшихъ оное.

Почивальная есть красивое произведеніе греческаго зодчества; комната необыкновенно-чиста и весела; прекрасный плафонъ, превосходный барельефъ работы Германа, идущій кругомъ, подѣ карнизомъ, легкая по формѣ, богатая по матеріалу, свѣтлаго цвѣта драпировка, — все въ немъ прелестно въ частностяхъ и преисполнено гармоніи въ цѣломъ. Такимъ-образомъ образованный ученіемъ вкусъ умѣетъ создавать прекрасное, не имѣя нужды въ многочисленныхъ украшеніяхъ; и, на-оборотъ, при безчисленномъ множествѣ

украшений, умѣть употребить ихъ всѣ, безъ отягченій, безъ преизбытка, безъ утомительности и ничего не отнимая отъ граціи цѣлаго частностями.

За почивальнею расположены къ внутреннему дворику переходы въ каммер-юнкерскую на-лѣво, къ ванной на-право, лѣстница въ-верхъ и въ-низъ, и внутренняя превосходная лѣстница къ комнатамъ Государя Императора. Въ объемлемомъ ею призматическомъ пространствѣ чрезвычайно-искусно устроена подъемная прекрасной отдѣлки машина: приложеніемъ легкой силы, не цѣлой руки, но нѣсколькихъ пальцевъ къ рукояти круговращающагося ворота, свободно и плавно поднимается кресло, утвержденное четырьмя углами, или, лучше, скользящее ими въ четырехъ мѣдныхъ столбахъ.

Розовая уборная (около 7 арш. ширины, глубина одинаковая съ предшествовавшею). Та же чрезвычайная стройность, тотъ же свѣтъ; бѣлыя стѣны, мраморный каминъ и, на половинѣ глубины комнаты, розовая занавѣсъ, красиво висящая на золотыхъ багетахъ, поддерживаемыхъ небольшими колонками; все это обнято легкимъ сводомъ чистаго потолка; думается, что художнику хотѣлось доказать этою комнатою, сколько прелести заключаетъ въ себѣ совершенная простота. Вы отдергиваете занавѣсъ, — стѣны легко драпированы розовою, шелковою тканью; изящно-простая и немногочисленная мѣбель; въ глубинѣ маленькая дверь: любопытство влечетъ васъ открыть ее, и вдругъ вы поражены чѣмъ-то неожиданнымъ, необыкновеннымъ; вы не можете дать себѣ отчета въ первомъ впечатлѣніи: это —

Ванная — небольшая комнатка около 13¼ ар. въ длину и не болѣе шести въ ширину; между-тѣмъ въ ней сосредоточены всѣ красоты Альямбры, вся ро-

скошъ гренадскихъ Мавровъ; дивный характеръ волшебныхъ вымысловъ своенравнаго искусства востока отпечатанъ здѣсь на всемъ съ полнѣйшею вѣрностію. Вы имѣете настоящую идею о блескѣ и великолѣпнѣ жилищъ халифскихъ. Да, художникъ похитилъ все это изъ Альямбры, и вѣрно никто не поставитъ ему въ вину этого похищенія. Рельефныя разныхъ цвѣтовъ и золотыя украшенія и арабески, прилегли къ стѣнамъ и своду, устлавъ комнату съ-верха до низа фантастическими узорами; мѣстами высятся чуднаго стила колонны; сквозь расписанное въ томъ же вкусѣ окно, цвѣтистый свѣтъ таинственно льется въ эту очарованную храмину. Противъ окна огромное зеркало, вторящее чудный рисунокъ его; наравнѣ съ поломъ, устланнымъ эластическимъ и мягкимъ какъ пухъ ковромъ, мраморная, углубленная ванная, подъ самымъ зеркаломъ, изъ котораго, по произволу, бьетъ хрустальнымъ ключомъ горячая или холодная вода, сперва въ огромную раковину, а изъ нея каскадами въ ванну. Подъ сводомъ виситъ превосходной формы восточная люстра, пунцоваго цвѣта. Въ-право отъ ванны, въ углубленіи, диванъ, и близъ него широкая ширма, чрезъ которую переброшенъ драгоценный турецкій коверъ, шитый въ тамбурномъ родѣ, возможномъ только одному многорукому и многотерпѣливому востоку: машинная Европа не изобрѣла еще снособа производить что либо подобное. Взгляните отсюда на-право и на-лѣво: на двухъ выступахъ стѣны, искусно устроенныхъ для предположенной цѣли, утверждены зеркала; въ нихъ вся эта роскошная фантазія, отражаясь тысячи разъ, тянется безконечно съ своимъ блескомъ, разноцвѣтностію и игрою; глазъ теряется въ неизмѣримой дали, взоръ побѣжденъ: онъ не можетъ уловить конца этой анфилады сводовъ и

безчисленной цѣпи цвѣтистыхъ оконъ... За диваномъ маленькая дверь, ведущая въ другую уборную, имѣющую два окна на короткій бокъ изломаннаго фаса, обращеннаго къ Адмиралтейству. Но воротимся, чтобъ въ порядкѣ продолжать обзоръ и чрезъ ванную войдемъ опять въ розовую уборную, а изъ нея въ —

Будуаръ (такой же величины, какъ розовая уборная). Новый міръ: предшествовавшее впечатлѣніе еще живо, и вдругъ вы перенесены въ эпоху *возрожденія*. Эта комната чисто-архитектоническая; нить не прикасалась къ бѣло-песочнымъ ея стѣнамъ. Потолокъ, бока и открытыя аркады въ смежную съ нею съ правой стороны комнату, сплошь украшены рѣзными орнаментами мелкаго, прелестнаго рисунка и необычайно-чистой лепки; мягкія тѣни отъ блага на бѣломъ возвышаютъ рельефъ, и даютъ всему жизнь и прохладу; легкая орѣховая мебель, въ обворожительно-стройномъ безпорядкѣ разставленная, возвыщаетъ еще чистоту этой комнаты: вамъ хотѣлось бы быть здѣсь въ каникулярный день, чтобъ освѣжиться подъ этими свѣжими аркадами отъ палищаго зноя, или, лучше, вамъ хотѣлось бы никогда не выходить отсюда. Но вы перешли еще не черезъ всѣ очарованія волшебнаго жилища; занятыя, поглощенные созерцаніемъ этой комнаты, вы не заглянули сквозь аркады въ соседнюю—войдите въ нее:

Цѣпникъ или садъ (такой же ширины, длина 20 арш.) Угловая комната, однимъ окномъ прямо къ Адмиралтейству, четырьмя окнами, по загибающемуся фасау, обращенному къ подъѣзду. — Характеръ совершенно тотъ же; но здѣсь несравненно менѣе

лѣпныхъ украшеній *. Комната по длинѣ раздѣлена на двѣ половины низкою рѣшеткою (балюстрадомъ); половина, прилежащая къ окнамъ, опускается на нѣсколько саженей ниже; вы сходите туда широкою мраморною лѣстницею, съ обѣихъ сторонъ украшенною растеніями и цвѣтами, и достигаете площади этого прохладнаго цвѣтника, вымощенной, въ родѣ мозаика, мелкими кусками мрамора, всаженными въ камневидную массу. Посрединѣ бьетъ изъ мраморной чаши фонтанъ; кругомъ цвѣты и растенія, увлажняемые водною пылью и льющіе въ воздухъ благоуханія; въ углубленіи восхитительный гротъ.

Верхняя часть вся украшена цвѣтниками, трельяжами и бесѣдками самыхъ милыхъ формъ; изъ золотыхъ тирсовъ и багетовъ, составляющими безподобные, истинно-поэтическіе пріюты, гдѣ, благодаря роскошной фантазіи художника, высокая Хозяйка этого благодатнаго жилища и въ глубокую зиму можетъ заставить царствовать весну со всѣми ея красотами, — съ пвніемъ птицъ, ароматами цвѣтовъ и шумомъ фонтана. — Отсюда есть дверь въ уборную, о которой мы сейчасъ упоминали, сообщающуюся, на-лѣво, — съ ванной, а прямо — съ третьею столовою, называемою *большою* **.

Большая столовая (21 ар. длины, 16 ширины) — не роскошная, но красивая, благороднаго стили ком-

* Г. Додоновъ, известный художникъ нашъ, расписываетъ теперь эту комнату. Нѣтъ сомнѣній, что цвѣты, которые набросаетъ его кисть, не устыдятся своихъ живыхъ соперниковъ, и, въ-замѣнъ ихъ аромата, будутъ одарены отъ художника продолжительнѣйшею свѣжестью.

** Не должно смѣшивать ее съ Аранскою, называвшеюся тоже большою столовою, доколѣ эта комната не получила настоящаго своего назначенія.

ната съ пилястрами. Она первая, т. е. начинающая рядъ покоевъ, (рядомъ съ нею) расположенныхъ по углубленной части фаса, обращеннаго къ Адмиральтейству. Вправо отъ нея расположены: буфетъ, съ переходомъ и лѣстницею, а возлѣ особенная *брильянтовая* комната; ими оканчивается съ этой стороны половина Государыни Императрицы; изъ столовой выходъ прямо въ —

Ротонду (22 арш. въ діаметръ), прекрасную комнату палеваго мрамора, въ греческомъ вкусѣ, съ возвышеннымъ, смѣлымъ и стройнымъ каменнымъ куполомъ, замѣнившимъ полуплоскій деревянный потолокъ; изъ вершины его льется тихій свѣтъ; подъ куполомъ кольцомъ обхватываетъ комнату висѣщая галлерей. На оконечностяхъ двухъ прямоугольно-пересекающихся діаметровъ ротонды, устроены четыре красивые углубленія или ниша (описанныя радіусомъ около 5 аршинъ), поддерживаемыя каждый двумя дорическими колоннами и придающія большую пріятность общему виду ротонды. Эта комната есть четвертый (скрытый, невидный снаружи зданія) внутренний уголъ квадрата, занимаемаго внутренними покоями Государыни Императрицы *; она вмѣстѣ есть ключъ этой цѣпи, и общее соединеніе. Предполагаю, что вы стоите въ ней точно въ томъ направленіи, какъ вошли изъ *большой столовой*; за вами ходъ черезъ эту послѣднюю въ уборную, цвѣтникъ и такъ далѣе; направо ходъ въ корридоръ, раздѣляющій половины Великихъ Князей и Государя Наслѣдника; прямо — входъ въ Малую Церковь; лѣво — входъ въ большую столовую (Арапскую), и ею сообщеніе лѣво — съ внутренними покоями Императрицы, направо съ пом-

* Квадратъ этотъ составляетъ весь угловой выступъ дворцоваго зданія на Неву и къ Адмиральтейству.

пейскою длинною галлереею, Концертною Залою и далѣе совсѣми описанными уже нами пріемными залами.

Весь этотъ квадратъ окружаетъ собою внутренній непроѣздный дворикъ въ 10 саж. длины и почти въ пять саж. ширины. Наружныя же измѣренія самаго квадрата представляютъ — по одному фасу: на Неву, 25 саж. (9 оконъ); къ Адмиральтейству 18 саж. (7 оконъ), потомъ эта послѣдняя линія прямымъ угломъ загибается внутрь, къ главному корпусу на 10 слишкомъ саженой (6 оконъ), послѣ чего остальные комнаты, принадлежащія къ этой половинѣ: *большая столовая, буфетъ и брильянтовая*, поворачиваются опять вправо по главному фасу, противъ Адмиральтейства лежащему, занимая въ немъ еще $12\frac{1}{2}$ саж.; за тѣмъ продолженіе сего фаса до самаго угла, выходящаго на Дворцовую Площадь и къ Адмиральтейству, занято половиною Государя Наслѣдника Цесаревича.

Намъ, вѣроятно, простятъ эти подробности: мы знаемъ, что многія тысячи Русскихъ, которые прочитаютъ эту статью, никогда не бывали во дворцѣ, а кому же изъ Русскихъ не драгоценна каждая подробность о жилищѣ Царей ихъ? Мы полагаемъ хоть вмаля удовлетворить этимъ святое любопытство сердца соотечественниковъ нашихъ.

Въ верхнемъ этажѣ этого же квадрата, съ угловой части его, окнами на Неву и къ Адмиральтейству, расположены внутреннія комнаты Государя Императора; въ нижнемъ устроены покои Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ.—Эти послѣднія комнаты, прекрасныя и отдѣлкою и удобствомъ расположенія, составляютъ совершенно-новое, важное пріобрѣтеніе для Зимняго-Дворца: до пожара вся часть, занятая ими, состояла изъ кладовыхъ и служебныхъ це-

реходовъ. Мы послѣ поднимемся къ комнатамъ Государя Императора и спустимся къ комнатамъ Великихъ Князей, теперь же осмотримъ остальные отѣланные части обозрѣваемаго нами этажа *.

* Мы осмотрѣли 1) весь фасъ на Неву, заключающій въ себѣ: парадную лѣстницу, Аван-залы, Концертную, и комнаты Императрицы; 2) весь фасъ боковой по дворцовому переулку (отъ Невы до Милліонной), неимѣющій оконъ въ этотъ переулокъ, но обращенный окнами на большой дворцовый дворъ; въ этомъ фасѣ заключаются, начиная отъ парадной лѣстницы влѣво: залы — Фельдмаршальская, Петра I-го, Бѣлая (нынѣ ее всю роскошно золотятъ), и, бокъ-о-бокъ съ нею, Военно-портретная Галлерей, освѣщенная сверху; далѣе — новая Гренадерская Зала, упирающаяся своими окнами въ третій внутренній непроѣздный дворикъ, находящійся въ угловомъ квадратѣ или выступѣ на Дворцовую Площадь и въ Милліонную; влѣво отъ Гренадерской Залы мы видѣли Большую Церковь, составляющую собою цѣлый задній фасъ (относительно къ Дворцовой Площади) этого квадрата и имѣющую окна направо — во внутренній дворъ, влѣво — въ переулокъ.

Теперь читателю, даже вовсе-незнакомому съ громаднымъ зданіемъ дворца, нетрудно и безъ плана понять общее его распредѣленіе. Представьте огромный квадратъ, съ четырьмя наугольными на немъ выступами; общая длина фасовъ, на площадь и на Неву по 104 саж. каждый; фасовъ: къ Адмиралтейству и въ переулокъ, по 80 саж. слишкомъ; а окружность всего этого *главнаго зданія* (не включая Эрмитажа и Шепелевскаго Дворца), слѣдя главные изгибы линий, до 450 саж.! — Въ серединѣ этой громады помѣщается четырех-сторонній (съ входящими и выходящими углами) дворъ, до 220 саж. въ окружности. — Теперь фасаы и наугольные квадраты извѣстны; становимся на Невѣ лицомъ ко дворцу: весь этотъ фасъ извѣстенъ (смотри выше нум. 1-й въ этомъ примѣчаніи); наугольный лѣвый квадратъ, окружающій внутренній дворъ, занятъ съ одной стороны парадною лѣстницею и частию Фельдмаршальской Залы, съ трехъ остальныхъ половиною министра императорскаго двора. Идущій отсюда вертикально фасъ занятъ, какъ сказано выше (нум. 2-й этого примѣчанія); квадратъ, въ который онъ

Мы остановились въ ротондѣ; изъ нея, какъ сказано выше, есть выходъ въ широкій, свѣтлый внутренний корридоръ:

Внутренній корридоръ (всего въ 42 слишкомъ сажени длины и въ 2 $\frac{1}{2}$ саж. ширины), нѣкогда мрачный и

упирается, окружая внутренній дворикъ, содержитъ: въ ближайшемъ къ намъ фасѣ Большую Церковь; въ лѣвомъ (въ Мыльбонную) и въ верхнемъ (на площадь) бывшія комнаты короля прусскаго, нынѣ почти-оконченную превосходною отдѣлкой *вторую запасную половину*; правый фасъ этого квадрата есть весь — одна повал, нынѣ отдѣливаемая Брюлловымъ и имъ проектированная превосходная Александровская Зала; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть связь и переходъ изъ второй запасной половины въ фасъ, обращенный на площадь, и также связь всѣхъ поименованныхъ нами выше большихъ залъ съ этимъ фасомъ, минуя вторую запасную половину, составляющую комнаты внутреннія. — Далѣе, вправо идетъ середина фаса, обращеннаго на площадь; здѣсь опять цѣлая *половина, переделъ запасная*, роскошныхъ, оканчиваемыхъ комнатъ, на площадь окнами — приемныхъ, на дворъ окнами — внутреннихъ; слѣдовательно, общее соединеніе не прервано. Далѣе въ-право примыкаетъ наугольный квадратъ на площадь и къ Адмиралтейству, окружая собою внутренній дворикъ. Лѣвый фасъ его въ части, ближайшей къ этому дворнику, есть переходъ и сообщеніе *первой запасной половины* съ фасомъ дворца, обращеннымъ къ Адмиралтейству; остальные фасы квадрата заняты превосходными, вновь-отдѣливаемыми комнатами: это *новая половина* Государя Наслѣдника Цесаревича. Далѣе, прямо на насъ, направленъ фасъ, обращенный къ Адмиралтейству, и раздѣленный внутреннимъ корридоромъ на-двое, по длине; часть, съ окнами къ Адмиралтейству, есть *старая половина Государя Наслѣдника*, сообщающаяся съ новою; окнами на большой дворъ — *половины* Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Наконецъ, наугольный квадратъ на площадь и на Неву, *половины*: Государыни Императрицы, въ этомъ этажѣ; Государя Императора, въ верхнемъ, Государынь Вели-

характеромъ, и недостаточною вышиною, и отсутствиемъ дневнаго освѣщенія, нынѣ обращенъ въ прекрасную, чистую, даже величественную галерею въ греческомъ вкусѣ; на довольно-значительной вышинѣ онъ покрытъ потолкомъ, округляющимся красивою дугою и имѣетъ отверстія или фонари, освѣщающіе корридоръ съ-верху; на противоположномъ ротондѣ концѣ, корридоръ *дебушируетъ* прямо въ комнату казацкаго караула, а отъ-туда изъ широкаго окна, обращеннаго на внутренній, непроѣздный дворикъ, свѣтъ опять льется въ корридоръ длиннымъ лучемъ. На серединѣ его протяженія, и по обѣ стороны, въ ровныхъ отъ этого мѣста разстояніяхъ, устроены портяны, украшающіе входы изъ корридора въ покои направо и налево.

Главное назначеніе корридора состоитъ въ связи и сообщеніи квадрата (углового выступа) на Неву и къ Адмиральтейству, съ угловымъ квадратомъ (выступомъ) на Дворцовую Площадь и къ Адмиральтейству; въ первомъ прежде помѣщались комнаты Императора Александра I-го; во второмъ—комнаты Императрицы Маріи Ѳеодоровны; нынѣ въ первомъ, какъ уже извѣстно, комнаты Государа Императора (въ верхнемъ этажѣ), Императрицы (въ среднемъ) и Великихъ Княженъ (въ нижнемъ). Начиная отъ ротонды по корридору направо къ Адмиральтейству, первыя двѣ комнаты, какъ мы сказали, принадлежатъ еще къ половинѣ Им-

кихъ Княженъ въ нижнемъ, и, минуя ихъ чрезъ ротонду, связь и сообщеніе этого фаса адмиральтейскаго съ набережнымъ, которыми мы начали.—Такъ роскошно, удобно и умно распределено это громадное построеніе; въ безчисленныхъ принадлежностяхъ, мелочахъ и прислугахъ порядокъ и удобства столь же удивительны.

ператрицы: это *буфетъ и брильянтовая*; далѣ лѣстница, ведущая на подъѣздъ (бывшій салтыковскій); отсюда вся остальная часть фаса, до угольнаго квадрата или выступа, заключающаго новоотдѣливаемую для Государя Цесаревича половину, содержитъ въ себѣ нынѣшнія комнаты Его Императорскаго Высочества, а именно: прихожая, зала съ выходомъ на балконъ, изъ палатки котораго Императорская фамилія изволить смотрѣть иногда на разводы; кабинетъ, почивальня, уборная и библіотека; всего на протяженіе 26 саж. Эта прежняя или временная половина Его Высочества чрезвычайно-проста по отдѣлкѣ и меблировкѣ; но, находясь въ ней, выпадаешь въ удивительное раздумье: многія комнаты возобновлены до малѣйшей подробности въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были, когда ихъ занималъ нынѣ благополучно-царствующій Государь Императоръ, а передъ нимъ покойный Императоръ, Александръ Павловичъ, для котораго собственно онѣ были назначены и отдѣланы при его рожденіи.

Другая половина фаса, вдоль всего корридора, окнами на дворъ, заключаетъ въ себѣ столь же простоубранныя, но удобныя и по цѣли прилично-меблированныя комнаты (всего восемь), раздѣленные на двѣ половины: одна для Его Императорскаго Высочества, Константина Николаевича, другая для Николая Николаевича и Михаила Николаевича, вмѣстѣ. Тутъ все необходимое для ихъ занятій и полезныхъ упражненій; въ залѣ устроена гаубтвахта, и, говорятъ, будетъ поставлена большая модель корабля для практическаго обученія Его Императорскаго Высочества.

Осмотрѣвъ все безъ изъятія оконченное въ этомъ этажѣ, подымаемся въ верхній, въ половину Его Императорскаго Величества.

Комнаты Государя Императора, немногочисленные, отдѣленные съ прежнею простотою, расположены надъ комнатами Императрицы *, и занимаютъ пространство ими занятое, за исключеніемъ *малахитовой, ванной, и части садика*. — По внутренней лѣстницѣ вы входите въ прихожую, а изъ нея прямо въ маленькую, переходную комнату, отъ которой вправо начинается рядъ комнатъ Государевыхъ, а влево принадлежащій къ этому отдѣленію *угловой кабинетикъ для Императрицы*, съ двумя окнами: одно на Адмиралтейство, и одно къ сторонѣ подъѣзда. Этотъ прелестный, уютный, семейный кабинетикъ украшенъ мебелью бѣлаго дерева; потолокъ его, легко, но съ особеннымъ вкусомъ, расписанъ *Дролингеромъ*, отличнымъ художникомъ, которому принадлежатъ въ дворцѣ едва-ли не лучшія въ этомъ родѣ работы. Но лучшее убранство сего кабинетика, какъ и всѣхъ почти комнатъ Государя Императора, состоитъ въ собраніи превосходныхъ, небольшихъ картинъ; вы замѣтите тутъ «Вознесеніе Божіей Матери», *Тиціана*; «Св. Семейство» *Леонарда-Винчи*, «Божію Матерь съ младенцемъ», если не ошибаемся, рафаэлевой школы; нѣсколько другихъ отличныхъ образцовъ прославленной кисти, и, между ними, имена и работы нашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, двѣ прелестныя (извѣстныя всѣмъ по литографіямъ) женскія головы *Брюллова*, «Итальянское Утро», и «Вечеръ», превосходное «Св. Семейство» *Егорова*, и проч. и проч.

Вправо отъ переходной расположены:

* По такъ-называемой салтыковской лѣстницѣ до этого этажа 141 ступень; влево корридоръ къ комнатамъ Государя Императора, направо другой, расположенный надъ внутреннимъ свѣтлымъ корридоромъ, пролегающимъ между половинъ Великихъ Князей.

Туалетная; маленькая комната съ однимъ окномъ, столъ и нѣсколько шкапиковъ сѣраго (моренаго) дерева составляютъ все ея убранство.

Кабинетъ въ два окна; простая, неизысканнаго рисунка мебель карельской березы: стулья, покрытые зеленымъ сатѣномъ, вдоль двухъ боковыхъ стѣнъ низкіе шкапы, къ сторонѣ оконъ два письменные стола, далѣе комторка, въ углубленіи большой диванъ, въ двухъ углахъ по камину, — вотъ рабочая комната Всероссійскаго Самодержца! — Стѣны, пріятнаго зеленого цвѣта, украшены произведеніями кисти, изъ коихъ каждое есть или задогъ любви семейной, или воспоминаніе славы народной, и потому завѣтъ любви Царя къ огромному семейству, вѣренному провидѣнію державной рукъ его. Надъ диваномъ вы видите картины, изображающія знаменитыя военныя дѣйствія Петра I, родоначальника всякаго величія русскаго; портреты Петра I-го и Александра Благословеннаго; портреты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, братьевъ и сестеръ Государя Императора; далѣе, по стѣнамъ, акварельные портреты всѣхъ дѣтей Его Императорскаго Величества; прелестныя небольшія картинки, работы *Ладюрнера*, изображающія сцены изъ ежедневной военной или дворцовой жизни, и на каждой портреты: Государя Императора, или Наслѣдника Цесаревича, или Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича, принца Оранскаго, — окруженныхъ приближенными. Всѣ эти произведенія отличаются чрезвычайнымъ сходствомъ, не только лицъ, но склада и положеній особъ, которыя изображены на нихъ. — На двухъ стѣнахъ, надъ низкими шкапами, двѣ огромныя картины, извѣстныя многимъ въ Петербургѣ: «Парадъ въ Берлинѣ», писанный Крюгеромъ, и «Парадъ въ Санктпетербургѣ», писанный Ла-

дюрнеромъ; на каждой болѣе 250. портретовъ извѣстныхъ лицъ военныхъ, окружающихъ здѣсь Императора, тамъ короля, а въ числѣ зрителей — нѣсколько особъ высшаго круга и современныхъ знаменитостей обоого пола. На одномъ изъ каминовъ — прекрасный мраморный бюстъ его величества, короля прусскаго; тутъ же всѣ мундиры его войска, изображенные маленькими чугуновыми *статуэтками*, отчетливо-отличными и раскрашенными. На другомъ каминѣ бюстъ Государыни Императрицы, отличнаго выполненія изъ бисквита (фарфоровой массы), съ наброшеннымъ на голову прозрачнымъ, вышитымъ, тюлевымъ вуалемъ; за этимъ бюстомъ расположены бюсты всѣхъ Великихъ Князей и Великихъ Княженъ, дѣтей Государя Императора, снятые въ самомъ юномъ возрастѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Угловая гостиная (на Неву и къ Адмиралтейству; по два окна на каждую сторону). — Потолокъ этой комнаты очень-красивъ; середина его составляетъ довольно-возвышенный куполокъ, поддерживаемый по угламъ четырьмя четверть-куполками; все это росписано въ мозаичномъ родѣ бѣлою и лиловою красками, чрезвычайно-просто и со-вкусомъ, съ весьма легкою примѣсью золота. — Угловой диванъ, нѣсколько креселъ, козетка, два зеркала между оконъ съ полукруглыми подзеркальными столами и фарфоровыми на нихъ вазами, составляютъ меблировку Царской гостиной (мебель орѣховаго дерева съ позолотою). На боковой стѣнѣ каминъ, передъ которымъ стоитъ высокій экранъ-ширма, въ готическомъ вкусѣ, изъ трехъ половинокъ, покрытыхъ металлическими листами, на которыхъ находятся живописныя изображенія св. Побѣдоносца Георгія, св. Цециліи, и, если не ошибаюсь, св. Клары; мы не имѣли случая свѣдать ничего объ

этомъ украшеніи, но должно предполагать, что оно, кромѣ живописи довольно высокаго достоинства, должно быть чѣмъ-либо особенно замѣчательно. Стѣны и здѣсь обогащены избранными картинами: смотрѣ Наполеономъ гвардіи его, недавно по заказу Государя Императора написанный *Вернетомъ*; нѣсколько превосходныхъ морскихъ картинъ *Танёра*, *Шотелля*, *Бакгузена*; нѣсколько отличныхъ произведеній кисти *Фан-Фельде*, *Вувермана* и *Беркгейдена* украшаютъ эту комнату; но драгоцѣннѣйшее ея убранство составляетъ статуя Императрицы, дѣланная Карломъ Вихманомъ въ 1827 году. Государыня изображена сидящею, искусно и неизысканно-драпированною въ полудревнюю одежду; лѣвая рука покоится; въ правой, поднятой, медальонъ съ профильными изображеніями родителей Императрицы, къ которымъ обращены нѣсколько ея станъ и голова, и на которыя устремлены съ выраженіемъ нѣжности взоры; въ этомъ произведеніи много сходства, граціи, мягкости и вмѣстѣ возвышенности въ идеѣ и выполненіи. Верхняя часть (карнизъ) бѣлой мраморной базы, на которой утверждена статуя, круговращается безъ всякаго усилія отъ легкаго движенія руки, что позволяетъ видѣть статую со всѣхъ сторонъ.

Другая гостиная, съ потолкомъ, легко расписаннымъ въ мозаичномъ родѣ, по голубому и желтому полю, съ бѣлою мѣбелю съ позолотой, и съ стѣнами, обтянутыми желтымъ штофомъ, съ легкимъ пунсовымъ узоромъ, заключаетъ рядъ немногочисленныхъ внутреннихъ комнатъ Государя Императора.

Продолженіе этой же линіи, до входящаго угла по набережной, т. е. до Концертной Залы, занято небольшою комнатою возлѣ желтой гостиной, называемою—

Статс-секретарскою; двери ея украшены каріатидами, на стѣнахъ нѣсколько хорошихъ картинъ *Роберта*, и, далѣе —

Трѣя комнаты для прїѣздовъ Его Императорскаго Высочества, Михаила Павловича.

Сзади сихъ комнатъ расположенъ чистый корридоръ, освѣщенный съ-верху прекрасными матовыми съ прозрачно-вышлифованнымъ узоромъ стеклами; при послѣдней комнатѣ корридоръ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ вправо; въ этой части окна его выходятъ въ Концертную Залу, около которой онъ огибается опять влѣво и прямою линіею, пролегая надъ идущею внизу Помпейскою Галлереею, соединяется съ хорами всѣхъ другихъ большихъ залъ. Противоположный его конецъ выводитъ на новую прекрасную лѣстницу, устроенную близъ Малой Церкви. — По другой сторонѣ этого корридора, т. е. окнами на внутренній дворикъ и надъ расположенными внизу: *Арапскою*, малою или *Помпейскою столовою*, *Буфетомъ*, *Каммер-юнферскою* и переходами изъ нихъ, находятся еще чистыя комнаты для принадлежностей и прислугъ; въ остальныхъ комнатахъ этого же этажа помѣщены гардеробы Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Поднимаемся теперь еще выше, по круглой, чугунной лѣстницѣ до телеграфа, отъ котораго идутъ телеграфическія линіи въ Кронштадтъ и Варшаву; взглянувъ съ этой возвышенной точки на дивную панораму Петербурга, съ его монументальными зданіями, прямыми, безконечными проспектами, обворожительною Невою и живописными островами, — зайдемъ въ комнаты для телеграфическихъ работъ, и въ помѣщеніе для военно-служителей при телеграфѣ, устроенныя надъ комнатами Государя Императора, и, налюбовавшись необыкновенно-умному порядку размѣще-

нія всего, видѣннаго нами, искусству, сообразительности и незапутанности, съ которыми стройно соткана эта хитрая сѣть чистыхъ корридоровъ, свѣтлыхъ переходовъ, и удобныхъ, прекрасныхъ лѣстницъ, спустимся по той же круглой лѣстницѣ, изъ-подъ телеграфа, будто огромный винтъ провернувшейся сквозь всѣ эти этажи громаднаго дворца въ самый его фундаментъ, — чтобъ взойти въ комнаты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ, расположенныя подъ комнатами Государыни Императрицы.

На половинѣ дороги, въ этажъ Государыни Императрицы, я остановлю васъ на одну минуту въ уборной; проходя здѣсь, я не обратилъ вашего вниманія на предметъ весьма любопытный. Въ двери цилиндрическаго шкапа, изъ краснаго дерева, маскирующаго круглую лѣстницу, по которой мы шли, вставлена картина, изображающая солдата въ настоящій ростъ; другая, такая же картина, находится въ другой двери направо. Вы вѣроятно помните, что Петръ I подарилъ королю прусскому нѣсколько славныхъ гренадеровъ: съ этихъ-то *сѣверныхъ великановъ*, жившихъ въ холѣ и бережи въ новомъ ихъ отечествѣ, списаны были тогда же портреты; нынѣ-царствующій родитель Государыни Императрицы подарилъ сии портреты Императору въ бытность Его Величества въ Берлинѣ. Одинъ изъ находящихся здѣсь есть самое добродушное лицо, какое-когда-либо можно видѣть подъ военною бронею; его свѣтло-русые, длинные волосы такъ странно противоположны гренадерской шапкѣ (въ родѣ нашихъ лейб-гвардіи Павловскаго Полка); бѣлая, голландская манишка въ складкахъ, красное нижнее платье, красиво-завивающійся, пристегнутый къ срединѣ перевязи фитиль, и огромная фузея, которую онъ весьма неловко держитъ, такъ замѣчательны, са-

мая выправка такъ невоинственна, что вы любопытствуете узнать имя гренадера: оно написано въ-низу: «*Schwerid Redivanoff aus Moscau*».

Спустимся теперь ниже, въ комнаты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ.

Начиная осматривать ихъ съ того же конца, съ котораго мы обозрѣвали комнаты Государя Императора, прежде всего должно зайти въ двѣ маленькія комнаты, собственно для Его Величества назначенныя въ этомъ этажѣ, какъ и во всѣхъ; здѣсь письменный столъ, трюмо, два-три кресла—и только.

Чрезъ особый переходъ, вправо, половина Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны.

Гостиная-кабинетъ Ея Императорскаго Высочества Ольги Николаевны, красиво, но просто. отдѣланная, оклеена милаго рисунка голубыми обоями, и убрана приличною мебелью бѣлаго дерева съ украшеніями изъ орховаго.

Опочивальня, зеленого цвѣта, съ мебелью краснаго дерева, въ углубленіи раздѣлена двумя колоннами древняго желтаго мрамора, поддерживающими красивую арку; штофная между ими драпировка составляетъ два отдѣльные алькова для ихъ Императорскихъ Высочествъ; въ углахъ два кивота для образовъ.

Рядомъ *гостиная-кабинетъ* Ея Императорскаго Высочества, Маріи Николаевны; малиновая комната, съ зеленою драпировкою оконъ, занимающая уголъ на Неву и къ Адмиралтейству. Она отдѣлана въ стилѣ *возрожденія* и меблирована съ большимъ вкусомъ (орховымъ деревомъ). Угловой диванъ, козетки, цѣтники, письменный столъ, прелестное помѣщеніе у двухъ угловыхъ оконъ, отдѣленныхъ превосходнымъ

трельяжемъ, все просто, но обворожительно по рисунку и свѣжести; надъ диваномъ двѣ прекрасныя семейныя картины *Ванлоо*.

Библіотека голубая; въ серединѣ ея столбъ, поддерживающій своды, опирающіеся на него со всѣхъ сторонъ; кругомъ шкапы, столы, всѣ принадлежности учебной комнаты.

Зала, съ необыкновенною простотою и чрезвычайнымъ вкусомъ отдѣланная въ готическомъ стилѣ. — Двѣ связки тонкихъ колоннъ дѣлятъ ее какъ-бы на двѣ галлерей, состоящія изъ аркадъ, граціозно перебрасывающихся со стороны на сторону; три окна льютъ свѣтъ на одноцвѣтныя, кружевыя, чистыя, лепныя украшенія, искусно вышолненные художникомъ *Генрихомъ Троду*; въ двухъ нишахъ перваго изъ этихъ массивовъ колоннъ, съ обѣихъ его сторонъ, поставлены (тоже работы Троду) двѣ необыкновенно-прекрасныя статуи, эфирныя, стройныя, тонкія, съ маленькими, миловидными головками, во вкусъ среднихъ вѣковъ. Одна, опершись правою рукою на арфу, а лѣвую прижавъ къ груди, обращаетъ къ небу взоръ, исполненный ангельской кротости; другая, держа въ лѣвой рукѣ вѣнокъ, съ выраженіемъ невинности, стройными пальчиками другой руки, кажется, хочетъ взять изъ него одинъ цвѣтокъ; мѣстами къ одеждѣ ихъ примѣшана позолота. Передъ окнами стоять прекрасныя хрустальныя вазы; легкая мѣбель распределена съ большимъ вкусомъ и въ углубленіяхъ арокъ вездѣ представляетъ милыя и уютныя помѣщенія. — Эта небогатая комната прелестна въ художественномъ отношеніи.

За нею слѣдуетъ свѣтлый корридоръ и особая лѣстница съ подъездомъ на Неву. По другую сторону корридора находится небольшое отдѣленіе для Ея Импе-

раторскаго Высочества Александры Николаевны. Позади всѣхъ этихъ комнатъ расположены помѣщенія для различнаго употребленія.

Мы обозрѣли все, что было готово тогда, какъ публика была впущена въ Зимній-Дворецъ, но не все, что готово уже теперь и еще со дня на день оканчивается, а этого еще чрезвычайно много: *Новая половина* для Государя Наслѣдника Цесаревича, до десяти комнатъ съ большою танцевальною залой *; *Первая запасная половина*, до семнадцати комнатъ **; *Вторая запасная половина*, до 14-ти комнатъ ***. Между сими двумя половинами, соединяющая ихъ, превосходная новая Александровская-Зала, замѣчательна по изобрѣтенію, архитектурнической роскоши и смѣлости сводовъ. Все это дѣлаетъ А. П. Брюлловъ; все это прекрасно, или прелестно, и все — мы осмотримъ весьма-скоро, потому-что скоро будетъ все окончено.

Въ то же время мы сообщимъ описаніе чердаковъ, стропиль, балокъ, вообще механическихъ устройствъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія; представимъ нѣсколько статистическихъ, неменѣе-любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ трудѣ — словомъ, постараемся дать столь вѣрное и полное понятіе о предме-

* Уголь къ Адмиралтейству и на площадь.

** Середина фаса на площадь.

*** Уголь на площадь и въ Мильонную; слѣдовательно, эти половины занимаютъ весь фасъ на площадь и оба загиба отъ него по длинѣ выступовъ.

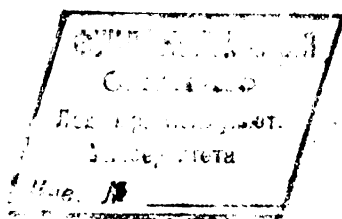
тъ, сколько то возможно, упомянувъ и о художникахъ, наиболѣе участвовавшихъ въ возобновленіи дворца (*).

Если статья эта и продолжительна, то мы не можемъ полагать, чтобъ кто-либо изъ Русскихъ не находилъ сердечнаго интереса въ описаніи подробностей царскаго дома.

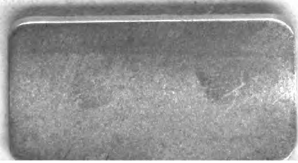
Въ ожиданіи и надеждѣ, что рука художника и вмѣстѣ искуснаго писателя начертитъ намъ въ болѣе полной и ученой картинѣ всѣ превосходныя частности этого громаднаго произведенія, повинуюсь внутреннему влеченію, кладемъ на алтарь общаго Русскимъ чувства свое слабое приношеніе.

(*) Это будетъ издано въ свое время отдѣльною тетрадкою.

(Взято изъ 4, 5 и 6 книжекъ Ответственныхъ Записокъ 1839 года).

по 4 X 11 1/2

КУЛИНИНЪ
И КАРИКОВЪ
Дружеский пр. 55
Москва

